

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. С. СГИБНЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГЛАВНЕЙШИХ СОБЫТИЙ В КАМЧАТКЕ С 1650 ПО 1856 гг. (Окончание)

IV. 1772—1816 гг.

Бунт Бенъевского заставил правительство обратить особенное внимание на полуостров Камчатку. Императрица Екатерина II, желая положить конец всем бедствиям камчадалов и вообще восстановить там порядок, назначила камчатским командиром лично ей известного капитана Магнуса Карла фон Бема. 30-го апреля 1772 г. она подписала в Царском селе следующий указ на имя иркутского губернатора Бриля.

«Всемиловитейше пожаловали мы отставного капитана Бема премьер-майором, повелевая оному быть *главным командиром* в Камчатке с жалованием по 600 руб. в год. Почему и имеете все находящиеся там остроги и прочие селения с жителями препоручить в главное его управление, снабдя при выезде его из Иркутска наставлением, сходственным с законами и с настоящими там обстоятельствами, к приведению в лучший порядок и благосостояние жительствоющих. А в какой силе сии наставления от вас ему даны будут, об оном не оставите нам донести в свое время».

Таким образом, по смыслу этого указа камчатское управление снова сделано независимым от охотского, иркутский же губернатор, кроме того, предписывал Бему заведывать Ижигинским округом, Курильскими и Алеутскими островами.

6-го сентября 1772 г. Бем прибыл в Иркутск, где по случаю распутицы остался ожидать зимнего пути и только 28-го ноября мог отправиться из Иркутска. Бриль, согласно с Высочайшей волей, дал ему инструкцию следующего содержания:

«1) Поручается вам в команду и управление вся Камчатская земля и все живущие там лица, Большерецкий, Верхний и Нижний остроги, Тигильская крепость и вновь построенная в Пенжинской губе в 1752 году Ижигинская крепость, которая до сего состояла в ведении охотской канцелярии, а также принять в свое ведение Курильские и другие близ Камчатки лежащие острова и на них живущих ясашных инородцев. По прибытии в Большерецк, где нахо-

дится камчатское управление, принять там все дела и указы, денежную казну, артиллерию, все имущество и воинскую команду, а из других мест собрать подробные сведения, как о казенном имуществе, так и о числе ясашных.

2) Обратит внимание на камчатские беспорядки, происшедшие как от оспенного поветрия, так и от ссор бывшего командира, флота капитана Извекова, с полковником Пленеснером, от пьянства и других беспорядочных поступков первого, о чем, впрочем, исследовано особою комиссиею под начальством полковника Зубрицкого, а также от возмущения ссыльных и других промышленных людей, которые убили командира Нилова и разграбили казну и морское судно, ушли в море. Для прекращения всех этих беспорядков, впредь до указа, по распоряжению охотского начальства послан туда флота капитан Хметевский, который уже летами весьма стар, а потому на место его командирован охотской команды капитан Тимофей Шмалев, который должен прибыть на место в лето 1772 г. Но от них нет никаких донесений. Прекратить все беспорядки без послабления.

3) По сложности ваших занятий в большерецкую канцелярию для земских дел назначить к себе помощником Шмалева или другого офицера по вашему выбору и даже двух. А капитана Хметевского отправить в Охотск, если он еще не отправился. Прочих же командиров в острогах испытать, и если окажутся ненадежными, отослать в Охотск, дабы не получали там даром двойного жалования, и заменить их другими.

4) Вам же самим с камчатской большерецкой канцелярией состоять единственно под начальством иркутского губернатора и иркутской губернской канцелярии и исполнять их указы, а с охотской и прочими провинциальными канцеляриями сноситься промемориями.

5) Хотя 7-го октября 1771 г. и предписано Шмалеву укрепить и исправить Большерецкий острог, но он не мог еще этого исполнить, и потому вам, как этот острог, так и другие привести в новое положение, чтобы они были безопасны от бунтовщиков, чукок и коряк. Работы производить служителями, производя им плату на основании Высочайше утвержденного в 3-й день октября 1769 г. доклада военной коллегии, из тамошних доходов. По прибытии в Охотск, если признаете за нужное взять с собою команды, артиллерию и прочих припасов, то снести по этому предмету с вновь назначенным охотским командиром, который на основании предписания к его предшественнику, полковнику Пленеснеру, от 15-го января 1772 г., все исполнит. Если же и там что-нибудь не окажется, то мне рапортовать.

6) Военную команду осмотреть, и если будет недостаток, то оный пополнить солдатскими и казачьими детьми, а негодных к службе солдат, чтобы напрасно не получали двойного жалования и хлеба не поедали, отослать в Охотск, а взамен их требовать других из отправленных отсюда в 1771 и 1772 годах в Охотск солдат, сколько будет потребно, без излишества. А которые

из неспособных окажутся годными для поселения — селить в Камчатке и поступать с ними по силе Высочайшего указа 22-го августа 1763 г.

7) Солдатских и казачьих малолетних детей переписать, и чтобы без призрения не оставались и праздно не шатались, с семилетнего возраста отдавать в школы, выбрав для их учения грамотных служителей. А в содержании их поступать на основании указов: именного 1735 г. июля 9-го, правительствующего сената 3 ноября 1744 г., именного 19 апреля 1764 г. о гарнизонных батальонах, да указов государ. военн. коллегии 1767 г., ноября 9 и 1769 г., мая 25, употребляя деньги на содержание школьников от тамошних доходов. По совершеннолетию этих мальчиков определять: детей солдат в солдаты, а казачьих — в казаки, а если окажут способности, то и в другие должности. Кроме того, обучать камчадальских детей на основании указа прав. сената 1764 г., января 15 дня.

8) Хотя в год раз представлять ведомость об оружии и людях военных в Камчатке, а также списки офицеров с аттестацией для представления их к награде и унтер-офицеров для производства их по вакансии в офицеры, по усмотрению вашему, достойных и знающих читать и писать. Сверх же положенного числа в офицеры отнюдь не производить.

9) Назначенное вам, а равно служителям, денежное, а последним и хлебное довольствие производить из тамошних доходов по силе указов: сената 1760 г., марта 29, 1761 г., августа 23 и 1762 г. октября 9, регулярным провианта натурою муки по 32½ ф. на месяц, а за остальные 12 пуд. деньгами, по полтора, а за крупу, в случае недостатка в ней, по 2 руб. за пуд; а денежное жалование по полевому положению двойное, а за годовую аммуницию деньгами ординарное. Казакам: денежное жалование полуторное; муки по 10 пуд. в год, а за остальную деньгами. За прошедшие же годы ни в каком случае ни денег, ни провианта не производить, в силу указов сената 1764 г., декабря 17, 1765 г., октября 18 и 1779 г., ноября 22 дня. Если же денежной казны будет недостаточно, требовать из Охотска. Но вообще заботиться, чтобы денег было всегда в запасе на год, а провианту на два, на случай крушения судов и других случайностей, чтобы не было в Камчатке голода. Кроме того, на всякий случай принуждать, чтобы тамошние жители всегда имели в большом запасе рыбный корм.

10) Всех ссыльных в Камчатке самим осмотреть и разведать, какого они поведения. И ежели окажутся за ними хотя малая дерзости, держать их под строгим караулом и порознь по острогам, дабы они не могли сделать заговора, донося об их поступках в Иркутск, а до получения резолюции производить от казны кормовые деньги, если таковых они на свободе не получали.

11) Из присланного от полковника Зубрицкого донесения видно, что во всех камчатских острогах по последней переписи состояло в ясаке 2 573, да малолетних 1 131; из того числа от оспенной болезни умерло 1 736, мало-

летних 673, да женского пола 2 358; за тем осталось ясашных 856, да малолетних 477; но как Зубрицкий недолго был в Камчатке, и опись составлена скоро, то надо ее проверить и рассмотреть, с кого и с какого времени следует взять ясак, и собирать его на основании инструкции, Высочайше утвержденной в 4 день июня 1764 г., данной отправленному в Сибирь для переобложения ясаком инородцев гвардии секунд-майору Щербачеву.

12) Из такой поверки можете вы увидеть убыль и сколько за смертью осталось их селений впусе. Все эти селения, а в особенности годные вновь к заселению места, в том числе годные к хлебопашеству и скотоводству, описать и сообразить, кого надо послать на убылые места: ясашных, якутов, казаков или крестьян и с каким довольствием; составить всему смету с примечаниями — какие льготы надо им дать, а по прошествии оной что с них в казну собирать, и все это представить ко мне, и каждый год присылать краткие ведомости, сколько мужского и сколько женского пола умрет, вновь родится, браком сочетается и сколько инородцев окрестится.

13) В проезд ваш через Якутск взять там подлекаря с медикаментами для пользования в Камчатке служилых и других от оспы и разных болезней. А если там не окажется лекарств, то требовать из Иркутска. Подлекарю производить жалование со дня выезда из Иркутска двойное, т. е. 240 руб., и предписать ему, чтобы он в прививании оспы поступал по силе регламента, согласное с разосланным печатным постановлением.

14) Всех тамошних жителей и приезжающих из разных городов купцов и промышленников от обид и грабительств охранять. Да и самому вам обходиться с ними ласково и подавать в нужных случаях добрые советы, а тяжёбые дела решать по силе законов. Случающиеся же между приезжими купцами тяжёбые дела решать третейским судом, лучшими купцами, определяя при этом для справедливости и с своей стороны одного офицера. Если же ясашным будут от кого-либо налоги, взятки и грабежи, то поступать по указам: прав. сената 1745 г., октября 26, именным: 1754 г., июля 20, 1760 г., августа 16, 1763 г., июня 13 и прав. сенат. 1760 г., сентября 4, а для лучшего обхождения с камчадалами руководствоваться 22 и 23 пунктами инструкции, данной охотскому начальнику 22 февраля 1757 г. сибирским губернатором Мятлевым, по коей и вы должны заботиться отучать их от ленности.

15) Давно уже приняты были меры к размножению в Камчатке хлебопашества и скотоводства, и в некоторых годах был там хороший урожай, а рогатого скота в настоящее время там разведено до 200 голов. В 1767 г. в силу указа прав. сената отправлен туда для размножения хлебопашества сержант Рознин с земледельческим орудием и семенным хлебом, а в 1769 г. добровольно вызвавшийся со своими инструментами и семенами студент при бывшей камчатской миссии, посадский Рыжков, но урожай был мал. А с 30 апреля 1764 г. Государыня, присутствуя в сенате, Всемилостевейше пожаловала та-

мошным поселенцам доставленный в Камчатку скот, хлеб и разные земледельческие инструменты. По прибытии в Камчатку вы соберете подробные сведения: какой урожай был в каждом году и в каком месте, и по этому сообразите, где надо усилить хлебопашество, и требуйте для того посельщиков. Приставьте для присмотра за хлебопашцами надежных людей и старайтесь довести его до того, чтобы не встречалось надобности привозить хлеб с р. Лены.

16) А как во всей Камчатке ныне находится один мерин, один жеребец и три кобылы, то в Якутске купить вам 2 жеребцов и 4 кобылы, которых из Охотска отправить на Камчатку сухим путем вокруг моря. И отдать их в надежные руки для приплоду.

17) Именным указом 30 апреля 1764 г. повелено казенную соляную продажу в Камчатке прекратить, а предоставить без всякой пошлины выварку соли частным лицам, и все какие есть там для этого казенные припасы подарить тому, кто может сделать лучшее употребление. Но в 1769 г., 29 января и 1770 г., октября 19, Пленеснер донес, что вываркою соли в Камчатке частные лица не занимаются, потому что фунт меди там 1 руб., а дрова по 2 руб. сажень, а потому и соль обходится хозяину 5 и 6 рублей пуд, а в продаже до 8 руб. И тамошние жители вместо соли употребляют на соленье рыбы тополевый пепел, а потому в рыбных припасах крайне нуждаются и голодуют. При этом Пленеснер представил свое мнение, чтобы доставлять соль в Камчатку и Ижигу из Охотска и продавать ее по стоимости казне, с наложением провозной платы. Вследствие чего предписано было отправлять в Камчатку соль на казенных судах вместе с провиантом и продавать ее по 2 р. 5 к. пуд, не запрещая при том заниматься вываркою и частным лицам. Вам нужно будет убедиться, подлинно ли частные лица стараются вываривать для себя соль, и по какой цене у них она в продаже, и сколько можно заботиться приохотить их к выварке соли.

18) С 1732 г. в Камчатке началась выкурка из сладкой травы вина, которое продается казною. Вино это против хлебного гораздо хуже и имеет запах, и мало уже там употребляется, ибо по указу прав. сената 1769 г., января 1, купечество стало доставлять туда французскую водку, ром и другие виноградные вина. И так как известно, что сладкую траву на выкурку вина всегда доставляли камчадалы, оставляя для этого свои звериные промыслы, а оттого и взнос ясака в казну умалется, то не признаете ли удобным выварку вина из сладкой травы вовсе прекратить, а взамен того доставлять из Охотска хлебную водку и продавать ее там, соображаясь с ценами на водку, вываренную из травы и французской водки. Или нельзя ли отдать Камчатку, подобно другим губерниям, на откуп, и за какую цену? По всем этим предметам представить мне свое мнение и не приводя их без разрешения правительствующего сената в исполнение, а до того времени по-прежнему выкуривать вино из сладкой травы и к продаже онаго принимать старание.

19) По воеводскому наказу 7204 г. (1696), февраля 18, и инструкции 1743 г., марта 20, данной камчатскому командиру, повелено: неясашных людей вновь приискивать и в подданство приводить и с них ясак собирать ласкою, а не жестокостию. В силу этого наказа и инструкции вам стараться коряк, чукок и других народов приводить в подданство ласкою, без всякой грубости.

20) Многие купцы, как при Охотском порте, так и в Камчатке, завели суда и посылают промышленников на известные и неизвестные еще острова для промыслу зверей, с платою в казну десятой части. Большерецкая канцелярия снабжала их наставлениями и книгами на основании указа правительствующего сената 1768 г., мая 22 дня. Вам оказывать им всевозможное содействие и стараться соединить этих купцов в одну компанию и представить ко мне свои соображения: 1) на каком основании делать отпуск судов на острова и 2) не следует ли на каждом судне посылать с казенной стороны для сбора ясаков и для описания вновь открытых островов.

21) Из прилагаемой карты усмотрите, что от самой Лопатки в полуденную сторону в море находятся Курильские острова, на которых живут ясашные курильцы, а на самых дальних мохнатые, а простираются те острова до Японского острова Матсмая. И хотя в 1766 г. для описания островов и разведывания тамошних жителей был послан в небольших байдарах из Камчатки, в бытность там командиром капитана Извекова, сотник Черной, который был даже на 19-м острове, но журнал его уцелел только черновой, а карты вовсе не было, и потому для объяснения он был вытребован в Иркутск, где от оспы умер, и журнал остался без объяснений. По тому же журналу значится, что по морским между островами проливам до 19-го острова расстояние от Камчатки 805 верст, да острова в длину 1 066 вер., а в ширину 566 вер. На всех тех островах он ясаку несколько собрал. Ему курильцы объявили, что на 22-й остров (Аткис) приходят два японских судна, а в недавних годах и на 20-й стали приходиться, с 16 человеками, и живут на тех островах месяца по два и покупают здесь жир, юколу, бобров, нерп, орловые хвосты, а продают вино, табак, хлебные припасы, озямы, небольшие серебряные сабли, ножи, топоры, котлы зеленой меди, да чугунные на ножках. При хорошей погоде с острова Матсмая японцы перебираются на 22-й остров в сутки, и, напротив, мохнатые курильцы с этого острова на байдарах ходят на Матсмая для торговли. Чтобы поверить эти показания, необходимо построить в Камчатке судно и послать его под видом звериного промысла на Курильские острова, даже до 22-го, а смотря по обстоятельствам и до Матсмая. Не вызовется ли для этого кто-нибудь из частных лиц, то отпуск учинить секретно, определяя на то судно знающего навигацию, а также и из бывших с Черным толмачей одного или двух, предписав делать на тех островах наблюдения над нравами и обычаями жителей, а также о положении мест, о реках, лесах, рыбных и звериных промыслах, и положить те острова на карту. При встрече же с японцами выведы-

вать, какие им потребны наши товары и какие от них получить можно, и по каким ценам, и невозможно ли сделать с ними торгового договора, причем показывать им всякую благопристойность. Мохнатых курильцев ласкою склонить в подданство наше и предложить, не согласятся ли они, чтобы посмотреть российское обхождение, по одному человеку отпустить на судно с тем, чтобы они на хорошем корму и в довольном призрении были.

22) Если на Камчатку попадут каким-либо случаем иностранцы, или же будут привезены с островов с их согласия, то их отправлять на казенном содержании в Охотск, где удовлетворять кормом без недостатку и не отпускать оттуда до указа из Иркутска. И между тем обучать говорить по-русски, а которые пожелают, то читать и писать, а равно, выбрав детей казачьих, и обучать их толмачить на иностранных языках, а если можно, то и писать

23) Хотя для доставления в Камчатку грузов и имеются транспортные суда, но для курьеров и почты необходимо завести два легких судна. О чем посоветуйтесь в Охотске с морскими офицерами и приведите в исполнение, если усмотрите в том пользу. Для чего потребуйте от Охотского командира мастеровых и разные судовые припасы, а также штурманских учеников. Распределите рейсы этих судов так, чтобы одно судно выходило из Охотска в то время, когда другое должно возвращаться из Камчатки.

24) Так как якоря и прочее железо для судохозяев вывозится в Камчатку отсюда, чрез не малое расстояние, то озаботиться, не найдутся ли в Камчатке железные руды, чтобы завести там небольшой железный завод. А также отыскивать и другие металлы и минералы и разные курьезные вещи, как-то: окаменелости, раковины, черепахи и т. д.

25) От 3 октября 1771 г. полковник Зубрицкий представил, что нашел он лучшую и способную дорогу от Большерецка до Верхнекамчатского острога, короче прежней на 300 верст, и потому предполагает бросить прежнюю, трудную и гористую. Рассмотрите это обстоятельство и, если найдете удобным, то сделайте поселения по новой дороге из тамошних камчадалов, с согласия старшин, наблюдая при этом, чтобы поселенцы были размещены по самым выгодным местам для их жительства.

26) Осмотреть по камчатскому берегу около Олюторского мысу, не надлежит ли где построить для защиты всей Камчатки редуты и караулы, и от рек прямо к Пенжинскому морю сделать укрепления засеками или другим чем, а потому и могла б вся Камчатка остаться под защитою тех редутов и укреплений, без всякой опасности от олюторцев, чукоч и коряк. Все укрепления необходимо снабдить людьми, порохом и свинцом и приличною инструкциею.

27) О всех чрезвычайных случаях рапортовать немедленно, а самому поступать по силе указов.

28) А как не бывши в Камчатке трудно определить в инструкции все обстоятельства, то если встретится что-либо новое к пользе Высочайших инте-

ресов и тамошних жителей, то предпринимать, если от того ничего вредного не приключится. А если время дозволит, то лучше писать обо всем в Иркутск.

29) Впрочем, что касается до дел, тайности подлежащих, то поступать по силе указа 17 января 1724 г.».

По прибытии в Охотск Бем старался ознакомиться там по расспросам и донесениям прежних командиров с бытом нижних чинов, служащих в Камчатке, и послал оттуда донесение Вяземскому о их бедственном положении. По этому поводу 10 декабря 1774 г. состоялся сенатский указ на имя сибирского губернатора об устранении всех недостатков в продовольствии нижних чинов в Камчатке.

17 сентября 1773 г. Бем отправился в Камчатку с 4 судами, на которых было погружено 8 908 пуд. провианта, 763 пуд. соли, 100 пуд. пороху, пушки, ядра, свинец и прочие военные припасы. 12 октября суда прибыли в Камчатку, а 15-го Бем вступил в управление.

В это время к иркутскому губернатору Брилю поступили три проекта об осмотре Чукотской земли и Северной Америки. Первый от начальника иркутской навигацкой школы Татаринова, который предполагал сделать морское путешествие из устья р. Лены вокруг Чукотки до Камчатки и на пути *осмотреть Америку*. Второй проект получен от якутского дворянина, природного чукчи Дауркина. Он просил дать ему геодезиста и 4-х казаков, с которыми предполагал осмотреть и описать землю чукоч и сопредельную к ней Америку. Дауркин в проекте своем между прочим упоминал, что по распоряжению Чередова он с 7 января 1763 г. по август 1764 г. был уже в Чукотии, где живы еще его родные, и что он осведомился там о *матерой земле* за Чукотским носом, которую предлагал осмотреть и описать; но не был отпущен капитаном Перепелкиным. Третий проект представил гражданин гор. Берлина студент Фридрих Сирин. Он предлагал личные свои услуги к осмотру Чукотской земли и Америки, если ему будут даны денежные средства и приличное число военной команды.

Бриль по рассмотрении этих проектов сделал следующее решение: «Желания всех, представивших проекты, затруднительны и казне убыточны, а именно: Татаринов хочет идти морем, тогда как капитан-лейтенант Лаптев не мог пройти далее устья р. Колымы. Потом судно купца Шалаурова и К^о по выходе из устья р. Колымы пропало без вести. Дауркин же, как чукча, *всякой отчаянности подвержен*. Если в то время, когда существовал Анадырский острог, чукчи были в постоянной измене, то что же можно ожидать от них теперь? Не менее того неудобен и проект Сирина. Он предполагает построить два судна на р. Анадыре и на них с 40 человеками команды отправиться в путешествие. До Анадыра же он намерен дойти двумя партиями: одна через Колыму, а другая из Охотска через Ижигу. Предположение это неудобноисполнимо, потому что трудно и даже невозможно доставить к Ана-

дыру все необходимые материалы для строения и вооружения судов, а также и продовольствие для команды на несколько лет. Да и рискованно подвергать людей гибели от чукок. К тому же Сирина, как иностранцу, верить это дело сомнительно. Итак, нахожу, что отправлять для открытий кого-либо из трех *крайне опасно и невозможно*».

Самые же проекты были отосланы к Бему, которому Бриль предписал: «разведать на месте: можно ли для предполагаемого описания Чукотии и известия о Северной Америке на основаниях, указанных этими лицами, или других, отправить туда экспедицию?» При этом Бриль командировал Дауркина в распоряжение Бема.

По прибытии в Камчатку Бем, прежде чем приступить к каким-либо распоряжениям, счел необходимым ознакомиться с условиями вверенного ему края и бытом его обывателей. Для этой цели он посетил многие селения инородцев, входил в мельчайшие подробности их жизни и как нежный отец не отказывал никому в добром совете и рассмотрении жалоб, хотя бы оне касались только семейной жизни. Примером своим он укротил наглость служилых, примирил их с туземцами и уничтожил, по возможности, взяточничество. Словом, его уму, честности, энергии и справедливости во всех действиях туземное население обязано своим освобождением от рабства и угнетения, тяготевших на нем более полувека. Хорошая память о Беме сохранилась в Камчатке и по настоящее время.

Забываясь о продовольствии жителей полуострова, он в каждом селении завел общественные и частные огороды и приохотил камчадалов к разведению картофеля. Не менее того было обращено им внимание и на хлебопашество. Кроме имевшихся уже двух заимок (сибирское название фермы), Камчатской и Ключевской, была заведена еще образцовая казенная заимка, где в первые годы управления Бема рожь родилась сам-тринадцать, и даже сам-четыренадцать, а ячмень сам-пять и сам-шесть; но последующие затем опыты, несмотря на все заботы Бема и личный надзор за крестьянами, привел к прежним печальным результатам, и Бем писал в Иркутск, что на хлебопашество в Камчатке нельзя рассчитывать, потому что в иные годы случаются там морозы в исходе июня и в первых числах июля.

До 1774 г. в Камчатке железо продавалось по баснословно высоким ценам. Бем, чтобы удешевить этот необходимый в хозяйстве туземцев металл, обратил внимание на существовавший уже в Камчатке железодельный завод.

Железное производство началось в Камчатке в 1752 г. Иркутский мещанин Семен Глазачев, находясь по торговым делам в Камчатке, открыл железную руду около Верхнекамчатского острога в Мильковском селении и в этом же году без посторонней помощи выделал и отослал в Большерецкую канцелярию 20 пудов железа с просьбою дать ему на это производство привилегию с тем, чтобы десятая часть железа поступала в казну. Привилегия была выда-

на, и Глазачев снабжал железом охотские суда в счет следующей с него 10-й части, а остальное продавал частным лицам. Бем убедил Глазачева сдать завод в казну с тем, чтобы он остался мастером на этом заводе за жалование из казны. Бем усилил производство завода и назначил смотрителем его сержанта *Телеутова*, которому предписал: «Иметь крепкое смотрение и неослабное принуждение к добыче руды и выплавке железа». Выделка железа производилась обыкновенно летом, а зимою подвозилась только руда. Из 210 пуд. руды добывалось 20 пудов железа.

27 мая 1769 г. сенат по ходатайству Бема разрешил производить Глазачеву, кроме жалования... летом по 5, а зимою по 4 коп. В 1775 г. Глазачев оставил службу в заводе, и вместо него назначен был мастером казак Ребров. С 1774 г. по 1780 г. выделано железа 274^{1/2} пуда и продавалось, хотя и дорого, по 13 р. 80 коп. кричное и 6—7 р. полосовое, но все-таки далеко дешевле прежней цены. По неимению настоящего мастера, оно не отличалось и хорошими качествами, но, тем не менее, покупалось охотно. Преемник же Бема, майор Шмалев, за *скудость руды и непрочность железа* закрыл этот завод.

До Бема соль продавалась в Камчатке от 6 до 8 руб. за пуд, тогда как камчатские жители в течение всей зимы питаются почти одною только вяленою рыбою, заготовляемой летом. Хотя 30 апреля 1764 г. и было Высочайше разрешено камчатским жителям солеварение из морской воды; но по неимению средств к приобретению всех необходимых к этому делу приспособлений частные лица не могли начать этого производства в больших размерах. Бем стал вываривать соль на казенном заводе и продавал ее ежегодно от 500 до 700 пудов, по 35 к. за пуд.

Грубое и бесчеловечное обращение наших промышленников на островах с туземцами заставило Бема назначать на каждое промышленное судно по два грамотных унтер-офицера с тем, чтобы они смотрели за поведением команды, заботились о сборе с островитян ясака и вели бы журнал всему виденному ими на островах.

До 1769 г. в Камчатке собирался ясак по переписке Цея, несмотря на то, что почти половина ясашных плательщиков умерла от оспы. Обстоятельство это было причиною, что на оставшихся в живых камчадалах до прибытия в Камчатку Бема накопилась недоимка до 20 тыс. рублей; Бем исходатайствовал разрешение о сложении этой недоимки и распорядился сделать новую перепись инородцам.

Старанием Бема доходы казны увеличились на полуострове до того, что на них он содержал всех служащих и выполнял свои предприятия по устройству края, не требуя никаких сметных ассигнований на расходы и, кроме того, сдал своему преемнику 50 000 казенных денег.

В 1774 г. доходы казны простирались в Камчатке до 57 778 руб. 40 коп. (ясаку на 2 288 р. 70 коп.; подушных 419 р. 74 к.; винных 6 789 р. 21 к.; с лавок

418 р. 80 к.; неокладных сборов 31 854 р. 95¹/₂ к.; 10 % с промыслов 18 257 р. 60 к. и с неполных десятков 41 р. 10 к. — *Авт.*); в 1775 г. — 32 278 р. 74 коп. и в 1776 г. — 27 056 р. 76 к., кроме ясачного и винного сбора в Ижигинском округе, где считалось тогда 355 ясашных плательщиков.

Всех военных служащих считалось в то время в Камчатке: в Большерецке 152, в Петропавловской гавани 32, Верхнекамчатске 55, Нижнекамчатске 102, в Тигиле 88 и Ижиге 263. Весь расход на содержание их, а также лиц гражданского и духовного ведомств простирался деньгами до 26 859 р. 38 к. и провиантом на 11 844 р. 93 к.

Скудное содержание нижних чинов при страшной дороговизне в Камчатке на все жизненные припасы было далеко недостаточно для обеспечения их быта, и потому по издавна заведенному порядку они распускались обыкновенно на летние месяцы для заготовления себе на зиму продовольствия и, разумеется, в ущерб служебным обязанностям. Бем неоднократно представлял иркутскому губернатору о необходимости увеличения им содержания в размере 15 руб. в год каждому, в том внимании, что в Камчатке вяленая рыба, служащая вместо хлеба, продается по 3 и 4 руб. за полсотни, не говоря уже о других предметах продовольствия. Кроме того, указывал на несправедливый закон, по коему производится казакам содержание вполовину меньше противу солдат, тогда как они несут одинаковую служебную обязанность с последними. Для покрытия же этих новых расходов он предлагал учредить в Камчатке банк для выдачи надежным купцам и промышленникам денег под проценты с ручательством других лиц.

Бем привел, насколько возможно, в порядок все камчатские укрепления и распределил по ним гарнизон. Тигильскую крепость обнес валом, построил в ней новые укрепления и казармы для нижних чинов. Кроме того, вновь построил *Начикинский* острог.

Не менее того Бем заботился и о народном образовании. Представлял иркутскому губернатору о необходимости учреждения на полуострове школ гражданского ведомства для обучения грамоте туземцев; но на представление это не получил никакого ответа, и потому обратил свое внимание на улучшение военных школ. По штату 1773 г. в школах этих положено иметь определенное число учеников, и именно: в Большерецке и Верхнекамчатске по 15, Нижнекамчатске 10 и Тигильской крепости 30 человек. Учителями в них назначались грамотные унтер-офицеры. На жалование же школьникам по тому же штату положено 4 272 р., кроме казенной одежды и провианта. Бем на эти же средства нашел возможным увеличить число штатных учеников вдвое и, кроме того, приказал обучать в этих школах детей туземцев и прочих жителей.

Бемом была устроена в Большерецке первая больница, в которую по его же ходатайству был выслан лекарь Робек — первый медик, назначенный на постоянную туда службу.

Для составления карты полуострова Бем распорядился съемкою, поручив это дело штурманам-ученикам под наблюдением старшего из них Измайлова. Глазомерная съемка была произведена от Большерецка до Тигиля и от Тигиля по пенжинскому берегу до р. Пустой; от р. Пустой через хребет на р. Олютору; с Олюторы по берегу до Укинского острога и обратно на Карагу; с Караги через хребет на р. Лесную и с Лесной через Тигильскую крепость до Большерецка. Съемка начата 27 октября 1775 г. и окончена 25 февраля 1776 г.

В 1777 г. были окрещены жители Карагинского острога. Бем переселил их в Олюторские острожки, пострадавшие от оспы, а впоследствии они слились с олюторцами; заселил тракт между Большерецком и Верхнекамчатском, открытый в 1765 году; уничтожил вовсе несколько селений, жители которых по местным условиям затруднялись в приобретении себе продовольствия, переселил их в более удобные места.

Кроме того, многие предположения его, по неполучению разрешения от иркутского губернатора, остались невыполненными. Мы укажем здесь только на главнейшие из них: 1774 г., декабря 6-го Бем представлял о необходимости заведения в Камчатке навигацкой школы для приготовления штурманов на промышленные суда, которые, находясь под управлением людей почти вовсе непосвященных в морские науки, беспрестанно терпели крушения; просил разрешения о переносе главного управления Камчаткою в Тигильскую крепость, находящуюся в центре полуострова; представлял об учреждениях во всех главнейших крепостях больниц, хотя с одним лекарем, на счет камчатских доходов; предполагал подчинить охотское управление камчатскому или обратно, так как, по его мнению, только при этих условиях можно было ожидать своевременного снабжения Камчатки провиантом и другими потребностями. При этом Бем писал в Иркутск: «В настоящее же время на все мои требования охотский командир *отзывается с грубостию*».

В 1769 г. чукчи напали на коряк и олюторцев, угнали оленные табуны и несколько человек пастухов убили. В видах обеспечения на будущее время коряк от нападения чукоч, Бем проектировал устроить крепости на р. Пенжине и Олюторе, а на р. Майне, где обыкновенно олени переправляются во время перехода их к Ледовому морю и обратно и мимо которой реки нельзя обойти чукчам, устроил форпост. «Тигильская же крепость, — доносил Бем, — не защищает Камчатку от набегов чукоч, которые могут пробраться в Нижнекамчатск по восточному берегу полуострова. Устройство же редутов поперек всего полуострова не только неудобно, но даже и невозможно по значительности пространства, занимаемого полуостровом».

Но новый иркутский губернатор Немцов, человек честолюбивый и мелочной, будучи недоволен Бемом за его переписку с князем Вяземским, не обращал на представления Бема внимания и писал ему, *чтобы он больше*

занимался делом, нежели бесплодными проектами. В особенности Немцов стал притеснять Бема с того времени, когда прислан был к последнему прямо от князя Вяземского курьер с секретным письмом и возвратился опять с письмом Бема.

Наконец Бем после ряда оскорблений, сделанных ему Немцовым, написал к нему письмо с просьбою объяснить ему причины, послужившие поводом к этим неприятностям. Немцов ответил ему новым оскорбительным предписанием, в котором, не стесняясь, указал на сношения его с Вяземским. Бем препроводил к Немцову копию с переписки своей с Вяземским, объяснив ему, что делает это только для того, чтобы доказать, что в сношениях его с Вяземским *нисколько не имеется такой склонности, которая бы могла вредить чести его.*

Из переписки этой видно, что Вяземский по поручению Императрицы писал Бему, чтобы в случае неприятельского нападения на Камчатку он не допустил бы врагов похвастаться победою. На что Бем отвечал: «Я почитаю жизнь свою наименьшей жертвою, если случай потребует лишиться оной для пользы государственной». Кроме того, Вяземский 27 апреля 1775 г. уведомлял Бема, что Императрица разрешила ему производить жалованье по 1 000 руб. Содержание же остальных писем Бема заключалось в сообщении сведений о положении жителей Камчатки и о мерах, принятых им к улучшению их быта.

Но и эти убеждения не подействовали на Немцова, который, получив от иркутского архиерея письмо о притеснениях, будто бы делаемых *иноверцом Бемом* православному духовенству в Камчатке, написал Бему самое дерзкое предписание, так что Бем решился ответить ему следующим интересным рапортом: «Покорнейше прошу определить положительно отношения здешняго духовенства к начальнику, ибо оно вмешивается не в свои дела, и даже не дает мне ответов на мои запросы. А как держит себя здесь духовенство, то стыдно и сказать! Виноват, конечно, во всем протопоп Никифоров, которому я неоднократно сообщал о разврате здешняго духовенства. Но и сам-то Никифоров такой же, как и прочие. Например, он в компании поссорился с прапорщиком Шкутиным и жаловался на него мне; я арестовал этого офицера, а после узнаю, что Никифоров, кроме того, не дал ему в церкви при всем народе целовать креста, как оглашенному. Разумеется, я хотел об этом донести, но Никифоров выпросил у меня и Шкутина извинение.

До моего прибытия в Камчатку начальник миссии давал от себя предписания командирам судов о принятии на их суда духовенства. Я это запретил. Отвратить же духовенство от беспорядков при настоящих обстоятельствах некому: оно пишет себе, что хочет, епархиальному начальству, и ему верят.

Но дабы вы не думали, что все мои прежния предположения я делал в свою пользу, то для этого и по *вольности дворянства* подаю в отставку, тем

более, что я [имею] слабость от частых болезненных припадков и неспособен уже для дел, то полезность та не для меня, а для воинских команд, прочаго общества и будущего командира, котораго признают к определению достойным» (рапорт Бема от 31 августа 1777 г. — *Авт.*).

Но злой Немцов не желал ограничиться одною отставкою Бема. Он, как видно, ждал случая предать его суду, в чем и успел. В декабре 1774 г. Бем отправил дворянина Дауркина из Большерецка в Ижигу с тем, чтобы он в случае прихода туда чукоч вступил с ними в торговые сношения и убедил их добровольно принять подданство России. Дауркин 2 марта 1775 г., узнав, что чукчи подходят к Ижиге, вышел к ним навстречу по дороге к Каменскому острогу с 20 солдатами и на другой день рано утром встретил чукоч, которые, увидав русских и ожидая их нападения, надели на себя куяки и вооружились копьями и стрелами. Но Дауркин вступил с ними в переговоры и убеждал идти в Ижигу для уплаты ясака. На пути они встретили партию русских и коряк под командою прапорщика Мордовского. Чукчи расположились лагерем возле этой партии, а в Ижигу послали парламентаров, которые согласились дать ясак; но отказались только выдать аманатов. Начальник же ижигинской команды, пьяный капитан Пересыпкин, будучи недоволен этим отказом, вышел со всем гарнизоном из Ижиги и 9 марта напал врасплох на чукотский лагерь. Чукчи взялись за оружие, но не устояли противу русских. В этой стычке было убито 50 чукоч, много взято в плен коряками, а казаки выбрали себе нескольких женщин *для блуда*; а остальные чукчи разбежались.

Происшествие это ужасно беспокоило Бема, и он просил князя Вяземского, чтобы тот убедил Императрицу в безучастии его в этом бесчестном деле. Немцов же, пользуясь этим случаем, послал в Камчатку полковника Кирсанова для производства строжайшего следствия над Бемом и Пересыпкиным, предписав Бему находиться у него в повиновении. Кирсанов прибыл в Ижигу в сентябре 1778 г. и на другой год выехал в Иркутск. По окончании следствия Бем был предан суду. Но, несмотря, однакож, на все происки Кирсанова и Немцова, он по суду оправдан, а Пересыпкин разжалован в рядовые.

В 1776 г. чукотский тоен Амулят пришел в коряцкую землю с 180 чукчами, чтобы *учинить воинской поиск на верноподданных коряк* в отмщение за прошлогоднее поражение. Чукчи сделали несколько убийств на реках Апуке и Пахаче и отогнали несколько табунов коряцких оленей.

По получении указа об отставке, Бем 14 марта 1779 г. сдал должность старшему по себе капитану Василию Шмалеву, и весною хотел уже выехать в Охотск; но непредвиденные обстоятельства заставили его снова вступить в дела управления.

В исходе апреля 1779 г. прибыл из Петропавловского порта в Большерецк курьер с известием, что 18 апреля пришли в гавань два английских военных судна под командою капитана Клерка: одно 26-пушечное трехмачтовое,

а другое 22-пушечное двухмачтовое. С тем же курьером было поручено донесение штурмана Измайлова с о-ва Уналашки, доставленное в Камчатку Клерком, в котором Измайлов писал, что 23 сентября 1778 г. суда эти пришли к северной оконечности Уналашки, где стояли на якоре до 15 октября, и что во все это время он оказывал команде судов содействие к приобретению рыбы и свежей воды, причем по незнанию английского языка вместо разговора *маячил*.

Здесь надо заметить, что по окончании второй экспедиции Беринга Петропавловская гавань совершенно опустела. Там жил только сержант с десятью солдатами для присмотра за разными экспедиционными вещами. Все строения Беринга давно сгорели, а церковь разрушились. При заботах же правительства об укреплении Камчатки никому не приходило в голову, что иностранцы могли сделать нападение на Камчатку с этой стороны, а потому гавань оставалась без всякой защиты. При таких условиях известие о приходе туда иностранной эскадры не могло не навести страха на всех жителей полуострова, тем более что все подготовлены были к неприятельскому нападению на Камчатку рассказами Бенъевского и беспрестанными указами начальства о принятии мер к обороне.

Большереецкая канцелярия, несмотря на заверение Измайлова, что суда эти не неприятельские, *потому что с ним и на пустынном острове обходились ласково* (Измайлову Клерк подарил квадрант, шпагу и карты южного полушария и входа в Петропавловскую гавань. — *Авт.*), не хотела верить, чтобы они пришли с добрым намерением. И потому был собран военный совет, который под председательством Бема решил по недостатку артиллерии и команды не предпринимать пока никаких решительных мер; но послать на эскадру депутацию из лиц не служащих с письмом от Бема, который остался во главе управления, потому что считал бесчестным оставить край в такой критический момент. Депутатами были избраны: крепостной человек Бема — *Пота*, знавший немецкий язык, купец *Посельский* и прикащик купца Панова.

Кроме того, был послан нарочный в Нижнекамчатск, чтобы там имели предосторожность от англичан, а в Верхнекамчатск послано предписание, чтобы в *сикурс* отправить всех лишних солдат в Петропавловскую гавань, с исправною аммунициею и ружьями; взамен же этой команды передвинуть 20 человек в Верхнекамчатск из Тигильской крепости. В случае же неприятельских действий со стороны иностранцев приказано вооружить всех окрестных обитателей и *чинить отпор*.

Между тем депутация прибыла в Петропавловскую гавань и была принята англичанами очень любезно. Клерк просил депутатов снабдить эскадру скотом и провиантом; но как просьба эта не могла быть исполнена без разрешения Бема, то Клерк, в свою очередь, послал в Большереецк депутацию,

состоящую из капитана Гора, лейтенанта Кинга и живописца Вебера, знавшего немецкий язык. Депутация эта прибыла в Большерецк 30 апреля вместе с нашей депутациею.

Шмалев доносил в Иркутск: «Оные гости нами с Бемом с надлежащим по званию их почтением, с оказыванием благопристойности приняты и на собственном нашем коште содержаны и по здешнему месту, сколько возможно, были довольствованы, т. е. чаем и сахаром снабжены из нашего кошта безденежно, в чем они весьма довольными отзывались».

Клерк сообщил Бему, что на одном из их судов *Resolution* команды 114 человек, а на другом *Discovery* 70 человек. Эскадра эта по открытии Сандвичевых островов отправилась к северо-западному берегу Америки, которого определила общее направление, заходила на Уналашку и потом прошла через Берингов пролив до шир. $70^{\circ}44'$, где остановлена была льдами. Возвратясь к югу, она посетила снова Сандвичевы острова, где начальник экспедиции Кук 14 февраля был убит (это была третья экспедиция Кука. — *Авт.*). После того принял начальство над экспедициею Клерк.

Бем распорядился послать на эскадру из Нижнекамчатска двадцать голов рогатого скота, *в то число, по слабости здоровья главнокомандующего, две дойные коровы для пропитания молоком* и, кроме того, 250 пудов ржаной муки. Все это отпущено англичанам безденежно, «ибо, — писал Шмалев, — по казенным ценам мука стоит 2 р. 50 к. пуд, а бык 80 руб. Если потребовать с них деньги, то они хотя бы по нужде и заплатили; но сочли бы это за немалое притеснение».

2-го мая английская депутация выехала из Большерецка *с принадлежащим почтением и пушечной пальбой*. С нею отправился на эскадру и Бем, который провел с англичанами четверо суток, и при съезде с судна на берег ему салютовали с обоих судов по чину адмирала.

Бему англичане подарили разные вещи, вывезенные с островов, квадрант и несколько зрительных труб. Бем все эти вещи передал в большерецкую канцелярию, которая на основании Высочайшего повеления, чтобы все вывезенные с островов *курьезныя* вещи доставлялись в академию, — отправила их в Петербург.

5-го июня английская эскадра ушла в море. Бем и Шмалев снабдили Клерка указом к нашим промышленникам на островах, чтобы они *старались оказывать англичанам почтение и дружество*. Клерк в письме своем к Бему объяснил, что в апреле будущего года он снова с эскадрой придет в Петропавловскую гавань и просил его заготовить к их приходу несколько штук скота, 3 бочки смолы, $2\frac{1}{2}$ пуда ниток парусных, 100 иголок, 4 куска парусины, два троса в $4\frac{1}{2}$ дюйма и $2\frac{1}{2}$ дюйма, гвоздей разных $2\frac{1}{2}$ пуда и 100 березовых плах. Бем все хлопоты о присылке просимых ими вещей принял на себя и в июне 1779 г. выехал в Иркутск.

Несмотря на все заверения англичан, что они путешествуют с ученою целию, Шмалев не верил им и убеждал иркутского губернатора о скорейшей высылке в Камчатку солдат, пушек и пороху.

В рапорте своем к генерал-губернатору Шмалев, между прочим, писал, «что, хотя иркутский губернатор предписывал, чтобы в случае прибытия в Камчатку иностранцев не допускать их съезжать на берег более 10 человек, и то для самых необходимых надобностей, но я не встречаю возможности исполнить этого предписания, потому что все ружья у казаков негодныя. Из Якутска и Охотска высылают в Камчатку только те из них, которыя не могут быть употреблены там в дело. Хорошей артиллерии и канониров также нет. Все имеющиеся здесь пушки скорее сделают вред нашей прислуге, чем неприятелю, а канониры вовсе не знают своего дела, так что при пальбе в высочоторжественные дни редко обходится без несчастья. При отбытии англичан из Большерецка, служителя, заряжавшего пушку, *совсем разбило*».

Новый иркутский губернатор Кличка донес обо всем этом князю Вяземскому, присовокупив при том, что с вновь назначенным в Камчатку командиром, коллежским асессором Рейнеке, он пошлет к морю подкрепление; но не надеется, чтобы Рейнеке мог прибыть в Камчатку ранее 1780 г.

Что же касается до требуемых англичанами материалов, то он выписал часть их из Москвы с особым нарочным, а тросы приказал выслать из Енисейска.

На донесение это князь Вяземский 10 декабря 1779 г. писал Кличке, что по докладу Императрице донесения о приходе в Камчатку англичан, Ея Величество изволила указать, чтобы: 1) выданный Клерку провиант и скот были приняты на счет казны; 2) заготавливаемый вновь скот и другие припасы также отнести на счет казны, ибо за все это заплатит английский посланник в Петербурге; 3) Камчатку привести в оборонительный вид непременно, так как путь туда сделался уже известен иностранцам.

Кличка, получив это распоряжение, предписал Рейнеке построить в Петропавловской гавани редуты; но как не было в Иркутске инженера для этих работ, то командировал из навигацкой школы сержанта, *знающего хорошо рисование* (!). С Рейнеке было отправлено 4 канонира, 3 унтер-офицера, 5 пуд. пороху, 50 пуд. свинцу и 50 ружей *годных*. Для пользования же больных в Камчатке по недостатку в Иркутске медиков послан с Рейнеке иркутского баталиона сержант, знавший лечить от оспы.

Между тем Кличка получил следующее донесение Шмалева от 1 ноября 1779 г.: «Та же английская эскадра пришла в Петропавловскую гавань 13 августа 1779 г. под командованием капитана Гора, капитан же Клерк умер на пути в Камчатку. Все требуемые англичанами в первое прибытие припасы доставлены из Охотска в Петропавловскую гавань 30 августа на судне “Святой Георгий”, а 18 июля пригнан в гавань скот из Нижнекамчатска».

Шмалев посетил эскадру и был принят Гором с пальбою из всех орудий. После того участвовал при погребении Клерка. «На северной стороне гавани, — доносил Шмалев, — англичане устроили ему могилу у березового дерева; обложили ее дерном и обнесли частоколом. Самое погребение производилось при пушечной пальбе, *по своему закону*» (в 1787 г. в бытность Лаперуза в Петропавловской гавани французы над могилою Клерка поставили небольшую гробницу с вырезанною на медной доске надписью на французском языке о заслугах этого мореплавателя. — *Авт.*).

В другом же донесении Шмалев писал: «Я должен сознаться вашему превосходительству, что брал с собою в Петропавловскую гавань вместо переводчика ссыльного Ивашкина, знающего немецкий язык».

1-го октября оба судна ушли в море. За содействие экспедиции Бем впоследствии получил от английского правительства большую серебряную вазу, а Шмалев столовые часы, принадлежащие Куку. Часы эти и по настоящее время целы и хранятся у иркутского протоиерея Громова.

11-го сентября 1780 г. прибыл в Камчатку новый *главный командир* из военных, коллежский асессор Франц Рейнеке (отец бывшего директора гидрографического департамента Михаила Францовича Рейнеке. — *Авт.*), который и принял управление от капитана Шмалева, назначив последнего командиром Тигильской крепости. Рейнеке был назначен главным командиром по представлению Клички и утвержден в этой должности 30-го мая 1779 г. с жалованием по 1 000 рублей.

Рейнеке было поручено обратить внимание на хлебопашество, огородничество и садоводство; он устроил на р. Мильковой первую водяную мельницу, которая существовала до 1830 г., и завел ручные жернова. В 1782 г. было посеяно 173 пуда ржи, 49 пуд. ядрицы, 33 пуда овса, 1½ пуда пшеницы и 20 пуд. конопляного семени; но урожай был до того скуден, что крестьяне не могли собрать и того количества хлеба, которое было посеяно. Строгими мерами поддерживал общественные и частные огороды, заведенные при Беме. Разослал по всем острожкам наставления, как разводить картофель и разные огородные овощи. Вообще можно сказать, что огородничество было при нем в самом цветущем состоянии. Не менее того обращал внимание и на скотоводство. В 1781 г. было в Камчатке 138 лошадей и 272 штуки рогатого скота. Рейнеке писал в Иркутск, что по рекам и озерам трава бывает выше человеческого роста, и сено можно ставить два раза в лето.

Рейнеке возобновил брошенный при Шмалеве железный завод и построил в нем две новые печи. Производил под личным своим наблюдением выделку железа, которого из 8 пуд. руды выходило 22½ фунта. Но так как пуд камчатского железа обходился при нем по 10 руб., а привозное значительно понизилось в цене и продавалось уже не дороже 5 руб. за пуд, то Рейнеке отдал завод в аренду крестьянину Попову и кузнецу Протасову на следую-

щих условиях: 1) чтобы они поставляли железо в казну то той цене, по какой обходится иркутское железо с доставкой в Камчатку; 2) взамен поступившего к ним вместе с заводом казенного имущества они обязаны доставить в казну столько железа, сколько весят все принадлежащие заводу металлические вещи и инструменты и 3) обучать без особой платы железному производству казенных учеников. Но через три года лица, взявшие завод в аренду, по незначительности доходов закрыли его действие.

Доходы Камчатки простирались при нем до 25 тысяч рублей. Он предполагал, по мысли Бема, перенести главное управление Камчаткою в Тигиль; но по причине постоянного неулова рыбы в р. Тигиле отменил свое намерение. После того привел в порядок полуразрушенные здания в Большерецке и построил там новую церковь.

Рейнеке был человек деятельный и честный; но, несмотря на эти прекрасные качества, он оставил по себе недобрую память за жестокое обращение с своими подчиненными. В Камчатке и по настоящее время сохранилось признание об одном начальнике, засекшем до полусмерти казака за то, что собака его разорвала курицу начальника. А этот грустный факт случился при Рейнеке в 1782 году.

Между тем с открытием губерний и Камчатка получила одинаковый образ управления с другими провинциями европейской России. По указам 19-го марта 1782 г. и 2-го и 6-го марта 1783 г. учреждены в Сибири наместничества и особая Охотская область, независимая от Якутской, в состав которой вошла и Камчатка с тремя округами: Ижигинским, Акланским и Нижнекамчатским. Главное управление Охотской областью поручено было охотскому коменданту; в прочих же городах положено иметь разные присутственные места и городничих, а в округах исправников. Таким образом Камчатка снова была подчинена охотскому начальнику.

На основании этих указов иркутское наместническое правление предписало Рейнеке открыть города: Ижигинск, Акланск и Нижнекамчатск с их округами и присутственными местами. Городничим же в Камчатку был назначен коллежский ассессор Орленков с тем, чтобы он жил в Нижнекамчатске и управлял всем полуостровом по инструкциям охотского коменданта.

Рейнеке перенес управление из Большерецка в Нижнекамчатск и открыл там присутственные места 27-го февраля 1785 г. Но к открытию Акланского округа встретилось затруднение, потому что города Акланска вовсе не существовало и его приходилось выстроить вновь. Акланский же острог, оставленный русскими осенью 1746 г. и выжженный коряками в 1748 г., уже не был возобновляем по близкому к нему соседству Ижигинской крепости. Между тем на р. Аклане находились кочевья коряк, которые сильно противились устройству у них города. Рейнеке, опасаясь новых с их стороны возмущений, решился основать город на реке Паллане, куда и послал команду для

постройки необходимых зданий. Но место, выбранное Рейнеке для города, оказалось безлесное и неудобное для рыбных промыслов. Камчатские же старожилы представили Рейнеке много выгод к постройке города на р. Аклан, изобилующей рыбою и строевым лесом. Кроме того, при существовании тут города, надеялись на развитие торговли с чукчами и коряками. Охотские же грузы предлагали доставлять на судах в Каменскую губу, удобную для якорной стоянки и находящуюся недалеко от устья р. Аклана. Недоразумения эти Рейнеке послал на разрешение в Иркутск, а акланское управление временно устроил в Тигиле. Начатые же работы на Паллане коряки сожгли, а рабочих разогнали.

Пока решался вопрос, где быть городу Акланску, наводнившая Камчатку толпа пьяных подьячих стала заводить новые порядки в округах. Начались небывалые разъезды по полуострову чиновников и казаков и, разумеется, без платежа прогонов. Камчадалы послали депутацию в Нижнекамчатск, которая жаловалась, что подобные разъезды отвлекают их от обычных занятий и лишают запасов собачьих кормов; но городничий отвечал, что все это *необходимо для нового порядка*. В акланское управление выбрали двух сельских заседателей из коряк, которых и привезли в Тигиль силою. Они, не понимая вполне своего назначения, считали себя чем-то вроде аманатов, и один из них бежал; но был пойман и *наказан Орленковым плетью*.

Кроме городничего Орленкова, в нижнекамчатский округ был послан из Иркутска исправник барон Штенгель. По инструкции, данной Штенгелю, ему предоставлены были отдельные права над округом, с тем только, чтобы он содействовал городничему в делах управления. Обстоятельство это было причиною, что и Штенгель считал себя независимым командиром. Служащие, нередко получая от них противоречащие приказания, не знали, кому и повиноваться, а с туземцев собиралась чащина земскими чиновниками для других начальников. Рейнеке, разобрав дело, сменил Штенгеля и поручил его округ капитану Шмалеву.

Открыв ижигинские присутственные места, Рейнеке в 1785 г. послал партию казаков на р. Пенжину для отыскания удобного места для постройки г. Акланска, так как иркутское начальство поручило ему самому решить вопрос, где удобнее построить этот город. Но коряки, боясь близкого соседства ненавистного им чиновничества, не хотели допустить русских до устройства города в центре их заселения, и потому, вооружив против русских чукоч, пришедших в коряцкую землю под управлением чукчи Хергувья, пошли с неприязненною целию на Пенжину и в том же году напали на русских, убили 5 казаков, взяли в плен 3-х женщин и одного казачьего сына (пленницы эти были возвращены в 1788 и 1789 годах. — *Авт.*), а остальные разбежались.

После того почти все оленные ижигинские коряки, чтобы избежать частых посещений чиновников, отошли со своими табунами в Паропольский

дол (Парапольским долом называют камчадалы всю безлесную тундру между р. Анадыром и линией, проведенною от мыса Олюторского к истокам р. Пенжины. — *Авт.*) к р. Олюторе и к р. Тигилю. Вслед за коряками пришло к Олюторску до 500 чукоч, для свидания с первыми. Русские ждали нового бунта, но чукчи, обменяв у коряк свои товары, ушли к Анадыру.

В 1786 г. коряки ограбили почту, шедшую из Охотска, а почтальона оставили в дороге на произвол судьбы. По распоряжению Рейнеке производилось по этому делу следствие, которое обнаружило, что почтальоны возили постоянно с собою множество товаров для продажи и большой запас разной провизии. Коряки просили Рейнеке, чтобы он распорядился отправлять почты без всяких почтальонов, ручаясь за их целость. Кроме того, жаловались на большой разъезд чиновников. Но Рейнеке объявил им, что он не вправе изменить этих порядков.

Не найдя удобного места для города Акланска на р. Пенжине и опасаясь нового восстания коряк, Рейнеке построил его наконец на р. Аклане и, переведя туда присутственные места из Тигиля, выехал в 1786 г. из Камчатки, где оставался только за невыполнением этого последнего поручения.

В 1786 г. положено отпускать на содержание восьми церквей в Камчатке и двух в Охотске ежегодно по 1 200 р. Сумма эта по Высочайшему повелению 5 июня 1808 г. была увеличена почти вдвое.

В 1787 г. геодезист Елистратов сделал на байдаре съемку берега от Тигиля до р. Пенжины.

В 1788 г. чукчи первый раз сделали предложение русским вступить с ними в торговые сношения, назначив местом ярмарки р. Ангарку, впадающую в р. Онной, в Колымском округе (Оннойская ярмарка существует и по настоящее время. — *Авт.*), обещаясь притом быть верными данниками нашему правительству и не нападать на коряк. В деле этом принимал горячее участие исправник Беннер, а главное, как впоследствии объяснил чукотский старшина Тумма камчатскому коменданту Кошелеву, что они прекратили неприязненные действия противу русских потому, что дядя его, один из почетнейших старшин, умирая, завещал жить с русскими в дружбе. Иркутское начальство наградило главнейших чукотских старшин кортиками и почетными кафтанами, а 11 октября 1789 г. последовало Высочайшее повеление, чтобы чукчи были приняты в подданство России с правом производить торговлю и промышленность без всяких стеснений.

В том же году было поставлено на берегу Берингова пролива тридцать русских железных гербов в знак того, что Чукотская земля принадлежит России. 12 ноября 1791 г. Императрица Екатерина препроводила в иркутское наместничество 20 серебряных и 80 медных медалей с повелением: «Сих людей приласкать и раздать медали первейшим из них», а 7 ноября разрешила ежегодно отпускать из казны по 500 руб. на подарки чукчам.

Пользуясь переменой отношений чукок к русским, купец Баранов с купцом Кречевцовым завели на р. Анадыре селение и занялись промыслом зверей, моржовой кости и китового уса, вступив притом в торговые сношения с чукчами. Но вскоре чулки за плутовство и обман русских разорили все их заведения в Анадыре и разграбили имущество Баранова.

Во время этих преобразований в Камчатке в Петербурге снаряжалась в наши колонии на Восточном океане кругосветная экспедиция. Подвиги англичан, старавшихся познакомить Европу с отдаленными странами земного шара, обратили на этот предмет внимание и нашего правительства. К тому же генерал-губернатор Якоби представлял Императрице о необходимости посылки военных судов к островам для наблюдения за действиями иностранцев, «ибо, — доносил он, — получено мною известие от промышленников, что английские суда приходили к нашим американским владениям для торговли с туземцами и выменяли у них до 800 бобров, сверх немалого количества *земляных зверей*. Из чего предусматривается, что российского престола подданным принадлежащая великия выгоды присвоить стараются других наций народы».

На этом основании Императрица указом своим от 22 декабря 1786 г. повелела снарядить кругосветную экспедицию *для охранения права нашего на земли, Российскими мореплавателями открытыя*. Кроме этой главной цели экспедиции, на нее было возложено географическое исследование в Восточном океане, заведение торговых связей с Японией и, наконец, доставка разных судовых и военных припасов в сибирские порты, а именно: 5 000 пуд. железа, 1 500 арш. парусины, 3 000 пуд. такелажа, пушек: 12- и 16-фунтовых 12, 3-фунтовых 20, селитры и серы на 1 000 пуд. пороха и разные инструменты. В состав экспедиции были назначены суда: «Холмогор» в 600 тонн; «Соловки» в 530, «Сокол» и «Турухтан» в 450 тон. и «Смелый». Все суда были трехмачтовыми. Начальником экспедиции назначался капитан 1-го ранга Муловский. Для научных целей экспедиции были выписаны из заграницы специалисты по разным отраслям наук. Экспедиции предназначено было в декабре 1787 г. выйти из Англии и следовать к мысу Доброй Надежды. У Сандвичевых островов эскадра должна была разделиться: «Смелый» идти с грузами в Петропавловский порт, два судна для исследования Курильских островов, а остальные два под личным начальством Муловского для принятия во владение России всех земель, лежащих между гаванью Нутка до начального пункта открытий капитана Чирикова, а также земель и островов, не занятых еще иностранцами. Но это первое предприятие русских для плавания кругом света (еще в 1732 г. адмиралтейств-коллегия и сенат при снаряжении экспедиции Беринга рассуждали об отправлении ее кругосветным путем. Потом капитан Биллингс просил из Охотска разрешения адмиралтейств-коллегии по окончании экспедиции отправиться обратно в Кронштадт,

обойдя мыс *Доброй Надежды*. Но коллегия не согласилась на это ввиду предстоявшей тогда экспедиции Муловского. — *Авт.*) не осуществилась. Война с Турциею и ожидаемый разрыв дипломатических сношений с Швециею остановили экспедицию, и 28 октября 1786 г., когда суда были уже готовы к отправлению, состоялся Высочайший указ об отмене ее. И только через 15 лет было предпринято русскими первое кругосветное путешествие.

Между тем первый охотский комендант Козлов-Угренин, которому подчинена была и Камчатка, пожелал лично осмотреть вверенный ему отдаленный край. В ноябре 1786 г. он отправился из Охотска в путешествие с большою дворнею сухим путем по берегу Охотского моря.

По прибытии 8 января 1787 г. в Ижигу он отдал исправника Гауза под суд за разные злоупотребления и прожил здесь до 22 января, приготавливаясь к дальнейшему путешествию. Из Ижиги он взял для своего конвоя 50 казаков, кроме 10 человек прислуги и инородцев, сопровождавших его. Городничий и исправник ехали впереди и выгоняли инородцев для вырубki кустарника и леса, мешавших проезду большого возка Угренина, в котором была устроена железная печь. В этот возок впрягалось до 60 собак, да под конвой и прислугу до 250 собак, согнанных на дорогу со всего полуострова. Прогонов Угренин вовсе не платил, а напротив того, в каждом селении брал еще с души по лисице или соболу в чашину. Независимо от того дворня Угренина вела везде меновую торговлю с туземцами, которые, боясь гнева Угренина, отдавали свои меха за разные безделки, нарочно для того привезенные прислугою его из Охотска.

В Каменском острожке Угренин застал чукок, пришедших для торговли. Здесь Орленков уговаривал Угренина отослать обратно в Ижигу военную команду, служившую только обременением для камчадалов, так как во время пути не предвиделось никакой опасности; но Угренин совет этот принял за дерзость и с того времени постоянно преследовал Орленкова.

Наступила весна, а Угренин продолжал путешествие. Орленков собрал камчадалов почти со всего полуострова на р. Камчатку, куда они должны были переносить на руках свои бота (однодревья). На большом плоту, устроенном на нескольких ботах, было поставлено две рубки: одна с двумя каютами для Угренина и для его кухни. Впереди рубки была поставлена пушка, а над рубкою поднят флаг. Подобных же два плота были устроены для секретаря Угренина Воронова и его прислуги и, кроме того, сзади шло до 50 ботов с конвоем и разными грузами. С раннего утра и до вечерней зари несчастные камчадалы тянули флотилию бичевою, без отдыха и пищи. Утром отваливали от берега, а вечером приставали к нему по пушечному выстрелу. Во всех селениях встречали Угренина, по распоряжению исправника, с хлебом-солью и соболями. Наконец, после больших усилий, дотащили флотилию до Верхнекамчатска. Здесь Угренин узнал о прибытии в Петро-

павловскую гавань двух французских военных судов под командою Лаперуза. По этому поводу Угренин с частию своей свиты отправился в Петропавловскую гавань, где нашел он небольшой гарнизон под командою прапорщика Хабарова, батарею о трех пушках и несколько изб.

Лаперуз прибыл в гавань с судами *Boussole* и *Astrolabe* 25 августа 1787 г. и пробыл там до 19 сентября.

При отправлении французским правительством в Восточный океан Лаперуза, ему, между прочим, поручалось обратить особое внимание на берега Кореи, Татарии и Японии, потому что о географическом положении этих мест имелись в то время самые темные и сбивчивые понятия. Лаперуз в 1787 г. прибыл в Татарский пролив (Татарский пролив назван этим именем потому, что, по предположениям тогдашних ученых, побережье его занимали монголы, которых вся Европа называла в то время татарами. — *Авт.*), где открыл залив де-Кастри, названный по имени французского морского министра. Отсюда Лаперуз намеревался пройти в Охотское море Амурским лиманом, но через несколько часов по выходе его из де-Кастри глубина постепенно стала уменьшаться, а потому Лаперуз, опасаясь отмелей, стал на якорь на глубине 9 саженей и послал в лиман гребные суда. Но суда эти, дойдя до глубины 6 саженей и не встретив течения от севера, как ожидал Лаперуз, вернулись назад. Тогда он заключил, что Сахалин или соединяется с матерым берегом перешейком, или же канал, отделяющий его от материка, до того мелок, что вход в Амур с юга недоступен. После того Лаперуз описал западный, южный и юго-восточный берег Сахалина и пролив, отделяющий Сахалин от о-ва Матсея.

Угренин посетил эскадру и был принят на ней с почетом и пушечной пальбой. По просьбе Лаперуза было отпущено на его суда 7 голов рогатого скота, много овощей и других предметов продовольствия. Лаперуз над могилою Клерка и Делиль-де-Лакроера, бывшего астронома второй Беринговой экспедиции, поставил гробницы.

Перед отбытием с Камчатки, Лаперуз послал в Петербург к французскому посланнику с донесением о своем путешествии вице-консула Лессепса. Угренин обещал Лаперузу сопутствовать ему до самого Охотска (в письме своем к генерал-губернатору Лаперуз благодарил его за радушный прием, сделанный ему в Камчатке Угрениным и жителями гавани. А на другой год была прислана к генерал-губернатору от французского правительства медаль с изображением Лудовика XVI, пожалованная начальнику команды в Петропавловской гавани прапорщику Хабарову. Из Ботанибея Лаперуз послал известие о своем пребывании в Камчатке и целую об ней статью, напечатанную в *Voyage autour du Monde* 1785—1788. — *Авт.*).

25 сентября Угренин с Лессепсом, секретарем, нижнекамчатским исправником Шмалевым, Хабаровым, переводчиком Ивашкиным, 4 сержантами

и 4 казаками отправился из Петропавловской гавани на байдарах до р. Паратунки, где были приготовлены для него лошади, на которых он и доехал до Нижнекамчатска. Здесь на 10 ботах устроен был такой же плот, как и во время первого путешествия, а кухня, грузы и команды разместились на других 6 плотках, которые приводились в движение шестами, и этою тяжелою работою были заняты камчадалы.

По прибытии Угренина в Большерецк, он прожил там более трех месяцев в ожидании зимнего пути, проводя время с молодым Лессепсом и Шмалевым в кутеже и разврате. Почти ежедневно в квартиру его созывались жены и дочери жителей Большерецка *на вечерки*, и горе той женщине, которая вздумала бы противиться желаниям кого-либо из кутящей компании. В особенности же своим нахальством и дерзостью в отношении женщин отличался Лессепс. Все нравственные люди избегали даже встречи с этою разгульною компаниею.

Лессепс в путешествии своем по Камчатке, напечатанном в Париже (смотри Лессепсово путешествие в Камчатке, переведенное на русский язык. Москва, 1801 г.), между прочим, говорит: «Русские и камчадалы не ревнивы: они не заботятся о нравственности и поведении своих жен». Он, конечно, мог вынести такое убеждение, находясь под покровительством Угренина, которому никто не решался противодействовать, боясь его гнева и жестокого наказания.

Пока Угренин кутил, земские чиновники сгоняли со всех сторон к Большерецку камчадалов с собаками. С наступлением же удобного пути множество нарт было нагружено провизиею, соболями и лисицами, запас которых значительно увеличил Угренин в Большерецке. 300 собак запрягалось под багаж Угренина, 50 в его повозку, 40 в повозку Лессепса и, кроме того, множество нарт ехало с конвоем и дворнею Угренина.

Из Авачи Угренин послал Шмалева по западному берегу Камчатки для заготовления собак и кормов, а сам с обозом отправился снова в Нижнекамчатск, где, по словам его, было в то время до 100 домов.

В половине февраля на пути из Нижнекамчатска через Еловку, Говенский и Пусторецкий остроги погибло более половины собак, так что нарты с багажом оставлены были на дороге. Да и для остальных собак не осталось кормов.

Жители острожка, напуганные рассказами про жестокости Угренина, все разбежались, спрятав свои рыбные запасы. В Пусторецком острожке все остальные собаки подошли от голода и изнурения. К счастью Угренина, 1 марта приехал Шмалев с камчадалами и собаками, собранными с помощью крупных мер. При таких условиях Угренин перестал уже думать о комфорте, а заботился только о том, чтобы добраться в целости до Охотска. Из Пусторецка Лессепс поехал в Охотск вперед, куда и прибыл 25 апреля 1788 г., а Угренин остался здесь ожидать прибытия из Ижиги конвоя и 150 собак. Когда же кон-

вой прибыл, он отпустил всех камчадалов, которые, лишившись собак, принуждены были идти в свои жилища пешком, иные за 400 и 500 верст. Дальнейшее путешествие Угренина сопровождалось гибелью остальных собак. Он прибыл из Ижиги в Охотск морем на транспорте 10 октября 1788 года.

Проезд этот окончательно разорил камчадалов. Потеряв удобное время для промыслов, они, кроме того, отдали последние запасы пушнины и кормов Угренину и его свите и, наконец, лишились всех собак. Событие это камчадалы называли *собачьею осною*.

Когда же дошли до Иркутска слухи о путешествии Угренина по Камчатке, иркутское начальство предписало ему (20 апреля 1789 г.) донести, «за какими делами он разъезжал по полуострову?» Угренин отвечал, «что он ездил туда для заведения порядка и устройства чукок и коряк, а также для того, чтобы ознакомиться с краем, ибо без того он был только начальником для виду и не мог бы следить за соблюдением там законов».

Между тем последствия его проезда по Камчатке не замедлили там обнаружиться. Весною 1788 г. камчадалы до того нуждались в продовольствии, что ели байдары, падаль и древесную кору. Камчадалы, чтобы положить конец своим бедствиям, решились послать в Иркутск депутацию из двух почетных старшин, которым поручили рассказать иркутскому начальству *о собачьей осне* и других препятствиях, имевших гибельные для них последствия. Депутация прибыла в Иркутск в феврале 1790 г., где передала все сказанное выше и, кроме того, просила о трех предметах: 1) сложить с камчадалов недоимку в ясаке, накопившуюся после 1775 г. и происшедшую от проезда чиновников и других независимых от них причин; 2) избавить край от множества чиновников, их разоряющих и отвлекающих от занятий своими беспрестанными разъездами и 3) собирать с них ясак по наличному числу камчадалов, т. е. с 1 325 душ, а не по той неизвестной для них переписи, по которой он собирается. Камчадалам было обещано покровительство и исполнение их просьб, и они отправились обратно в Камчатку. Недоимка с Высочайшего разрешения был им прощена на другой же год; но остальные две просьбы остались без всяких последствий (до 17 марта 1775 г. недоимка на камчадалах считалась на 21 558 р.; с 1775 по 1781 г. вновь накопилось 15 075 руб., а с 1781 г. по 1790 г. — 13 242 р. 50 к. — *Асм.*).

По прибытии Угренина в Охотск остававшийся вместо него комендантом совестный судья Кох донес ему, что камчатский городничий Орленков не выполняет его предписаний. Угренин, недовольный и сам Орленковым, дал предписание секунд-майору Василию Шмалеву, произведенному в этот чин за содействие к проезду Угренина, — сменить Орленкова и выслать в Охотск. Орленков сдал должность одному из земских чиновников Фролову. Шмалев же желал занять ее сам; но Фролов не хотел признать его начальником. Вследствие этого вышла ссора, в которую вмешался находившийся в то время

в Камчатке флота капитан Биллингс. Он предоставил власть Шмалеву и донес об этом происшествии иркутскому губернатору. Весною 1790 г. Орленков по прибытии в Охотск был отдан под суд.

В 1791 г. с 4 по 10 апреля было сильное землетрясение на Курильских островах, которое особенно было ощутительно в Нижнекамчатске, где попали трубы с домов и обрушились крыши. Шмалев, напуганный этим землетрясением, писал в Иркутск о необходимости уничтожения Нижнекамчатска и перенесения управления в Большерецк, так как, по его предположениям, город Нижнекамчатск в самом непродолжительном времени должен был провалиться (большая часть камчатских землетрясений сопровождалась извержениями из огнедышащих гор. В делах архивов сохранились следующие сведения о самых замечательных извержениях в прошлом столетии. С 1721 по 1731 год непрерывно горела Камчатская сопка; потом в 1737 г. она снова горела семь дней. В 1735 г. возгорелась Авачинская сопка. В 1776 г., октября 23, в полдень во время землетрясения возгорелись сопки: Жупанова, Вилюченская и Опальская. С 1769 г. Толбачинская сопка ежегодно зимою и осенью выбрасывала дым и сажу. В 1769 г. Толбачинская сопка зимою и осенью выбрасывала пламя, с 26 октября по 16 ноября. В январе 1790 года Вилючинская извергала лаву, песок и камни. Опальская погасла в начале нынешнего столетия, а Жупанова курилась еще и в нынешнем столетии. — *Авт.*).

Но Шмалеву недолго пришлось управлять Камчаткою. В половине февраля 1790 г. прибыл в Иркутск фельдъегерь из Петербурга с указом Императрицы Екатерины II от 9 января 1790 г., коим сообщалось губернатору, что англичанин Кокс, вступив в шведскую службу капитаном, получил разрешение от шведского правительства на построенном им 14-пушечном судне «Меркурий» грабить наши колонии на Восточном океане. При этом предписывалось иркутскому губернатору, чтобы в случае, если Биллингс не ушел еще в экспедицию, то поручить ему [предотвратить] покушение Кокса на наши владения.

На этом основании 23 февраля 1790 г. был послан в Камчатку и Охотск курьер с предписанием о приведении в оборонительное положение Петропавловской гавани и Охотского порта. При чем послано к Шмалеву распоряжение о назначении его командиром Петропавловской гавани, с тем, чтобы он оказывал содействие Биллингсу в этом последнем поручении. Шмалев приступил к постройке в Петропавловской гавани батарей; но все пушки оказались негодными, и при пробе их несколько разорвало. Шмалев писал об этом в Иркутск, и потому были высланы другие пушки из Охотска. Наконец кое-как, и то только в 1796 г., укрепил гавань шестью батареями: 1) на левой стороне при входе с моря, противу камней *Трех братьев*, на которой не было пушек, по недоставлению их из Охотска; 2) на правой стороне, на Угловом мысу, с одной 3-фунтовой пушкой; 3) на правой стороне,

повыше жилья *со входу в гавань, судам противная*, о 6 пушках 3¹/₂-фунтовых и 2 фальконетах; 4) на левой руке, *сигнальная*, о 2 пушках и 1 фальконете; 5) на кошке, на левой стороне, о 7 пушках также 3-фунтовых; 6) в гавани о шести медных пушках. В 1797 г. Шмалев построил в гавани дом для начальника гавани из тополевого и ветлового лесу. После Шмалева стали назначать отдельных командиров в Петропавловскую гавань. Городничим же вместо него определен 15 марта 1791 г. коллежский асессор Воеводский, который вступил в управление Камчаткою 13 декабря 1791 г.

В 1790 г. пришло из Охотска в Петропавловский порт судно экспедиции Биллингса «Слава России», которое во время этого пути открыло остров Св. Ионы, нанесенный по счислению Биллингса на карту в 38 немецких милях на *SO* 20°30' от Охотска. Судовые же припасы и провизия были доставлены на судне «Обновление храма России». Во время зимовки Биллингса в Петропавловской гавани было построено там другое судно «Черный Орел», спущенное на воду 31 мая 1791 г. По окончании экспедиции «Черный Орел» ушел в Охотск, а «Слава России» осталась в Петропавловской гавани без всякого употребления и 27 марта 1801 г. затонула на глубине 3-х сажень со всеми хранившимися в нем судовыми припасами и материалами.

Биллингс после тщетного ожидания шведского судна и безуспешной попытки пройти морем из устья р. Колымы вокруг Чукотии 26 августа 1791 г. отправился осматривать Чукотскую землю сухим путем с доктором, лекарским помощником, штурманом, рисовальщиком, геодезистом и тремя служителями, в числе которых находились неизменные его спутники: казак Сибиряков (впоследствии полковник и командир камчатского батальона) и женщина, переодетая в мужское платье. Сдав судно «Слава России» в губе Св. Лаврентия капитану Сарычеву, он перешел на байдарках в Мечигменский залив и оттуда на оленных нартах отправился вдоль Чукотской земли параллельно берегу в значительном от него расстоянии к Онойской крепости, куда и прибыл 17 февраля 1792 г. Путешествие его подробно описано в записках Сарычева, и потому мы ограничимся здесь сообщением тех только сведений, которые автор записок упустил, вероятно, из скромности. Во-первых, для команды экспедиции Биллингса коряки пожертвовали множество оленей. Но Биллингс выписал в расход значительную сумму на покупку их; показывал в книгах расход на прогоны, которых никому не платил. Слагал со счетов разлившуюся водку, которой вовсе не было и т. д. (все это сообщено было из Иркутска Адмиралтейств-коллегии по секрету 4 февраля 1792 года. — *Авт.*). Наконец принял по сомнительным причинам под свое покровительство начальника ижигинской команды майора Тимофея Шмалева, находившегося за разные злоупотребления под уголовным судом, взял его к себе в экспедицию и даже успел устроить дело таким образом, что по окончании экспедиции Шмалев был назначен начальником Охотского порта. И хотя причины,

заставившие Биллингса хлопотать о Шмалеве, и стали впоследствии обнаруживаться, но со смертью Шмалева окончились и дальнейшие исследования по этому делу.

Городничий Воеводский разъезжал для своих выгод по полуострову, выменивая у инородцев на вино, порох, свинец и другие вещи пушных зверей, и не пренебрегал взятками. Воеводский, опасаясь, чтобы Нижнекамчатск не подмыли реки Радуга и Камчатка, перенес город в 1791 и 1792 годах на правый берег р. Радуги.

Начальник Петропавловской гавани майор Василий Шмалев, имея отдельное назначение, не хотел признавать над собою власти Воеводского, который жаловался на Шмалева губернатору Пиллю. По этому поводу Пиль 5 июля 1793 г. предписал всем без исключения чинам, находящимся в Камчатке, подчиниться городничему. Обиженный этим распоряжением Шмалев начал писать доносы на Воеводского, вскрывшие все его злоупотребления, а Воеводский, в свою очередь, писал на Шмалева, и ссора их кончилась тем, что обоих их отдали под суд, причем Воеводский 1 мая 1794 г. был вызван в Охотск, а Шмалев оставался в Камчатке, где и умер 18 декабря 1799 года.

Из следственного по этому предмету дела видно, что в 1791 г. прибыл в Петропавловскую гавань священник Верещагин для того, чтобы отправиться оттуда на Курильские острова для проповеди слова Божия; но Шмалев не пустил его и писал охотскому начальнику: «Это большое отягощение камчадалам, а потому самому Богу, яко милосердному человеколюбцу, приятно быть не может таким образом доставление проповеди слова Божьяго. Все духовные лица отправляются на острова только для своих выгод». Когда же камчатский протоиерей Никифоров вступился за Верещагина, то Шмалев, поссорившись с ним, выдернул ему клоч бороды.

Из того же дела видно, что 14 августа 1797 г. пришло в Петропавловскую гавань трехмачтовое судно купца Бышева. Шмалев принял его за шведского крейсера и начал было противу него неприязненные действия. Но вскоре присланная на берег шлюпка доставила Шмалеву судовые бумаги, и судно было пущено в гавань.

В 1793 г. прибыл в Татарский пролив на небольшом бриге, сидевшем в воде 9 фут, знаменитый английский мореплаватель Бротон. Следуя по пути Лаперуза от де-Кастри к Амурскому лиману, он достиг на 8 миль далее его, до глубины 2 сажень. Канал, по которому шел бриг, казалось, оканчивался заливом, на три или четыре мили углубленном в берег. Посланный на гребном судне для исследования этого залива офицер по возвращении на бриг объявил, что хотя между отмелями и встречались глубины, но оне, постепенно уменьшаясь, приводили его то к сахалинскому берегу, то к сплошным отмелям. Залив же оказался окруженным повсюду каменными берегами, так что нигде не было ни малейших признаков прохода в Амур. Обстоятельство

это заставило Бротона оставить свое намерение пройти этим каналом в Охотское море и заключить, что Сахалин полуостров.

В 1794 г. два английские военные судна *Discovery* и *Chatam* производили гидрографические работы у наших американских берегов под главным начальством Ванкувера.

Здесь мы должны упомянуть еще об одном довольно важном событии — это образование Российско-Американской К°. Еще в 1783 г. рыльский гражданин Шелихов составил небольшую компанию для звериного промысла на островах. В 1786 г. генерал-губернатор Якоби ходатайствовал о выдаче этой компании привилегии; но правительство не согласилось, и не без причины. Ему хорошо были известны действия наших промышленников на островах, их жестокое обращение с туземцами, грабежи и убийства. В особенности же был известен по своим неблагоприятным действиям промышленник Шелихов. Иркутские купцы, занимавшиеся промыслом на островах, единогласно указывали на Шелихова как на главнейшего виновника всех бедствий островитян. Император Павел I, чтобы защитить жителей островов от жестокости промышленников, хотел уже вовсе запретить им посещать острова; но по смерти Шелихова в дело это вмешался камергер Рязанов, женившийся на дочери Шелихова и получивший в приданое акции компании, которая в 1798 году была уже преобразована и названа *Соединенною Американскою Компаниею*. Рязанов, стоя во главе этой компании, успел с помощью связей устроить дела таким образом, что Император отменил прежнее свое намерение и 3 августа 1798 г. утвердил акт компании, а 8 июня 1799 г. принял ее под свое покровительство, дав притом ей наименование *Российско-Американской Компании* и привилегию на 20 лет. В 1798 г. компания открыла свою торговлю в Камчатке, Охотске и Ижиге.

В 1794 г. приехал в Камчатку на смену Воеводскому губернский секретарь Крылов, утвержденный в должности городничего указом сената 17 апреля 1796 г. Крылов был послан в Камчатку против его желания. Не находя никакой возможности содержать себя одним жалованием, он вскоре по прибытии в Камчатку писал иркутскому губернатору, что при его скудном содержании и страшной дороговизне в Камчатке на все жизненные припасы, ему осталось два исхода — *или пользоваться взятками, или входить в долги*. Избрав из двух зол последнее, он просил у иркутского губернатора, как милости, вызвать его из Камчатки.

При этом, ходатайствуя об увеличении содержания всем вообще служащим в Камчатке, он весьма картинно представил незавидную жизнь тамошних обитателей: «Камчатский край окружен со всех сторон, кроме северной, морем и изобилует во множестве горящими сопками, извергающими пламя совокупно с густейшим дымом, производящим грубый мрак, заражающий самый воздух, который, меняясь с морским влажным, составляет яд, раз-

слабляющий человека, наводящий на него уныние, умаляющий силы, портящий кровь, умножающий болезненные припадки и даже влекущий за собою народные бедствия; а потому вино и здоровая пища при таких климатических условиях необходимы для подкрепления здоровья. Но к этим-то предметам и нет приступу бедным чиновникам и обитателям здешняго края. Вино продается по 46 руб. за ведро — цена неслыханная! Казне прибыль, а жители отягощение!»

После того Крылов выслал в Иркутск еще несколько подобного рода представлений, и наконец губернатор в 1797 году разрешил ему выехать в Иркутск, сдав должность до прибытия нового городничего Щеглова чиновнику Фролову. Но Фролов в 1798 г. попал под суд за пьянство и плутовство, а Щеглов вскоре после приезда в Камчатку, и именно в 1799 г., должен был отправиться обратно в Иркутск по случаю новых преобразований в управлении Камчаткою.

Из вышеприведенных фактов мы видели, что камчатских городничих назначали без всякого выбора. О присутственных же местах нечего и говорить — в них были присланы все выгнанные из службы иркутские чиновники, которые постоянно находились в бездействии. . . Угнетенные камчадалы знали уже, как разорительно вверяться чиновникам и потому никогда не обращались с жалобами в суд, а все свои споры предоставляли разбирать тоенам; если же по несчастию какое-нибудь дело и попадало в суд, то прав был тот, кто мог больше заплатить блюстителям правосудия. Словом, этот чиновничий класс своим примером распространил пороки и разврат, внесенный на полуостров казаками. Между тем казна трагила ежегодно по 42 722 руб. на содержание этих чиновников и казаков, тогда как доходы Камчатки в 1794 г. простирались только до 18 000 руб.

Введение в Камчатке присутственных мест доказывает только, до какой степени была мало знакома с условиями края высшая иркутская администрация; обратив, к несчастию края, полное на него внимание; она не ограничилась введением там губернских учреждений; но придумала сформирование баталиона полковника Сомова полка, который предписывалось расположить в Камчатке, за исключением двух рот: охотской и удской. О сформировании и отправлении этого полка в Камчатку мы будем говорить впоследствии; здесь же заметим, что все громадные единовременные расходы, произведенные на отправление этого баталиона, далеко не могли равняться с теми расходами, которые потребовались по прибытии баталиона в Камчатку.

Затея эта дорого стоила казне; но еще дороже обошлась она несчастным камчадалам. На том судне, на котором отправился из Охотска в Нижнекамчатск шеф полка генерал-майор Сомов с ротою солдат, заболел один рядовой гнилою горячкою. Болезнь эта распространилась на судне с такою силою,

что некому было управлять судном, которое после продолжительного плавания с большим трудом дошло до Петропавловской гавани, лишившись на этом переходе до 30 человек умерших. По прибытии же в Камчатку Сомов не принял никаких карантинных мер против заразы, и она чрезвычайно быстро обошла весь полуостров. В зиму 1799 г. и 1800 г. болезнь похитила 1 682 человека туземцев обоего пола, а с русскими более 2 000 человек. Камчадалы, не знакомые с этою болезнью, уничтожали жар холодною водою и тем еще более вредили больным. Чрезвычайно грустную картину представляла в это время Камчатка. Многие селения вымерли до одного человека, и трупы лежали не похороненными до окончания этой ужасной болезни, известной в Камчатке под названием *сомовского поветрия*. Кроме того, безбрачная жизнь солдат развела в Камчатке другую страшную болезнь, существующую там и по настоящее время. В 1800 г. по распоряжению высшего правительства в видах искоренения этой последней болезни был командирован на службу в Камчатку лекарь Малафеев.

Едва успела прекратиться горячка, Сомов вздумал прибывшую с ним в Петропавловскую гавань роту солдат перевезти со всем багажом на собаках в Нижнекамчатск, вытребовав все необходимые для этого средства от камчадалов. Кроме того, все транспортные суда с провиантом, предназначенным для продовольствия батальона, пришли не в те гавани, которые им были назначены по расписанию, а потому Сомов распорядился и провиант этот развезти на собаках по полуострову. Операция эта стоила казне огромных расходов и сопряжена была с большими убытками для камчадалов, лишившихся более половины своих собак и пропустивших удобное время для промыслов.

Провианту было прислано в Камчатку гораздо менее противу потребности. К тому же при перевозке его с места на место произошли большие потери, так что Сомов приказал половину пайка отпускать солдатам *порсою* (толченою сухою рыбою).

Нелегко также было Сомову разместить солдат по главнейшим пунктам полуострова, потому что нигде не было приготовлено для них помещений. Наконец, после разных передвижений и перемен кое-как устроили. Служебных занятий, конечно, не было у солдат никаких, и потому большая часть из них завела себе собак и разъезжала по камчатским селениям для торговли.

Камчадалы же, не зная их прав и принимая за тех же чиновников, уступали им все, что только те требовали. Кроме того, Сомов, не соображаясь с условиями края, распорядился, чтобы ежемесячно доставлялись к нему из мест расположения войск отчеты и присылались еженедельно нарочные за получением его приказов. Независимо от того, эстафеты почты и курьеры посылались по всему полуострову почти каждый день. С наступлением же весны, кроме того, отправлялись в путешествие: исправник для осмотра округа, свя-

щенник с причтом для осмотра церквей и совершения треб; провиантский комиссионер для проверки магазинов; казачий старшина и ротные командиры для осмотра своих команд и, наконец, сам комендант, для общего порядка, с большуюю свитою на 60—70 собаках. Но как в некоторых острожках после горячки вовсе не было жителей, то в такие селения нагнали камчадалов с собаками из других острожков. В случае же проезда какого-либо начальствующего лица, в особенности же во время больших снегов, камчадалов выгоняли на лыжах на дорогу для протаптывания пути собакам.

При таких порядках главный источник богатства камчадалов — звериный промысел — почти вовсе пресекался, тем более что с прибытием в Камчатку батальона было запрещено частным лицам, в том числе и купцами, продавать порох и челебуху, употребляемую до того времени камчадалами для отравы зверей. В одном из своих приказов Сомов объяснил, что продаже пороху он запретил в тех видах, чтобы солдаты не продавали казенного пороху, а челебухи — потому что в 1799 г. ею отравились двое камчадалов. И хотя казенная продажа пороха по одному фунту на человека существовала по-прежнему, но на этот порох земские чиновники смотрели как на одну из статей своих доходов и брали за него баснословную цену (указом 1730 г., декабря 23, разрешалось из казны продавать порох *седомым людям* до 1/2 фунта, а свыше 10 фунтов никому не продавать; а указом 1734 г., мая 20, дозволено давать пороху из казны не свыше 3 фунт., а *знатным* людям до пуда. — *Авт.*). А между тем с несчастных, разоренных камчадалов требовали исправной уплаты ясака!

По отправлении в Камчатку батальона из Иркутска ежегодно отправлялся туда провиант по числу находившейся там военной команды; но по трудности сообщения Якутска с Охотском большая его часть оставлялась в пути. Сомов писал в Иркутск, что по недостатку провианта солдатам не выдается и четверти положенного им пайка. Тогда в Иркутске снова подняли вопрос о хлебопашестве в Камчатке. Бывший нижнекамчатский городничий Воеводский по поручению начальства составил по этому предмету записку, в которой, между прочим, изложил, что, прежде всего, необходимо усилить русское население на полуострове переселением крестьян охотского округа, которых тогда считалось 104 семьи и, кроме того, поселить там отставных солдат и казаков, праздно шатающихся в Камчатке. Для поощрения же крестьян брать у них хлеб в казну по местным ценам и дать поселенцам другие преимущества. Кроме того, предлагалось завести три солеваренных завода: в Нижнекамчатске, Тигиле и Петропавловской гавани.

Иркутский губернатор Лещано передал эту записку на рассмотрение Сомова, который 12 июля 1800 г. донес Лещано, что предположение Воеводского он вполне одобряет; но только находит, что назначенное им число крестьян слишком недостаточно, и потому просил прислать из Иркутска еще

50 семейств казаков для поселения на р. Камчатке, с ассигнованием 27 000 руб. на единовременные расходы. Для устройства же солеваренных заводов требовал 19 641 р. единовременно и по 11 250 р. ежегодно.

Надо заметить, что предположения эти Сомов писал в то время, когда в Камчатке было уже 160 семейств крестьян, окончательно отказавшихся от хлебопашества после бесполезных опытов и занимавшихся уже рыбными и звериными промыслами.

Леццано, сообразив всю по этому предмету переписку, пришел к самому ошибочному заключению. 13 августа 1801 года он представил следующие по этому делу свои соображения: «С одной стороны, по великим издержкам казны на доставку полку Сомова провианта и аммуниции, по изнурению якутов и по неверной, а нередко гибельной перевозке провианта чрез море на транспортных судах, а с другой, *по удобству камчатского климата к размножению хлебопашества* и скотоводства, весьма полезно было бы обратить гарнизонный Сомов полк по примеру бывших ландмилицких полков; от чего впоследствии вознаградились бы все издержки казны, и не только одно войско тамошняго края *вкушало бы хлеб от своего земледелия*, но и все жители безбедно могли бы оным довольствоваться».

Предположения эти 19 сентября 1801 г. были одобрены, и предписано Леццано представить по этому делу более подробные соображения. На это последнее предписание Леццано донес:

«Поелику места к хлебопашеству удобныя признавались: близ Нижнекамчатска, где состоит две роты из 219 человек; близ Петропавловской гавани, где 101 ч. и в Удском остроге, где 144 человека, то и полагаю роту, расположенную в Большерецке из 93 человек, по неудобству там земли к хлебопашеству, перевести в Петропавловскую гавань, находя приличным в этом месте быть двум ротам, ибо оно одно подвержено покушениям неприятельским. Охотская рота может довольствоваться провиантом из Камчатки».

Хлебопашеством предполагал он занять две трети солдат, а остальных оставить для караулов с тем, чтобы хлебопашцы были готовы во всякое время отразить неприятеля. Но чтобы солдаты не забыли военной службы, предполагал ежегодно с 1-го по 21-е июня обучать их фронтовому образованию.

Доводы свои Леццано подкрепил следующими цифрами: «На заведение хлебопашества в Камчатке требуется единовременно 41 000 руб.; но так как трехгодичная доставка провианта в Камчатку, Удский острог и Охотск обошлась в 224 572 руб. 40 коп., каковые расходы будут и впредь, то рассчитывая в первый год урожай только сам-пять, получается хлеба 27 750 пуд., что достаточно на довольствие команды и засев будущего года, а произведенный расход вознаградится в непродолжительное время».

Предположения эти Высочайше утверждены 29-го декабря 1801 г. Сомов, получив предписание Леццано о приведении в исполнение Высочайшей воли,

26 мая 1802 г. писал ему, что он полагает совершенно иначе расположить поселения, и именно: две роты, предназначенные в Петропавловскую гавань, поселить в Верхнекамчатском остроге, а из двух нижнекамчатских рот одну поселить близ Ключевского селения, а другую в 350 верстах от Нижнекамчатска, близ острога Машуры.

«Шефу полка со своим штабом находится в Верхнекамчатске, как центре расположения войск, с тем, чтобы и гренадерская, и моего имени рота поселилась близ Верхнекамчатска. Большерецкий гарнизон перевести к устью р. Камчатки для содержания там караулов. По сему расположению уповаю, что здешняя войска в полном довольствии, и гарнизон будет в исправности и готовности к отражению неприятельского нападения». При этом Сомов просил ассигновать 44 349 р. 78¹/₂ коп., необходимыя для выполнения этих предположений.

В другом же рапорте от 5 августа 1802 г. доносил Государю, что он уже приступил к постройке необходимых зданий в предположенных им к заселению местах и подготовке земли к хлебопашеству.

Эти новые предположения Сомова Высочайше были утверждены 13 января 1803 г., и испрашиваемая им сумма денег ассигнована в распоряжение иркутского губернатора. Из них употреблено на покупку инструментов, семенного хлеба и скота, а также и на доставку хлеба и скота в Камчатку 33 333 р. 21 коп.

В то же время из всех прежних камчатских команд сформирована была еще одна рота солдат для ижигинского гарнизона.

Но едва Сомов приступил к выполнению своих предположений, как обнаружались новые непредвиденные расходы. Нужно было доставить в Камчатку из разных губерний на казенный счет семейства нижних чинов. Семенной хлеб, доставленный в Камчатку прежде, нежели успели приготовить землю, от долгого лежания в сырых магазинах стал портиться; его перемололи в муку и потребовали новые семена, которые, по каким-то причинам, были высланы из Иркутска только в 1807 г., а прибыли в Камчатку в 1809 г. Посланный из Якутска в Камчатку скот по недостатку сена в Ямской крепости большую часть был убит, и из большого табуна осталось только 20 голов. В 1805 г. снова отправлено в Ижигу 219 голов рогатого скота и 194 лошади; но до Камчатки дошли только 73 головы рогатого скота и 36 лошадей. Пришлось его высылать в третий раз. Кроме того, потребовались для поселенцев коновалы, мельники, кожевники и т. д. Словом, расходам не было конца.

Между тем обычные транспорты с провиантом для довольствия камчатских команд в ожидании будущих благ ежегодно отправлялись в Охотск по-прежнему на нескольких тысячах лошадей, потому что Сомов писал, чтобы не прекращали доставку в Камчатку провианта до получения от него уведомления о приведении хлебопашества в настоящий вид, как бы предвидя,

что дело это не совсем легкое. В 1802, 1803 и 1804 годах поселенцы не успели приобрести ни зерна своего хлеба. Все три года прошли в передвижении солдат и перевозке провианта из гаваней в места поселений. В Верхнекамчатск и Машуры доставляли провиант солдаты на своих собаках, по 2 руб. с пуда. Но и при этих громадных расходах не успевали [доставить] потребного количества провианта для довольствия поселенцев, и потому, чтобы избежать голода, всех поселенцев из Верхнекамчатска и Машуры снова перевели в Петропавловскую гавань и Нижнекамчатск.

В течение трех лет солдаты построили несколько изб, а о хлебопашестве вовсе не заботились, потому что получали от казны провиант и хорошую плату за доставку его в собственные свои квартиры. Наконец в начале 1802 г. Сомов получил печальное известие, что запас провианта в Камчатке до того мал, что и при уменьшенной его выдаче к весне не останется и пуда муки. Чтобы предотвратить голод, Сомов завел для промысла рыбы казенные суда и невода, стоившие казне 5 547 р. и, кроме того, купил у чукоч и коряк оленей, употребив на это значительные суммы. По этому поводу Сомов писал в Иркутск, что хотя по Высочайшему повелению 10 августа 1801 г. положено иметь в Камчатке постоянный запас провианта; но охотская флотилия не успевает доставлять даже и того количества, которое потребно для довольствия команд.

После ряда неудач Сомов убедился, наконец, в неприменимости на практике своего проекта и, чтобы избежать будущих дурных последствий, подал прошение о выезде из Камчатки по слабости здоровья. Просьба его была уважена, и в 1802 г. был назначен вместо него молодой генерал Кошелев, человек образованный, честный, умный и деятельный (перед выездом своим из Камчатки Сомов представлял генерал-губернатору о необходимости иметь в Камчатке переводчиков с французского и немецкого языков на случай прихода иностранных судов. Но представление это оставлено без последствий. — *Авт.*).

Новый камчатский комендант Кошелев 10 июля 1802 г. прибыл в Охотск, где, ознакомься с положением охотских и камчатских дел, донес Государю, что охотское начальство не заботится о доставке провианта в Камчатку. «На казенных судах, — писал он, — перевозятся преимущественно грузы Российско-Американской К^о, а провиант и купеческие товары остаются не отправленными. Компания же, не имея на Камчатке конкурентов, продает предметы продовольствия по самым высоким ценам; например: пуд масла по 60 руб., а флягу водки, около 3-х ведр, от 700 руб. до 1 000 руб.!» «Так что, — писал он, — я вынужденным нашелся написать вице-адмиралу Фомину, что если и на будущий год он отправит товары компании, то я их конфискую и на эти деньги куплю оленей у коряк для продовольствия нижних чинов. В Охотске компанейские суда строятся казенными людьми в один год, а казенные транспорты по три года». Высказав в этом рапорте еще несколько

злоупотреблений охотского начальства, в заключение Кошелев просил подчинить Охотск камчатскому коменданту.

Государь, получив это донесение, Высочайше повелел для приискания мер к устранению всех беспорядков в Охотске и Камчатке составить особый комитет из министров: коммерции, военного, морского и сибирского генерал-губернатора.

Комитет после нескольких совещаний пришел к нижеследующим заключениям: «Охотский порт не подчинять камчатскому коменданту, а для управления Камчаткою учредить областное правление из судьи, исправника и двух заседателей под председательством коменданта, которому именоваться правителем Камчатской области. Кроме того, в Ижиге иметь комиссара и при коменданте секретаря, почтового экспедитора и двух писцов, с отпуском из государственного казначейства исчисленных на этот предмет расходов по 8 800 руб. в год. Ижигинский округ подчинить коменданту, а областное правление — иркутскому губернатору; по части же судной — иркутской уголовной палате. Камчатскому гарнизону состоять из 5-ти рот: четырем находиться в Камчатке и одной в Ижиге. Из 4-х камчатских рот две иметь на ландмилицком положении, а остальные на положении гарнизонном. В учрежденное при баталионе отделение военно-сиротского дома назначить учителей и служителей и иметь в школе 50 учеников. Местопребыванием коменданта назначить Верхнекамчатск». Постановление это 11 августа 1803 года Высочайше утверждено, а 17 июня 1804 г. последовало Высочайшее повеление об упразднении города Акланска и Ижиги с их округами и присутственными местами.

Кошелев, приняв должность коменданта, открыл, что Сомов и большая часть его офицеров занимались казнокрадством и грабили солдат и обывателей. Принадлежащий нижним чинам провиант выписывался в расход и продавался частным лицам чрез посредство прикащиков Российско-Американской К°. Все книги и счета были с фальшивыми расписками. Продавали казенный порох компании, которая сбывала его туземцам по баснословно высоким ценам. Кошелев конфисковал у компании весь порох и записал его на приход казны, арестовал прикащика компании Хлебникова за его мошенничество (Г. Тихменев говорит, что будто бы Кошелев стеснял торговлю компании, арестовал Хлебникова за то, что он не хотел понизить цен на товары. Мы имели возможность проверить этот факт и потому считаем обязанностью восстановить истину. — *Авт.*).

Ознакомившись с условиями края, Кошелев весьма деятельно занялся хлебопашеством; но результаты были те же, что и прежде — хлеб погибал на корню от утренников. Кошелев доносил генерал-губернатору, что его удивляет, как могло даже составиться убеждение о возможности хлебопашества в Камчатке при тех климатических условиях, в которых находится этот край.

При этом он писал, что скотоводство возможно там в больших размерах и просил выслать 100 семейств якутов со своим скотом.

С прибытием батальона в Камчатку нижние чины бросили казенное обмундирование и завели себе туземную одежду из звериных шкур, соответствующую климату. Обстоятельство это подало Кошелеву мысль представить Государю проект нового обмундирования камчатского батальона из звериных шкур, с тем, чтобы представлено было ему устроить два завода на укинском берегу и в Ижиге для выделки мундирных, аммуничных и других вещей из звериных шкур, как для военных команд, так и для жителей полуострова, приобретая сырые материалы у коряк и чукоч. При этом Кошелев представил и образцы предполагаемого обмундирования. Проект этот был передан на рассмотрение генерал-губернатора и оставлен затем без всякого внимания. И только впоследствии, когда батальон был уже расформирован, морское министерство ввело в обмундирование нижних чинов морского ведомства, служащих в Охотске и Камчатке, куклянки, парки и торбаса.

30 июня 1803 г. состоялся высочайший указ на имя Кошелева о заведении солеваренных заводов в Нижнекамчатске, Петропавловской гавани, Тигиле и Большерецке.

В видах понижения цены на вино Кошелев желал возобновить винокурение из сладкой травы. Казенное винокурение началось в Камчатке еще в 1732 г. при дворянине Добрынском, который успел понизить цену на вино с 40 до 18 р. Сенат, получив от Беринга уведомление, что вино это вполне может заменить хлебное, указом своим от 20 сентября 1733 г. предписал в Камчатке сделать все необходимые приспособления для винокурения и продавать вино от казны. На основании этого указа вино приготавливалось по мере его потребности.

4-го января 1769 г. сенат разрешил купечеству продавать в Камчатке виноградные вина и французскую водку. Но винокурение все-таки продолжалось, и с 1762 г. по 1774 г. выкурено 8 213 вед. 1-го мая 1771 г. продажа вина в Камчатке была отдана на откуп на четыре года купцу Савельеву, по прошению которого Императрица Екатерина II в 1773 г. повелела: «Всякую водку, в том числе и травяную, продавать в Камчатке одному откупщику».

По окончании срока контракта Савельева иркутский губернатор снова отдал продажу там вина купцу Лебедеву, по 9 600 р. в год; но Бем успел убедить сенат, что откуп — большое обременение для края, и контракт Лебедева не был утвержден. Но при этом, чтобы не оставить край без водки, сенат предписал отправлять водку в Камчатку из Иркутска, так как местное вино, по донесению Бема, камчадалы и команды пили неохотно. Иркутская водка обходилась казне с доставкой в Камчатку до 13 руб. за ведро.

В 1783 г. Рейнеке, чтобы доставить камчадалам возможность заняться продажей сладкой травы, снова начал винокурение; но Угренин прекратил

его в тех видах, как писал он, что камчадалы, продавая в казну сладкую траву по выгодной цене — 4 руб. за пуд, исключительно заняты собиранием ее в ущерб рыбным промыслам. При нем доставлялось в Камчатку ежегодно от 1 000 до 1 500 ведер водки из Иркутска. Продажею водки заведовали обыкновенно частные пристава, а потом купцы, с вознаграждением от казны. После Угренина опять возобновлено было винокурение в небольших размерах. Но в 1804 г. вся медная посуда на заводе пришла в негодность и была продана с аукционного торга.

Кошелев писал в Иркутск, что продажа сладкой травы есть одна из главнейших статей доходов камчадалов, и что вино из сладкой травы обходится гораздо дешевле привозного. Но на представление это не получено разрешения.

Для большего сближения с чукчами Кошелев в 1805 г. представлял иркутскому губернатору о необходимости возобновления на р. Анадыре острога; но только не с прежнею военною целию, а для торговых с ними сношений. При этом Кошелев объяснил, «что чукчи вообще народ дикий, сильный, способный к грабёжам и крайне мстительный в случае малейшего обмана. Вся связь с ними русских заключается в мене товаров: медных, железных и чугунных вещей, табаку, бисеру, корольков и прочь. с нашей стороны и мягкой рухляди, моржовой и мамонтовой кости со стороны чукоч. Но как наши торговцы на Анадыре, по словам чукоч, их постоянно обманывают, то очень немудрено, что чукчи при удобном случае жестоко отомстят за это русским». Но и на это представление не было обращено внимания, а между тем предположения Кошелева скоро сбылись. В 1806 г. чукчи убили на Анадыре 14 промышленников Российско-Американской К^о и сами дали знать об этом Кошелеву, объяснив ему, что поводом к этому послужил постоянный обман комиссионера купца Воробьева (селение компании находилось в 70 верстах от большого Анадырского острога. — *Аем.*). При этом они сами просили устроить вновь Анадырский острог для присмотра за меновой торговлею. Кошелев в 1807 г. доносил об этом в Иркутск, но и на этот раз дело ограничилось одною перепискою.

Вопрос о возобновлении Анадырского острога был возбужден еще в 1791 г., после разорения на Анадыре всех поселений купца Баранова. Якутский дворянин Эверстов представлял об этом сенату проект, который по повелению Императрицы был передан чрез генерал-губернатора Пиля на рассмотрение находившегося в то время в Камчатке флота капитана Биллингса. Последний в 1792 г. донес Пилю, что все чукчи желают возобновления острога, и что он со своей стороны меру эту признает полезною для сближения с этим народом. При этом Биллингс предполагал доставлять к Анадырскому устью провиант из Охотска морем, а оттуда вверх по реке на байдарках. Но иркутский губернатор, представив генерал-губернатору Пилю все доводы и цифры, на основании которых упразднен Анадырск, успел убедить его

в бесполезности этих предположений. Письмо 24-го ноября 1792 г. представлял Императрице Екатерине II доводы иркутского губернатора, на основании которых 26-го января 1793 г. последовало Высочайшее повеление: оставить дело это без всяких последствий.

В 1795 г. ижигинский исправник Лаксман для наблюдения за промышленниками и для сбора ясака с чукоч послал на р. Анадырь прапорщика Хабарова с 20-ю казаками. Но Хабаров сам торговал с чукчами и обманывал их. Кроме того, собаки его уничтожили в селении запас рыбы у промышленников, так что по выезде его передохли все собаки от недостатка пищи.

Лаксман представлял в Иркутск, что селение на р. Анадыре следует уничтожить, потому что учреждение его не согласно с Высочайшей волей, объявленной Пленеснеру, и потому иркутский губернатор предписал перенести это селение или на р. Майн, или на Алнат, находящуюся в 150 верстах от Анадырского селения.

Распространившаяся по полуострову венерическая болезнь (венерическую болезнь камчадалы называют *русскою болезнию* или *арожин*. — Авт.). приняла в 1806 г. такие уже размеры, что Кошелев нашел необходимым собственно для венерических больных построить отдельную больницу на Мильковских водах, в 160 вер. от гавани, и сделал представление в Иркутск о присылке для нее врача.

Придерживаясь принятому нами порядку в изложении событий, мы должны упомянуть здесь о прибытии 2-го июля 1804 г. в Петропавловскую гавань первого русского кругосветного корабля «Надежда».

После тщетных попыток отыскать удобное сообщение Якутска с прибрежьем Охотского моря, Российско-Американская К^о решила завести сношения с своими колониями на Восточном океане кругосветным путем. С этою целию в начале 1803 г. главное правление компании, согласно с проектом Крузенштерна, распорядилось снарядить два корабля: «Надежда» и «Нева», первое под команду капитан-лейтенанта Крузенштерна, а второе капитан-лейтенанта Лисянского. Кроме доставки грузов в колонии, экспедиции этой поручалось посетить Японию для заведения с нею торговых связей. Посланником же в Японию был назначен один из главнейших акционеров компании камергер Рязанов.

26-го июня 1803 г. экспедиция вышла из Кронштадта и у Сандвичевых островов суда разлучись. «Надежда» пошла с посланником в Камчатку, а «Нева» к острову Кадьяку. По сдаче в Петропавловской гавани грузов, Крузенштерн 27-го августа 1804 г. вышел в море для следования в Японию и 26 сентября прибыл в Нагасаки. После неудачных переговоров Рязанова с японскими уполномоченными, Крузенштерн вышел в Японское море и 28 апреля 1805 г. открыл залив на северной оконечности Матсмая, названный им по имени канцлера графа Румянцева. 1 мая Крузенштерн прошел проливом

Лаперуза в Аниву на южной оконечности Сахалина. Потом, войдя в Охотское море, сделал опись восточного берега Сахалина до мыса Терпения, где принужден был прекратить работы по причине встреченного им льда. Пройдя через Курильскую цепь, 18 мая открыл группу островов *Каменные ловушки* (Муссир), и через 4 дня прибыл в Петропавловский порт. Высадив здесь Рязанова, 23 июня Крузенштерн вышел из Авачинской губы и 30-го, пройдя проливом Надежда между островами Матуа и Рашуя, вышел в Охотское море. 7 июля прибыл к мысу Терпения и отсюда продолжал исследование берега Сахалина. Обойдя северную его оконечность, спустился к устью р. Амура. Встретив в северном канале, отделяющем Сахалин от берега, сильное течение и совершенно пресную воду, заключил о близости амурского устья и потому послал шлюпку для дальнейших исследований. Но сильное течение, заставившее шлюпку возвратиться на судно, и опасение, чтобы дальнейшими исследованиями не навлечь подозрение китайского правительства, — были причиною, что Крузенштерн не окончил предположенных изысканий и, подобно Лаперузу и Бротону, пришел к ложному заключению, что лиман Амура между Татарским берегом и Сахалином забросан сплошными мелями.

По возвращении в Петропавловскую гавань Крузенштерн изготовил здесь корабль к обратному плаванью и 23 сентября отправился в Кантон и оттуда в Кронштадт.

Из Камчатки Рязанов представлял правительству о скорейшем занятии острова Сахалин, чтобы не могли предупредить нас другие державы. Особенное внимание обращал он на губу Аниву, еще малоизвестную тогда свету; кроме того доказывал пользу занятия Сахалина и в отношении видов на Амур. То же самое писал и Крузенштерн, представив при том правительству свое мнение, что завладеть Анивою можно без всякого сопротивления. Быть может, никогда не представлялось такого удобного времени к занятию Сахалина, так как тогда не было еще на нем никаких японских селений; но правительство по каким-то причинам не воспользовалось этими предложениями. Быть может, что оно рассчитывало на участие в этом деле компании, которая 21 августа 1808 г. получила разрешение завести там поселения; но компания ограничилась только этим разрешением.

Мы выше уже заметили, в каком бедственном положении нашел Кошелев камчатский баталион. Будучи сам честным человеком, он был чрезвычайно строг с чиновниками и офицерами, предававшимися от бездействия пьянству, взяточничеству и разврату. Крутые меры, принятые Кошелевым противу их бесчинств, вооружили всех его подчиненных, которые составили заговор о тайном убийстве его. Во главе заговора стоял баталионный командир полковник Сибиряков, бывший вестовой Биллингса. Соучастники его были: майор Маников, капитан Батюшков, поручики: Соломка и Хитрово, прапорщик Хомяков, подпоручик Росторгуев, исправник Донин, купец Выходцев,

мещанин Барнашев, отставные, выгнанные из службы Кошелевым: майор Козельский и подпоручик Ермолинский; аудитор Савинский и квартирмейстер Шелашников. Всего с нижними чинами 37 человек. Кошелев, будучи предупрежден об этом бунте преданными ему людьми и, убедаясь в справедливости слухов о заговоре, арестовал всех заговорщиков, а Козельского, Шелашникова, Ермолинского, Расторгуева, Савинского, Выходцева заковал в кандалы. В комнатах, где заключались преступники, приказал заколотить окна, строго запретить впускать к ним посетителей, и сам приступил к производству следствия, донеся в то же время о всех своих распоряжениях генерал-губернатору.

Следствие это открыло еще и другой, более обширный заговор, заключавшийся в том, что нижние чины и жители Камчатки, любившие Кошелева за его честность, правдивость и гуманное с ними обращение, дали обещание вырезать всех заговорщиков, если они сделают Кошелеву хотя бы малейший вред.

Следственное дело Кошелев отправил в Иркутск с поручиком Клевецким, которому дал следующее оригинальное предписание: «Так как начальник Охотского порта Бухарин имеет привычку задерживать и распечатывать почты и эстафеты, то вам предписывается не давать ему прилагаемых конвертов, а если он или кто-нибудь другой будет требовать их силою, то, ничего не боясь, *бить того чем попало, до смерти, как бесчестного человека* (Бухарин находился в страшной вражде с Кошелевым, обличавшим его в злоупотреблениях. — *Авт.*)».

В это время генерал-губернаторствовал в Сибири Пестель, а иркутскую губернией управлял известный в Сибири Трескин, человек умный и деятельный, но в то же время гордый, мстительный деспот в полном смысле этого слова. Пестель постоянно жил в Петербурге и, будучи под влиянием Трескина, был только исполнителем всех предначертаний последнего. Трескин же ненавидел Кошелева за его резкие донесения, которые посылались во всех тех случаях, где Трескин позволял себе какие-либо несправедливые распоряжения или употреблял в бумагах дерзкие выражения. Например, Трескин требовал, чтобы Кошелев присутствовал в камчатском областном правлении и подписывал бы все донесения к нему этого правления. Кошелев отвечал ему на это: «Ваше превосходительство, чтобы избавиться от всех главнейших негодяев и пьяниц в Иркутске или по каким-либо другим, неизвестным для меня побуждениям, прислали их сюда членами областного правления, и потом требуете, чтобы я присутствовал, а, следовательно, и советовался с этою грязною компаниею свиней. Но если бы я и решился на эту меру, то этим стеснял бы только вас, ибо нельзя было бы ни Пестелю, ни вам писать таких диких предписаний областному правлению, какие пишутся теперь».

При таких условиях нельзя было ожидать решения дела о заговоре офицеров в пользу Кошелева, тем более что Пестель давно уже был вооружен Трес-

киным против Кошелева. Пестель и Трескин признали во всем виновным Кошелева, которому генерал-губернатор строго предписал немедленно освободить всех арестованных и самому ожидать дальнейших распоряжений от высшего начальства. В предписании этом Пестель, между прочим, высказал Кошелеву, что со вступлением его в должность коменданта Камчатка превратилась в острог.

Получив это предписание, Кошелев послал Пестелю чрезвычайно резкое донесение, в котором, между прочим, высказал, «что подобного рода несправедливое решение могло произойти только от того, что Пестель зять Биллингса, у которого полковник Сибиряков был вестовым и писарем, а потом возвышен в чинах за содействие Биллингсу красть и грабить всех в Камчатке. Поэтому, — писал он, — вам не хочется обвинить Сибирякова, имеющего к тому же протекцию у всесильной Российско-Американской К^о, будучи зятем правителя дел главного ея правления Зеленина (компания ненавидела Кошелева за арест прикащика и преследования ее злоупотреблений в Камчатке. — *Авт.*). Я, как человек честный, не боюсь вашего гнева и говорю вам правду, что вы самовольный властелин и пристрастны к моим противникам».

Но не долго пришлось Кошелеву бороться с своими врагами — Трескин при своем изворотливом уме все распоряжения Кошелева успел перетолковать таким образом, что его обвинили в тысяче преступлений и даже в растрате 3 т. руб. казенных денег, употребленных им на уплату камчадалам за доставку провианта из гаваней к месту расположения войск. Кошелев на сделанный ему по этому предмету запрос отвечал, что он принимает этот расход на свой счет и уже внес эти деньги в камчатское казначейство. «Будущие же начеты, — писал Кошелев, — я также уплачу, хотя бы это стоило моего достояния, лишь бы не было причины думать, что я извлекал из всех этих расходов свои выгоды». 14-го ноября 1806 г. Кошелев был отрешен от должности, вместо него назначен генерал-майор Петровский, а 30 марта 1808 г. граф Аракчеев уведомил Пестеля, что Государь Император Высочайше повелел: «Генерал-майора Кошелева по прибытии в Иркутск арестовать и препроводить в Петербург под присмотром, а всех арестованных в Камчатке офицеров освободить, не внося им в формуляр бытность их под судом».

Но Пестель и Трескин не ограничились этим распоряжением. Они поручили Петровскому произвести строжайшее над Кошелевым следствие и задержать его в Камчатке до особого распоряжения. Петровский 19 августа 1807 года прибыл в Тигиль, а 4 сентября принял управление Камчаткою. Желая угодить Пестелю, он жаловался на Кошелева, что он не сдал ему должности на законном основании, что на следствии дает уклончивые ответы и т. д. Пестель написал об этом Аракчееву, который 24 апреля 1809 г. предписал задержать Кошелева в Камчатке, пока он не исполнит всех требований Петровского.

Несчастный Кошелев должен был в течение более двух лет прожить для следствия в Камчатке, будучи окружен врагами и подвергаясь разным оскорблениям со стороны ханжи и взяточника Петровского и бывших своих подчиненных. Наконец, 12-го ноября 1809 г. Кошелев прибыл в Иркутск и под арестом был отправлен в Петербург, и предан суду. Но до окончания суда Кошелев поступил в ополчение и за оказанную им особенную храбрость в Отечественную войну 1812 г. по Высочайшему повелению был освобожден от суда.

При всех натяжках в следствии, Кошелев по суду оказался только виновным в превышении власти, закрытии духовного правления и отрешении от должности протоиерея Никифорова и диакона.

Для разъяснения последнего обвинения необходимо заметить, что духовное правление состояло тогда из того самого протоиерея Никифорова, которого побил Шмалев, и вечно пьяного священника Логинова. Никифоров предал в церкви после службы проклятию Кошелева и вместе с Логиновым гласно помогал врагам Кошелева делать всякие беспорядки, так что на церковных хорах найдены были бумаги, обличившие заговор офицеров. За эти-то поступки и за растрату церковных сумм Кошелев отрешил их от должностей, о чем сообщил иркутскому губернатору и святейшему синоду. Но Трескин при содействии иркутского архиерея Вениамина успел оградить Никифорова.

Во время Кошелева по Высочайшему указу 18 июля 1806 г. была снаряжена в Камчатку и на Курильские острова особая экспедиция для научных исследований. В указе этом, между прочим, было сказано: «В экспедицию для описания Камчатки и Курильских островов, имеющую продолжаться три года, назначить находящегося при посольстве графа Головкина адъютанта академии наук Редовского и землемера Кожевина. Повелеваю производить им из сумм государственного казначейства жалование: Редовскому по 1 000 р. и столовых по 600 р., а Кожевину жалованья 900 р. и столовых по 300 р., выдав сверх того им на прогоны единовременно 912 р. 52 к., да на подарки, инструменты и т. п. 1 000 руб.». Экспедиция была снаряжена по мысли назначенного в 1805 г. послом в Китай графа Головкина, который после тщетных попыток пробраться в Китай дал всем членам своего посольства разные назначения.

Все необходимые для экспедиции вещи и продовольствие были заготовлены в Иркутске и отправлены в Охотск на почтовых лошадях. В том же 1806 г. Редовский, Кожевин, препаратант и два служителя прибыли в Охотск. Вещи экспедиции в половине сентября были отправлены в Петропавловскую гавань на гальоте «Охотск» под командою штурмана Трубникова. Но гальот этот 30 октября 1806 г. разбился на первом Курильском острове, причем судно и весь груз погибли. Команда же спаслась и прибыла в Камчатку весною 1807 г. на трех байдарках.

Сам же Редовский для лучшего обозрения края отправился из Охотска 9-го ноября 1806 г. сухим путем через Ижигу и 8 февраля 1807 года умер, приняв яд.

Петровский по вступлении в должность коменданта послал ряд донесений к Пестелю о страшных беспорядках в Камчатке, возникших при Кошелеве, желая, вероятно, выслужиться этими донесениями. Но когда 6-го апреля 1807 года Пестель предписал ему донести, в чем именно заключаются эти беспорядки, то Петровский только и мог указать на арест офицеров и закрытие духовного правления.

Но и самому Петровскому скоро пришлось испытать ряд неприятностей от неограниченного деспотизма Трескина. До того времени, пока Петровский нужен был Трескину по делу Кошелева, Трескин снисходительно смотрел на него; но когда Кошелев выехал из Камчатки, он стал посылать к Петровскому строгие предписания, требуя при том донесений о его действиях по управлению областью. Петровскому, несмотря на рабскую его покорность начальству, надоели, наконец, дерзкие распоряжения Трескина, и он, между прочим, писал Пестелю: «Иркутское правительство входит во все распоряжения вверенного мне края — зачем же я здесь? Если вашему Высокопревосходительству угодно, чтобы я состоял в непосредственном распоряжении Трескина, то убедительнейше прошу назначить вместо меня другого, ибо я уже 9 лет генерал-майор!» Кроме того, 25-го ноября 1808 г. Петровский донес министру коммерции, «что иркутское губернское начальство, желая из каких-то видов отдать Камчатку на откуп, завело с камчатским областным правлением безрассудную переписку, обидную и оскорбительную для управления моею областью и самого чина моего».

Оба эти донесения попали через Пестеля в руки Трескина, который сумел устроить это дело таким образом, что Аракчеев в том же 1808 г. сделал Петровскому строжайший выговор за неуместные его выражения против начальства.

В 1810 г. Петровский доносил военному министру, что иркутское начальство не высылает в Камчатку для тамошних команд потребного количества провианта. На запрос, сделанный по этому поводу Пестелю, он отвечал военному министру, «что Петровский давно уже питает к иркутскому начальству недовольствие за то, что оно старается удержать в границах стремления его к самовластию, и принял решительное намерение вредить ему. Команда камчатская, состоящая из 18 офицеров, 415 нижних чинов и 305 кантонистов, достаточно снабжена провиантом, судя по количеству отправленной туда муки».

Время управления Камчаткою Петровским ознаменовалось прежними грабительствами и притеснениями туземцев. Сам Петровский под благовидным предлогом водворения порядков объехал весь полуостров, кроме олюторских острожков, и везде собирал соболей и лисиц. Сибиряков, исправник Донин и полицмейстер Расторгуев грабили также всех беспощадно. Кроме того, Сибиряков выводил солдат на частные работы и деньги брал себе. Донин же пускал в оборот солдатский провиант. По всей Камчатке перевози-

лись купеческие клады без прогонов, потому что Петровский участвовал в торговле с купцами. Петровский отдал с подряда купцу Выходцеву перевозку казенного провианта из Петропавловской гавани в Нижнекамчатск по 10 руб. с пуда, тогда как камчадалы брались перевозить по 7 руб. Впоследствии открылось, что Выходцев за эту сделку должен был купить провиант Петровского и Сибирякова, хранившийся в Нижнекамчатске, по 10 руб. за пуд. Кроме того Выходцеву предоставлено было под видом почты доставить на обывательских байдарах разные товары с Курильских островов, выгруженные там с разбитого судна.

Жители Нижнекамчатска в особенности терпели от притеснений Петровского. Они безвозмездно должны были содержать почтовую гоньбу и поставлять безденежно дрова для отопления казенных зданий (по жалобе нижнекамчатских жителей 27 сентября 1809 г. состоялся сенатский указ, чтобы с жителей Камчатки не требовать безденежно поставки дров для отопления казенных зданий. — *Авт.*). Жены же и дочери обывателей посылались еженедельно без всякого вознаграждения мыть полы в квартиру Петровского и во всех казенных зданиях, а сопротивлявшихся наказывали телесно. Сибиряков с компанейскими прикащиками Паско и Пановым объехал для торговли всю Камчатку. Камчадалы были выгнаны для его проезда на 300 и 400 верст, потому что он брал на станциях по 130 собак, большая часть которых погибла, и камчадалами пришлось возвращаться в свои жилища пешком. За все эти труды Сибиряков заплатил им только 45 руб., считая, в том числе, и прогоны.

Петровский доносил иркутскому губернатору, что по неулову пушных зверей камчадалам нечем платить ясак, а между тем Петровский, Донин и их компания продали в 1811 г. камчатским купцам 7 000 соболей и лисиц, не говоря уже о запасах пушнины, сделанных всеми офицерами и нижними чинами.

В 1808 г. Трескин хотел отдать продажу вина в Камчатке на откуп. Но сенат не согласился на его предложение, чтобы откупщики не разорили туземцев. Отказ этот был основан на представлении Петровского, который доносил министру коммерции, *что хлебная водка в Камчатке бесполезна, а паче пагубна*, при этом просил дозволить продажу в Камчатке вина всем без исключения. Но впоследствии открылось, что Петровский хлопотал не о пользе туземного населения, а для своих личных выгод, потому что сам он был камчатским откупщиком, участвуя с купцами в продаже французской водки и помогая Российско-Американской К^о торговать вином. Поверенные Петровского ездили по стойбищам инородцев и выменивали у них соболей и лисиц на водку, несмотря на существовавшее уже тогда запрещение продажи им вина. Предусмотрительные коряцкие старшины, зная слабость своих соплеменников к хмельным напиткам и опасаясь, чтобы они не дошли до окончательного разорения, убедили коряк удалиться с своими табунами оленей от Ижиги в отдаленные тундры.

Петровский по приезде своем в Камчатку доносил Пестелю, что он предполагает начать хлебопашество в больших размерах. Но опыты его не привели ни к каким полезным результатам. Посеянный в 1809 и 1810 годах близ Нижнекамчатска разный хлеб позяб от утренников. С 1812 г. казенное хлебопашество в Камчатке было прекращено.

Между тем потребность в хлебе была громадная. Несмотря на то что в 1809 и 1810 гг. были отправлены из Охотска в Камчатку 6 транспортов с мукою, в 1810 г. был крайний в нем недостаток. Камчатский комиссионер предлагал Петровскому употребить на довольствие команды хранившийся в Петропавловской гавани семенной хлеб в количестве 2 420 пуд., перевозка которого в Нижнекамчатск обходилась в 28 240 руб.; но Петровский ответил ему, что семена нужны для будущих посевов, и приказал отпускать команде по $\frac{1}{4}$ пайка провианта. Мера эта произвела ропот между нижними чинами, которые просили своих офицеров доложить об их неудовольствии Петровскому, и когда офицеры подали рапорты, Петровский арестовал их, а главных виновников из нижних чинов заковал в кандалы, как бунтовщиков.

Пока Петровский разными бесчестными проделками наживал себе состояние, Трескин постепенно вооружал против него высшее начальство. И, наконец, военный министр в 1812 г. командировал в Камчатку для исследования всех его злоупотреблений майора Тараканова. Осенью 1812 г. Тараканов прибыл в Камчатку и приступил к следствию по делам, относящимся до военной части, а все остальные вопросы, как равно и жалобы камчадалов, отклонил от себя под тем предлогом, что он не уполномочен на производство следствия по гражданским делам.

На первых порах Тараканов весьма деятельно занялся возложенным на него поручением: допрашивал нижних чинов, поверял магазины и книги и т. д. Но впоследствии Петровский и Сибиряков успели склонить его на свою сторону соболями и деньгами, так что Тараканов перебрался даже в квартиру Сибирякова, а стол имел у Петровского. По выезде же из Камчатки он вывез с собою большой запас соболей и лисиц. Но, несмотря на слишком снисходительное следствие Тараканова, Петровский все-таки по прибытии из Камчатки в Иркутск был отдан под суд, потому что в руках Трескина было слишком много данных к его обвинению. Не ушли также от суда и офицеры камчатского батальона, которых Петровский оправдал по делу Кошелева. Все они оказались виновными в соучастии с Петровским в разных противозаконных действиях.

Перечисляя события этого времени, мы должны указать здесь на приход в Камчатку шлюпа «Диана» и дальнейшее его плавание в Тихом океане. 16-пушечный шлюп «Диана» (в 300 тон. и 90 ф. длиною) был отправлен 25 июля 1807 г. из Кронштадта в Восточный океан под командою капитан-лейтенанта Головнина. Главнейшая цель его путешествия была географиче-

ские исследования в части Великого океана, прилежащей к русским владениям в Азии и Америке, а также и доставка разных грузов в Камчатку. По случаю разрыва с Англиею шлюп был задержан в Саймонс-бае 13 месяцев, а потом он прибыл в Петропавловскую гавань только 25 сентября 1809 г. Сдав здесь груз, он отправился в Ситху, откуда вернулся в Камчатку в 1810 г. В 1811 г. Головнин получил распоряжение сделать съемку южных Курильских и Шантарских островов с прилежащими берегами. В июне того же года Головнин осмотрел южные Курильские острова от Матуа до Урупа и 6 июля стал на якорь на южной оконечности Кунашира, чтобы налиться водою. 11 июля Головнин с мичманом Муром, штурманом Хлебниковым, с 4 матросами и одним курильцем-переводчиком съехал на берег. Японцы, желая отомстить русским за поступки Хвостова, взяли их в плен. Старший офицер шлюпа лейтенант Рикорд после бесполезных попыток освободить Головнина отправился в Охотск.

В октябре 1810 г. по восточную сторону Камчатской Лопатки разбилась японская буса. Из находящейся на ней команды 6 человек погибло во время крушения бусы, 9 найдено на берегу замерзшими и 7 полуживых от холоду. Последние были доставлены сперва в Петропавловскую гавань, а потом в Охотск (дела иркутского архива. — *Авт.*). Рикорд, пользуясь этим случаем, поместил японцев на «Диану» и 22 июля 1812 г. вышел в море, взяв с собою охотский транспорт «Зотик», и 28 августа подошел к Кунаширу. Но и на этот год Рикорду не удалось освободить Головнина, и он отправился на зимовку в Петропавловскую гавань. Раннюю весною Рикорд вышел в море, зашел в Охотск и оттуда 23 мая отправился к острову Кунаширу, а потом в Хакодате и, наконец, 7 октября 1813 г. после продолжительных переговоров японцы освободили Головнина и его спутников, и шлюп прибыл с ними 3 ноября в Петропавловскую гавань.

Между тем Петровский по разбитии японской бусы не хотел отпускать из казны денег на содержание потерпевших крушения японцев, и только после долгих убеждений лиц, к нему приближенных, согласился продовольствовать их на счет казны. В донесении своем об этих японцах он, между прочим, писал Трескину, что хотя он и не имел законного права расходовать на содержание их казенные деньги; но, однакож, решился на эту меру, чтобы не умерить их с голоду, и что он предписал кому следует быть при содержании их экономнее (Трескин на донесении этом написал оригинальную резолюцию: *«Мерзавец! Хорош начальник отдаленного края!»*) Резолюция эта и теперь цела в делах иркутского архива. — *Авт.*) На другой год по ходатайству Трескина было Высочайше разрешено отпускать на содержание этих японцев от казны ежегодно по 219 руб. 26¹/₂ коп.

В 1810 г. была такая суровая зима в северо-восточном крае Сибири, что Берингово море и проливы между Курильскими и даже Алеутскими (*Али-*

уая по-алеутски означает «Что такое?» От этих-то слов и произошло название алеутов, о которых в первый раз услышали в Камчатке в 1747 году. — *Авт.*) островами покрылись льдом, который стоял почти целый месяц и так крепко, что ходили по льду. Явление это чрезвычайно редкое в тамошних морях.

Мы выше уже сказали, что Кошелев просил иркутского губернатора о высылке в Камчатку особого медика для пользования туземцев от венерической болезни. Не получая на это представление никакого ответа, он высказал эту необходимость во всеподданнейшем отчете. По этому поводу последовало Высочайшее повеление об отправлении в Камчатку собственно для прекращения венерической болезни доктора Шпера с двумя фельдшерами. Шперу было назначено производить жалование по 1 200 руб., а фельдшерам по 200 р. в год, о чем сообщено Пестелю 20 ноября 1807 г. в именном указе.

23 сентября 1808 г. Шпер прибыл в Нижнекамчатск с большим запасом медикаментов. Наслышавшись в пути о личности Петровского и будучи независим от него, Шпер не обращался к нему ни с какими просьбами, а, сблизившись с Кошелевым, руководствовался его советами. Обстоятельство это было причиною, что Петровский возненавидел Шпера, в особенности за сближение его с Кошелевым, и, желая чем-нибудь повредить ему, послал на него в Иркутск донос, что будто бы он вместе с Кошелевым слишком свободно говорит о сибирском начальстве.

В декабре 1808 г. Шпер отправился в путешествие по полуострову для осмотра больных и по возвращении своем в январе 1809 г. в Нижнекамчатск сообщил Петровскому, что не встречается никакой возможности прекратить на полуострове венерическую болезнь до тех пор, пока все больные не будут собраны в одно место. При таких убеждениях, считая бесполезным оставаться долее в Камчатке, он выехал в Иркутск, послав при этом донесение министру внутренних дел, в котором, между прочим, писал, «что при тех условиях жизни, при которых находятся камчадалы, доктор в Камчатке из *всех бесполезнейших вещей есть самая бесполезная*, и особенно для венерической болезни. Большая часть жителей полуострова страдает цингою, язвами и чирьями, так что сифилис есть болезнь второстепенная. Чтобы приступить к лечению туземцев, необходимо иметь сухое помещение и здоровую пищу; но этих-то условий и лишены больные. Там нужен не доктор, а средства к удобной жизни. Имеющихся в Камчатке двух докторов очень достаточно, чтобы в случае надобности подать пособие камчадалам».

Но министр внутренних дел за самовольную отлучку Шпера из Камчатки назначил его на службу в Иркутск, и только в 1810 г. по особому ходатайству Трескина было разрешено ему поступить в действующую армию.

Хотя Шпер и не выполнил благих намерений правительства; но, тем не менее, принес большую пользу камчатскому краю своею служебною пере-

пискою с Трескиным, послужившею поводом к новым преобразованиям в Камчатке.

В одном из донесений своих к Трескину Шпер, между прочим, написал: «Когда-то в Камчатке считалось до 50 000 туземцев, а теперь едва наберется 1 500! Кто этому причиною? Русские, внесшие на полуостров разврат и всякого рода болезни. В особенности же увеличилась там смертность с прибытием батальона. В течение последних 8 лет умерла там по крайней мере пятая часть жителей. Кроме того, Камчатку превратили в страну ямщиков: беспрестанные посылки и переводы солдат, перевозка грузов и обозрения, которые чрезвычайно выгодны для обозревающих. Многие из офицеров и солдат имеют своих собак и разъезжают на них по полуострову для корыстных целей. Камчадалы безответны — провожают и кормят проезжающих на свой счет. Сколько ни запаси летом камчадал рыбы, все истратит зимою для прокормления чужих и своих собак, а весною голодует. Тогда начальство кричит — камчадал ленив и беспечен. А не думает того, что он отдает все, пока есть, да и не смеет поступить иначе, боясь побоев и наказания.

Для чего был приведен батальон в Камчатку? Если для усмирения жителей, то это лишнее, потому что загнанные и угнетенные камчадалы не в состоянии уже решиться на какую-либо отчаянную меру. Если для защиты гаваней, то бесполезно, потому что ни у одного солдата нет порядочного ружья, а гавани не имеют даже посредственных укреплений. Для того, отвечаем мы, чтобы истребить и жителей, и солдат!»

Донесение это подало Трескину мысль об упразднении камчатского батальона. В 1809 г. он вошел с представлением к Пестелю, в котором просил для блага жителей Камчатки и Якутского края, разоренного ежегодною транспортною провианта и разных батальонных грузов, вывести с полуострова бесполезные войска.

При представлении этом Трескин приложил следующую записку, заключающую в себе много интересных фактов.

«Назначение в Камчатку батальона сделано помимо иркутского губернатора после манифеста 1799 г., июля 15, по политическим видам. На содержание батальона, кроме находящихся в Камчатке 129 чел. казаков, в течение 10 лет употреблено 1 791 566 руб., не считая единовременных расходов. Но все эти затраты ничего не значат против того бедственного положения, до которого доведен теперь Якутский край. Еще до назначения в Камчатку батальона якуты чувствовали уже ощутительную тяжесть в доставке в Охотск провианта; но с прибытием батальона потребовалось ежегодно по несколько десятков тысяч лошадей, большая часть которых пала на дороге по недостатку кормов и изнурения по непроходимому пути. В одном 1808 г. пало у них до 10 000 лошадей. Разоренные якуты отказались от подрядов, и их стали наряжать для перевозки провианта силою, заставляя выполнять эту повинность и бедных, и богатых.

Прежние опыты хлебопашества в Камчатке, кажется, достаточно убедили правительство в его невозможности; но, несмотря на это, приступили к новым опытам, и в больших размерах, стоивших казне громадных расходов. Военная же команда отняла у камчадалов их первобытную простоту, свободу и спокойствие. Словом, край упал до того, что не скоро может поправиться».

В то же время возвратившийся из кругосветного плавания капитан Крузенштерн подал правительству мысль об уничтожении в Камчатке баталиона.

Пестель донесение Трескина препроводил к графу Аракчееву, который 12 ноября 1809 г. уведомил его, что дело это передано на рассмотрение комитета министров.

Прошел год, а вопрос этот все еще рассматривался в комитете министров. Все сомневались в доводах Трескина, что в Камчатке хлебопашество невозможно, тем более, что и посол наш в Японии Рязанов, посетивший Камчатку, доносил Государю, что страна эта чрезвычайно удобна для земледелия. «Камчатский полуостров, — писал он, — изобилует рыбою, дикими зверями и птицами. Скотоводство может быть здесь в больших размерах, потому что трава родится в человеческий рост. Хлебопашество при малейшем внимании могло бы иметь величайшие успехи. В Верхнекамчатске без удобрения полей хлеб родится сам 8-мь, ячмень сам 14-ть. Реки способствуют к сообщению. Лес очень хорош, особенно лиственничный. Необходимо только устранить недостаток соли, без которой камчадалы бедствуют и по недостатку ея квасят рыбу в ямах и едят березовую кору. Употребляя медную посуду без полуды, они подвержены разного рода болезням. В женщинах в Камчатке крайний недостаток, так что на 30 мужчин приходится одна женщина».

Наконец, в исходе 1810 г. Трескин вновь возбудил этот вопрос, и 11 января 1811 г. по Высочайшему повелению составлен был особый комитет под председательством Пестеля из следующих лиц: вице-адмирала Сарычева, капитана Крузенштерна, профессора Лангсдорфа и лейтенанта Гагемейстера. На обязанности этого комитета было возложено составить подробные соображения насчет преобразования управлений Камчатки и Охотского края, имея при том в виду, чтобы Петропавловский порт был сосредоточием наших приморских владений на Восточном океане. Кроме того, комитету поручено окончить свои заседания в течение трех недель. Комитет отрыл свои заседания 14 февраля и, по рассмотрении всех предложенных ему на обсуждение вопросов, составил новое положение о Камчатке, которое 9 апреля 1812 г. было Высочайше утверждено.

Положение это заключалось в нижеследующих 90 пунктах:

1) Всех нижних чинов и унтер-офицеров камчатского баталиона, роты в Удском остроге находящейся, команд: штатной, провиантской и комиссариатской, выслуживших узаконенный срок, уволить в отставку.

2) Уволенным таким образом нижним чинам и унтер-офицерам всех вышеупомянутых команд предоставить свободу или остаться в Камчатке на поселении, или возвратиться внутрь государства на место прежнего их жилища, либо куда пожелают.

3) Затем из не выслуживших узаконенные сроки унтер-офицеров и нижних чинов укомплектовать полагаемые §§ 12 и 25-м флотскую экипажную в Петропавловской гавани роту, также и казачьи команды, камчатскую и ижигинскую, какое потребует за пополнением сих последних команд казачьи детьми, к несению службы способными, что в особенности поручить будущему начальнику Камчатки, предписав ему наипаче избирать к тому, по возможности, людей, кои сами в Камчатке остаться пожелают, предпочтительно же сибирских уроженцев.

4) Тех за сим из не выслуживших узаконенного срока унтер-офицеров и нижних чинов, кои также изъявят желание поселиться в Камчатке, уволить равным образом в отставку; кои же не изъявят такового желания, оных, не увольняя от службы, вывести из Камчатки и предоставить по прибытии их в Иркутск тамошнему военному начальству сделать им распределение по его усмотрению.

5) Таким образом из нижних воинских чинов останутся в Камчатке те токмо, кои сами добровольно сего пожелают, с тем, чтобы вступить в звание поселян и упражняться в хлебопашестве. Новое сие сословие людей, приобретенное к поселенным уже прежде в Камчатке русским землепашцам, примет название государственных крестьян, и дети останутся при них, как дети всех прочих поселян.

6) Вследствие сего уничтожить находящееся в Камчатке военно-сиротское отделение, яко уже за таковым распоряжением ненужное.

7) В звание помянутых, вновь водворяемых в Камчатке поселян из воинских унтер-офицеров и нижних чинов, принимать предпочтительно женатых, и таковых, кои, женившись, обзавестись могут прочно хозяйством.

8) Всем унтер-офицерам и нижним чинам, которые в Камчатке поселены будут, отведа удобные для хлебопашества земли, доставить им сверх того от казны безвозвратно следующие единовременные пособия:

а) Раздать им имеющийся ныне в Камчатке казенный конный и рогатый скот, по рассмотрению будущего начальника Камчатки.

б) Им также раздать имеющиеся в Камчатке казенные землепахотные инструменты и принадлежащие к сему разные материалы, как-то: железо и прочее.

в) Семенной хлеб, как ведомства иркутской казенной экспедиции, так и состоящий при гарнизонном батальоне от тамошнего урожая, раздать им же по равным частям, а более по ближайшему рассмотрению будущего начальника Камчатки благонадежности людей, коим станет он отпускать хлеб сей.

Но поелику быть может, что хлеб от перевозки и долгого лежания попортится и к посеву окажется негодным, как то случилось в бытность там генерал-майора Кошелева, — то в пособие сим новым поселенцам купить оный у живущих близ Верхнекамчатска русских крестьян в деревнях Мильковой и Ключевской; а хлеб, ныне в Камчатке находящийся, употребить на что годен будет, по усмотрению начальника.

г) Дабы каждому из остающихся в Камчатке отставных унтер-офицеров и рядовых дать способы обзавестись и сделаться совершенным поселенином, освободить их всех на первые три года от всяких казенных податей и общественных повинностей; от рекрутства же оставить их, на основании Высочайше утвержденного в 1810 году мнения комитета министров, навсегда изъятыми.

9) По уничтожении таковых распоряжений, внушить поселенцам, что они, поступая в сей новый род состояния, относительно их продовольствия никаких других пособий от правительства ожидать более не могут, а обязаны приобретать нужное собственными своими трудами и стараться учреждать хозяйство свое сколь можно прочнейшим образом.

10) Отставных из выслуживших узаконенных лет нижних воинских чинов, которые в Камчатке поселены будут, если по прошествии двух лет не покажут они на деле никаких успехов в хозяйстве, обращать паки в службу для окончания выслуги узаконенного срока.

11) Для вящего поощрения камчатских поселян к хлебопашеству удостоверить их со стороны правительства, что хлеб, какой может оставаться у них за собственным их продовольствием, будет у них покупаем местным начальством по той самой цене, во что обходится казне хлеб привозный, с доставлением оного в Камчатку, и сверх того назначать награды тем из них, кои преимущественно пред другими поставят более хлеба, о каковых начальник Камчатки обязан представлять всякий раз на дальнейшее рассмотрение для назначения воздаяний, соответственных оказанным успехам.

12) За таковыми распоряжениями об упразднении камчатского баталиона, сформировать в Петропавловской гавани одну флотскую экипажную роту из 122 человек, коих заимствовать из мест и команд, в том же штате показанных, применяясь, впрочем, и к 3-му § сего положения, где между прочим сказано, чтоб на укомплектование учреждаемой флотской экипажной роты обратить способнейших из остающихся за реформу камчатского баталиона людей, узаконенного срока не выслуживших.

13) Роту сию комплектовать впредь детьми служащих в оной нижних чинов, 15 лет и более от роду имеющих, однако обращать на сие комплектование не иначе, как в случае только крайней необходимости.

14) Служба флотской экипажной роты состоять имеет более в содержании караулов при гавани, в защищении Петропавловской крепости и всей

Авачинской губы, в случае нужды, в плавании на судах и вообще в исправлении всех обязанностей по их званию.

15) Предыдущим § постановляется в числе обязанностей флотской экипажной роты защищение Петропавловской крепости и всей Авачинской губы. На сей конец в комплекте оной по штату между прочим 30 артиллеристов.

16) Артиллеристов сих заимствовать из артиллерийской ныне в Петропавловске состоящей команды, уволив из оной всех унтер-офицеров и солдат, узаконенные сроки выслуживших, и дополнив недостаток, буде какой от сего увольнения последует в артиллеристах, способнейшими из камчатского батальона людьми, срочных лет еще не выслужившими, на основании того же 3 § сего положения.

17) Всех нижних служителей флотской экипажной роты снабдить оружием, после расформирования камчатского батальона остаться имеющим.

18) Как по опытам известно, что обыкновенная солдатская или матросская амуниция в Камчатке неудобна, то впредь туда никакой амуниции не посылать, а для всех нижних чинов флотской экипажной роты в Петропавловской гавани покупать на счет казны свойственную тамошнему краю одежду.

19) Образ сей одежды, сроки употребления оной и прочия надобности предоставить учредить сообразно местным обстоятельствам будущему начальнику Камчатки и представить о том на усмотрение высшего начальства.

20) Жалование и прочее довольствие чинам, флотскую в Петропавловске роту составлять имеющим, производить, кроме ротного командира и лейтенанта, коим содержание на сей раз назначается по особому штату, все то же и на том же основании, как производится сие в Охотском флотском экипаже, исключая обмундирования, о коем выше §§ 18 и 19 сего положения делается особое постановление.

21) Детям нижних флотской роты служителей никакого довольствия не производить, доколе не вступят в действительную службу.

22) Из находящейся в Камчатке казачьей команды всех неспособных к службе по старости и болезням оставить на свободное жительство в Камчатке. Но как могут быть из них и теперь, и после такие, которые не в состоянии уже сами себе доставлять пропитание, то назначается им инвалидное содержание.

23) Число инвалидов полагается 15 человек.

24) Содержание им определяется на общем об инвалидах положении, не производя токмо амуниции, так как она и для служащих казаков по настоящему положению отменяется.

25) За сим из казачьей в Камчатке команды сформировать две команды особые, одну для Камчатки конную, а другую для Ижиги пешую, укомплектовать и сии команды согласно § 3 сего положения таким числом способных

из камчатского баталиона людей, какое потребуется за наполнением оных казачьими детьми, к исправлению службы годными.

26) Служба сих казаков ограничивается не сроками, а способностями к несению оной.

27) Служба сих казаков состоять имеет в содержании караулов при казенных местах, в рассылке по казенным надобностям, также с почтами и эстафетами, в охранении купеческих караванов и в прочих поручениях, какие по обстоятельствам возлагаемы на них будут.

28) Каждого казака, не имеющего собственного оружия, снабдить оным также из числа того, которое остаться может от расформирования камчатского баталиона.

29) Амуниции от казны не давать, а каждый должен иметь свое собственное одеяние.

30) Кроме жалования, в штате назначенного, производить каждому казаку от казны половинный солдатский паек провианта, а за другую половину вменяется прибавочное противу нынешнего жалование.

31) Касательно продовольствия детей казачьих поступать на основании том, как сказано о детях морских служителей в § 21 сего положения.

32) Из конной казачьей команды, в Камчатке состоять имеющей, 30 человек и 4 урядниками полагается для распределения по острогам; остальные же должны состоять при Петропавловской гавани. Впрочем, сие представляется ближайшему усмотрению на месте камчатского начальника.

33) Лошадьми команду сию снабдить из имеющегося в Камчатке казенного скота. Фураж для лошадей состоять должен в зимнее время только из одного сена, за неупотреблением в тамошних местах овса; летом же будут иметь подножный корм. А поелику езда на лошадях возможна в Камчатке только летом, то для зимней службы казаки должны иметь собак.

34) По прежнему порядку провиант и прочие потребности для продовольствия и снабжения в Камчатке и Ижиге воинских команд доставляемы были из Охотска. Доставку сию продолжают и ныне на прежнем основании, доколе землепашество в Камчатке не распространится до нарочитой степени, или пока не будут придуманы другие способы к снабжению сей отдаленной страны всеми нужными ей потребностями.

35) Хлеб в Камчатку доставлять мукою или зерном, как того главный начальник по соображениям его требовать будет.

36) Настоящее областное в Камчатке правление, яко слишком для края того обширное и многосложное, упразднив, поручить управление Камчатки особому начальнику на правилах, сколь можно простых и единообразных.

37) Пребывание начальника Камчатки назначается впредь в Петропавловской гавани.

38) По прежнему распорядку управление Ижиги зависело от начальствующего в Камчатке. Но как ныне по отдаленности его местопребывания, в Петропавловске назначаемого, встретились бы ему значущия неудобства в наблюдении за управлением ижигинскою округою, то по уважению сему, отделив оную от Камчатки, причислить к Охотской области, от коей уже зависеть имеют как комиссар, по штату для Ижиги полагаемый, так и все тамошние чиновники и казачья команда.

39) При начальнике Камчатки, коего управление органичивается таким образом одною сею областью, состоять имеют следующие чиновники: помощник начальника, секретарь, объездный комиссар, три писаря из урядников или казаков и их детей, два лекаря и три лекарских ученика.

40) Начальник Камчатки имеет определяем быть из морских чиновников, который, кроме познаний по морской части, должен иметь нужные способности для успешного управления столь отдаленной области.

41) Оный же начальник должен быть купно и ротный командир флотской экипажной роты, в Петропавловской гавани полагаемой.

42) Начальник Камчатки состоит под главным управлением сибирского генерал-губернатора, который снабдит его подробной инструкцией в отношении обязанностей, на нем лежать имеющих.

43) Главнейшие из сих обязанностей имеют состоять:

а) *По части хозяйственной* — в поправлении состояния жителей поощрением их к промышленности, тамошнему краю свойственной, к хлебопашеству и скотоводству, равно и в изыскании способов и источников к приращению по возможности доходов казны и к приумножению выгод тамошних жителей.

б) *По части полицейской* — в учреждении и сохранении во всем порядке, благоустройства, спокойствия, безопасности, как общей, так и частной, и в разбирательстве взаимных жалоб и дел между жителями Камчатки и приходящими в Петропавловский порт на купеческих судах рабочими людьми и их хозяевами.

44) Поелику по упразднении камчатского областного правления все дела, как по военной, так и по гражданской части, поступать имеют на рассмотрение начальника, то и решительное по ним исполнение должно исходить только от его лица.

45) В случаях особенной важности, или когда бы нужда представилась произвести дело вместе и о жителях Камчатки, и о нижних чинах тамошних воинских команд, учреждается особое присутствие из начальника Камчатки, его помощника, комиссара, когда сей не в отлучке, и из аудитора, коего должность исправляет, как по штату о флотской экипажной роте полагается, состоящий при оной клерк.

46) Присутствие сие, решая дела обыкновенные, не полагает никакого формального заключения по важным делам, а обязано учиненное им и всеми сведениями снабженное исследование представлять с мнением и замечаниями своими в иркутское губернское правительство, а сие рассылать подобные следственные дела по принадлежности в места, кои по роду участвующих в деле лиц имеют право на суждение.

47) Буде же встретится важное какое дело, отлагательства не терпящее: оное начальнику Камчатки решить с совету его офицеров, без предписания высшего начальства, по чрезвычайному отдалению коего не может он получать нужных разрешений в надлежаще время.

48) С преступниками из воинских команд поступать: 1) На основании конфирмованного в 8 день сентября 1803 г. доклада о новом образовании генерал-аудиториата. 2) На основании Высочайшего повеления, по докладу министра военных морских сил последовавшего, о праве охотскому начальнику наказывать нижних чинов; и 3) На основании такого же Высочайшего повеления, состоявшегося на доклад министра военных сухопутных сил об учреждении Кригсрехта, вместо положенных законом 7-ми судей, только из 3, по недостатку офицеров.

49) Штатные издержки производить начальнику на законном основании, не требуя на то разрешения. Сверх того, в непредвидимых и неотлагательных случаях употреблять ему, буде то для пользы казенной необходимо нужно, до 5 000 руб., донося всякий раз, сколько, на что и по каким важным и особенным причинам издержано.

50) Мемории из дневных своих журналов обязан начальник Камчатки посылать на рассмотрение в иркутское губернское правление.

51) Для производства дел назначается при нем канцелярия под именем канцелярии камчатского начальника, которая составлена быть имеет из секретаря и трех канцелярских служителей, по штату назначенных.

52) Начальнику Камчатки предоставляется учредить порядок производства дел, применяясь в сем случае сколько можно к тому, который существует в Охотске по Высочайше утвержденному 11 августа 1803 г. положению об управлении оным портом. Вообще он имеет состоять в тех же отношениях, как по части морского управления, так и по части гражданской, в коих поставлен и начальник Охотского порта.

53) Помощник начальника Камчатки полагается для успешного исправления дел, на его обязанности лежащих.

54) Помощник начальника Камчатки, быв также из морских чиновников, исправляет купно и должность лейтенанта в флотской экипажной роте.

55) Помощник начальника Камчатки должен исполнять все поручения, какие на него сим последним возлагаемы будут; в случае же отлучки по делам

службы, равным образом в случае болезни или смерти начальника, он занимает его место и управляет Камчаткою временно.

56) Начальнику Камчатки предоставляется в случае неотыскания надежного чиновника, в должность комиссара определять для исправления одной из казачьих урядников, известных по знанию канцелярского порядка и по хорошему поведению, с назначением таковому делопроизводителю жалования, по его усмотрению, из оклада секретарского, но не свыше половины онаго.

57) Чиновник сей имеет быть употребляем особенно для объездов по предписанию начальника Камчатки по местечкам и селениям одной, для надзора там за порядком и благоустройством, и вообще для исполнения поручений начальника.

58) Лекаря должны с достаточными практическими сведениями и опытностью соединять возможную готовность и усердие к облегчению страждущих болезнями. В отличную заслугу вменится им, если они обратят усилия свои на изыскание способов врачевания, камчатскому краю свойственных, и в особенности приложат попечение о введении между камчадалами прививания оспы, коея натуральные действия столь для них пагубны. Сверх того, обязанностью их будет объезжать попеременно остроги и селения Камчатки для посещения больных и подания им помощи.

59) Всем определенным в Камчатку чиновникам дать следующие выгоды: а) При определении в должность и отправлении в Камчатку производить в следующий чин и выдать прогонные деньги по сему чину и по расстоянию места, откуда кто следовать будет, а сверх того выдать половинное жалование не в зачет. б) При увольнении от службы в Камчатке по выслуге пятилетнего срока беспорочно и достаточными об успехах по службе удостоверениями снабдить прогонными деньгами до места, куда кто выехать пожелает, и сверх того выдать не в зачет половинное жалование. в) Ежели начальник положенный срок прослужит согласно с ожиданиями правительства; ежели учредит во всем порядок сообразно инструкции, какая дана ему будет, распространит промышленность, усилит хлебопашество и представит высшему начальству надлежащий отчет о всех успехах пятилетнего им управления, то сверх обыкновенных наград, какие он в продолжение пяти лет по общему порядку и правилам заслужить может, обратит половину назначенного ему жалования в пенсион по смерти. д) Ежели он, по убеждению начальства, пожелает еще остаться в Камчатке на другое пятилетие, то по окончании онаго с тою ж пользою для тамошнего края, обратит ему в пенсион по смерти полное жалование 2 800 рублей. е) Ежели помощник начальника в продолжении пятилетнего служения отличит себя своим поведением и усердием в исполнении возлагаемых на него поручений и приобретет совершенную доверенность начальства, то он, по удостоверению начальника, преимущественное

получает право заступить его место, в случае увольнения его от службы. Буде же вакансии таковой не случится, и он пожелает еще остаться в должности сей на другие пять лет, то по выслуге оных с равным отличием обратиться ему половинное жалование, то есть по 600 руб., в пенсион по смерть. f) Лекарям, сверх обыкновенных наград, на которые они будут иметь право в продолжение пятилетнего служения в Камчатке по успехам своим и по засвидетельствованию о том начальника, буде прослужат и другое затем пятилетие с успехом и пользою тамошнего края, обращать половинное жалование, то есть по 600 руб. в пенсион по смерть. g) Лекарским ученикам по успехам их в практике, по поведению и по выслуге с пользою для края 10 лет, обращать половинное жалование по смерть в пенсион по одобрению начальника. h) Секретаря при начальнике и объездного комиссара за беспорочную и с пользою для края выслугу в Камчатке десяти лет награждать согласно с предыдущею статьею. i) Сверх того, чтобы гражданским чиновникам доставить возможные способы к безнуждному содержанию себя в столь отдаленном крае, вместе с ежегодным заготовлением провианта для воинских команд доставлять в Петропавловскую крепость по 1 000 и особо в Ижигу по 500 пуд. ржаной муки на счет казны. Хлеб сей выпускать в продажу гражданским чиновникам за наличные деньги по распоряжению местного начальства и по числу семейства каждого; а в случае крайности продавать и жителям по той цене, по какой стоит он казне; безденежно же провианта никому, кроме воинских команд, не производить. k) Определенным по штату в Ижигу чиновникам сверх упомянутого хлебного вспоможения, назначают-ся все те же выгоды, какие предоставлены выше чиновникам в Камчатке.

60) Коменданта Камчатки генерал-майора Петровского отозвать, доставя ему нужное на проезд денежное пособие.

61) Всех чиновников, как гражданских, так и военных, без всякого исключения из Камчатки возвратить.

62) Распоряжение к возврату чиновников сих представить учинить будущему начальнику Камчатки на основании подробных наставлений, какие по сему предмету от сибирского генерал-губернатора даны ему будут.

63) На сем же основании предоставить начальнику Камчатки сделать все нужные распоряжения к доставлению в Охотск всех тех из нижних воинских чинов, кои по содержанию 2 § сего положения, выслужив законные сроки, пожелают возвратиться на прежние их жилища.

64) Сим нижним служителям, равно как и чиновникам, доставить от казны для возвращения их из Охотска и оттоль до Иркутска все те пособия, какие сибирский генерал-губернатор признает нужными; для чего и снабдит он своими предписаниями начальников Камчатки и Охотского порта, имея особенно в виду, чтобы при доставлении людей из Охотска в Иркутск якуты сколь можно более сохранены были от дальнейшего их разорения.

65) По прибытии чиновников в Иркутск воинские размещены быть должны по назначению военного министра, а гражданские определяются по усмотрению сибирского генерал-губернатора в губерниях сибирских.

66) Воинских нижних чинов и унтер-офицеров, кои не пожелают добровольно остаться в сибирских губерниях, отпустить из Иркутска на места прежнего их жительства, снабдя их надлежащими видами и кормовыми деньгами, полагая на каждого по 10 коп. в сутки...

67) В отвращение притязаний, какие нередко делают неблагонамеренные чиновники к камчадалам под разными видами, подтвердить строго, чтобы никто не касался внутренних распорядков их в селениях и острожках, кольми паче не привлекал бы их каким-либо наущениями к тяжбам и волоките; но чтобы они, оставаясь спокойно при правах своих и обычаях, разбирались в обыкновенных делах собственным судом своим и расправою по силе дарованных ясачным народам привилегий, многими указами подтвержденных.

68) Для облегчения камчадал в платеже ясака, который вносят они ныне к крайнему их расстройству и за умерших, число которых от свирепствовавшей между ними в последнее время заразной болезни возросло до чрезвычайности, сделать им перепись, и по сей переписи взимать ясак впредь только с наличного числа душ.

69) Недоимку, буде какая ныне при сборании ясака на камчадалах окажется, с них сложить, по примеру тому, как подобная недоимка и пред сим была Семилостевейше им отпущена.

70) Для вящего на будущее время облегчения камчадал от взноса излишнего за умерших ясака, всегда для них отяготительного, делать им перепись чрез каждые десять лет, буде в течение оных не случится общей по государству ревизии.

71) Поелику ясак по заведенному порядку взимается под распоряжением местного начальства по оценке присяжных ценовщиков, причем нередко вкрадываются злоупотребления, то будущему начальнику Камчатки обратиться ближайшее на предмет сей внимание, иметь прилежный надзор, чтобы и камчадалы, внося ясак натурою, не теряли ничего в ценах, и казна была бы в выигрыше, получая оный наиболее зверем, сколь можно лучшей доброты.

72) Чтобы камчадалам доставить тем более пособий к поправлению их состояния, казенный конный и рогатый скот, буде какой останется за раздачею онаго по § 8 сего положения новым поселенцам Камчатки, продать им по сходной цене; в вящее же поощрение их к скотоводству, тех, кои наиболее окажут в сем роде хозяйства успехов и прилежания, награждать деньгами из числа вырученных за проданный помянутый скот.

73) В отвращение недостатка, каковой камчадалы и вообще жители Камчатки терпят в соли, как для обыкновенного их продовольствия, так и для поселения разных хозяйственных запасов, рыбы и прочего, учредить в при-

морских, изобильных лесом, берегах Камчатки солеварения, по примеру находящейся близ Охотского порта, доколе обстоятельствам не представится удобнейших способов к продовольствию края сего солью.

74) Местному начальству употребить все усилия, чтобы продажные в Камчатке на соль цены сделались сколь можно менее для жителей обременительны. Соль продавать в Петропавловске, Нижнекамчатске и Ижиге.

75) Камчадалы, нуждаясь в порохе и свинце для отправления звериной промышленности, принуждены покупать оные чрезмерно дорогими ценами. В отвращение сего сделать распоряжение, чтобы потребное в годичную пропорцию для камчатских жителей количество пороху, по сделанному исчислению 205 пуд. составляющее, равно и нужное по соразмерности количество свинца, доставляемо было в Камчатку ежегодно для продажи по установленной от казны цене. Местами продажи сей назначить Петропавловскую гавань, Нижнекамчатск и Ижигу. Меру, по сколько продавать жителям сих припасов, назначит местное начальство.

76) За сим подтвердить запрещение на продажу в Камчатке звериной отравы под названием челибухи известной, яко ненужной, за установлением в продаже пороху для производства там звериного промысла, а при том могущей быть опасным средством в руках злонамеренного человека. Наконец

77) Под строгим взысканием запретить мелочным торговцам и купеческим прикащикам, разъезжающим по Камчатке, развозить в камчадалские селения горячие напитки, продажу коих производить исключительно казенным откупщикам в назначенных местах, и именно: в Петропавловской гавани, Нижнекамчатске и Ижиге. Таковому же запрещению подвергнуть фруктовые водки и всякого рода спиртовые напитки.

78) Поелику можно предполагать, что военное неприятельское судно, если бы оно с намерением или по случаю зашло к берегам камчатским, обратило нападение свое на Авачинскую губу и на близлежащие приморские места, то для отвращения сего принять нужные меры, а именно:

79) Умножить в Петропавловской гавани преимущественно и сколь возможно более воинскую команду сформированием в оной, как выше полагается, флотской экипажной роты и установлением особенной полицейской казачьей команды.

80) Укрепить сию гавань всей артиллерией, находящейся в Камчатке, как при баталионе, так и оставшеюся от потопшего судна «Слава России» и частью со шлюпа «Диана».

81) Сверх того, для защищения Авачинской губы, а равно для встречи и отвода имеющих приходить туда и отходить казенных транспортных судов, построить три легкие канонерские лодки или барказа и два четырехвесельные ялика. Постройку сию, по невозможности совершить оную в Петропавловской гавани, произвести в Охотске, откуда набор и обшивку упомянутых су-

дов, равно и потребные к тому железные укрепления, по изготовлению оных доставить на транспортных судах разобранными в Петропавловск, сделав при том нужные распоряжения об окончательной оных достройки на месте.

82) Отменив ход транспортных судов из Охотска в Нижнекамчатск, Большерецк и Тигильскую крепость, по неудобству и опасности пристаней сих мест, постановить, чтобы все транспорты с провиантом и другими для Камчатки потребностями, из Охотска отправляющиеся, приходили, кроме следующих в Ижигу, в одну Петропавловскую гавань.

83) Для складки провианта и других потребностей, какие на транспортных судах привозимы будут, возобновить имеющиеся в Петропавловске казенные магазины; для помещения же воинских команд построить казармы, госпиталь и прочее, буде то начальник Камчатки признает нужным и удобным по местным его соображениям.

84) Для нижнекамчатской команды, ежели она там по усмотрению начальника состоять будет, полагается закупать хлеб у живущих близ Верхнекамчатска поселян. Если же закупка сия окажется невозможною, то довольствоваться помянутую команду провиантом, из Охотска привозимым, доставляя оный из Петропавловска в Нижнекамчатск сухопутно. Таким же образом довольствоваться и прочие воинские команды, ежели оныя где, кроме Петропавловской гавани, находятся будут.

85) Как доставление морем вокруг Кап-Горна, или Мыса Доброй Надежды нужных потребностей не только для Камчатки и Ижиги, но и для самого Охотска обойдется по учиненным опытам и исчислениям несравненно дешевле (в 10 раз. — *Авт.*) сухопутного доставления чрез Якутск до Охотска, а оттуда морем до Камчатки, то когда восстановится по обстоятельствам безопасность мореплавания, отправлять из Кронштадта через каждые два года в Камчатку означенным путем транспортное судно со всеми нужными припасами, посылая при этом туда всякий раз и военный малый фрегат.

86) С отправлением судов сих учинить следующие главнейшие распоряжения:

а) чтобы они кроме доставления необходимых потребностей по назначению заходили на Сандвичевы острова и брали там соль для Камчатки и самого Охотска, так как она, по учиненным наблюдениям, может обходиться дешевле не только камчатской, но и охотской соли; б) чтобы морские офицеры, на них отправленные, старались приобретать опытность в искусстве мореплавания по обширным морям; в) чтобы камчатский начальник посылал военное судно на Курильские и Алеутские острова и в Америку для обозрения живущих там подвластных России народов и донесения правительству о состоянии сих народов и вообще всех американских заселений; д) чтобы военное судно употребляемо было сверх того для приведения в большее совершенство морских карт отдаленных тамошних мест и даже к самому от-

крытию при благоприятном случае новых островов; е) чтобы при открытии свободного плавания из Кронштадта в Камчатку суда, в Охотске находящиеся, переведены были в Петропавловскую гавань для развозки оттуда под управлением отряжаемой для сего из флотской роты команды в прочие тамошние места нужных потребностей, из Капштадта приход имеющих. Между тем ф) чтобы Охотский порт, не уничтожая онаго, уменьшен был в той мере, в какой существование его представляется необходимо нужным для доставления в Камчатку потребных припасов и других пособий, в такое токмо время, когда иным удобнейшим путем доставление сего производить по обстоятельствам будет невозможно; о чем министерство морских военных сил по сношению с сибирским генерал-губернатором не применит, учинив особенно надлежащее постановление, представить на утверждение по порядку.

87) Тауйский и Ямской остроги, по причине отчисления Ижиги к охотскому начальству, или снабдить малою казачьею командою, или завести там поселение, дабы посредством сего можно было иметь нужные сообщения между Ижигою и камчатским правлением, в Петропавловске ныне полагаемым.

88) При сих, так сказать, вещественных распоряжениях к улучшению состояния Камчатки и ее обитателей, нужно обратить внимание и на нравственность сих последних. Нравственность всего более назидается духовными особами, яко учителями веры и насадителями добра. Почему предоставить главному духовному правительству пещись всемерно иметь там всегда благонадежных священников из белого ли, или из монашеского духовенства, как то за удобное признано будет; о чем иркутскому духовному начальству учинить зависящие от него распоряжения по сношению с местными начальством гражданским, которое, наблюдая за личным и нравственным поведением священников, всякий раз, когда им что-либо предрассудительное замечено будет, не применит неукоснительно о том уведомить иркутское начальство.

89) Священникам, кои при введении сего новаго о Камчатке положения тамо оставлены будут, как и тем, кои впредь туда посылаться станут, пользоваться теми же выгодами, какие предоставляются начальнику оной, по силе 59 § сего положения, то есть: ежели они прослужат там пятилетний срок, согласно с ожиданиями правительства, учредят по части своей порядок сообразно наставлению, какое от духовного начальства дано им будет, и представлять в том отчет, подтвержденный местным начальством, в таком случае обращается им половина жалования в пенсион по смерти. Если же останутся они в Камчатке и на другое пятилетие и прослужат оное с равным отличием, тогда получают в пенсион полное жалование.

90) В Петропавловской гавани нужно построить церковь по неимению там оной. Преосвященный иркутский, составив общее с гражданским начальством надлежащие зданию сему планы и сметы, представит о том по порядку.

При этом были утверждены следующие штаты: 1) чиновников в Камчатке: начальник Камчатки (жалов. 2 800 р., столовых 1 200 р.), секретарь (750 р.), объездный комиссар (750 р.), писарей 2, лекарей 2, учеников их 3.

В Ижиге: комиссар, его помощник, два писаря, лекарь и ученик.

2) Военной команды: в Камчатке 1 сотник, 5 урядников и казаков 50; в Ижиге: сотников 2, урядников 3 и казаков 100.

Из числа ижигинской команды ежегодно в марте месяце положено высылать 60 человек казаков при купеческих караванах на чукотскую ярмарку между реками Пенжиною и Кузминой. Конным же казакам в зимнее время положено исправлять службу на собаках.

3) Флотской роты в Петропавловской гавани: ротный командир, он же помощник начальника, лейтенант 1, мичманов 2, строевых нижних чинов 97 и нестроевых 21.

Кроме того, на устройство Петропавловского порта было ассигновано по 5 000 р. в год.

С преобразованием гражданского управления в Камчатке было обращено внимание и на духовную часть. В 1812 г. состоялось распоряжение синода, чтобы в Нижнекамчатске, Верхнекамчатске, Тигиле, Большерецке и селениях Ключевском и Ичинском иметь по одному священнику с причтом, а в Петропавловской гавани и Охотском порте по протопопу, по 2 священника и по одному дьякону, и в Ижиге 2 священника.

Трескин по получении новых штатов составил инструкцию начальнику Камчатки, которую препроводил на рассмотрение к Пестелю. Пестель же от своего имени представил в государственный совет на утверждение. Но государственный совет 20 октября 1815 г. постановил: предоставить утвердить ее генерал-губернатору. И инструкция эта была единственным руководством начальникам Камчатки до самого перенесения Петропавловского порта в Николаевск.

Пестель по каким-то причинам не желал, чтобы камчатскими командами были флотские офицеры, и хотел утвердить в этой должности какого-то майора Федорова, о чем подал докладную записку Государю; но как ходатайство это противоречило новому положению, то оно и было оставлено без последствий.

Между тем Трескин, не получая в течение пяти месяцев никакого уведомления о назначении в Камчатку нового начальника, поручил временно исправлять эту должность Охотской флотилии лейтенанту Рудакову, которого рекомендовал ему начальник Охотского порта Миницкий, войдя вместе с тем с представлением к Пестелю об утверждении в этой должности капитана Рикорда.

23 января 1813 г. Рудаков принял должность от Петровского, и последний 13 июня выехал из Камчатки. Расформированием же баталиона занимался

полковник Сибиряков. В это время состояло в Камчатке: солдат 591, кантонистов 160, казаков 346, упраздненных команд нижних чинов 27, на инвалидном содержании 22, артиллеристов 42.

Рудакову было предписано предложить солдатам остаться на поселении в Камчатке, и тем, которые согласятся, раздать безденежно казенный скот и семенной хлеб, сколько потребуется, а остальной скот и хлеб продать (в это время было в Камчатке казенного скота: 200 голов рогатого и 40 лошадей. — *Авт.*).

Остаться на поселении согласились 50 человек. Часть солдат поступила на формирование Петропавловской морской роты, несколько человек зачислено в казачью команду, а остальные 130 человек были отправлены в Иркутск. На отправлении этих последних с 80 женами и 45 человеками детей израсходовано до 100 000 руб.!

Новые поселенцы, получившие от казны скот и хлеб, в тот же год продали и то, и другое, сделались тунеядцами, шляясь по миру, и занимались воровством. Рудаков хотел собрать их в одно место, чтобы удобнее было наблюдать за ними, но Трескин в видах поощрения их к труду вошел с представлением об освобождении поселенцев от платежа повинностей на 10 лет вместо прежде назначенных 3 лет. 29 ноября 1815 г. государственный совет утвердил это представление, но и эта мера не принесла большой пользы делу. При всех стараниях Рудакова и Рикорда только 16 человек обзавелись домохозяйством; 8 оказались неспособными за старостию и были уволены в отставку на собственное пропитание; 13 человек нищих Рудаков собрал в особое селение, а остальных определил на службу.

В видах обеспечения Камчатки продовольствием, 11 июля 1813 г. состоялось Высочайшее повеление, чтобы там постоянно был двухгодичный запас провианта.

V. 1816—1856 гг.

Иркутский губернатор Трескин, не получая никакого ответа на представление свое о назначении начальником Камчатки капитана Рикорда, которого не утверждали в этой должности по случаю отсутствия Государя за границу, вошел с новым по этому предмету ходатайством к Пестелю, который уведомил его, что назначение Рикорда состоялось в марте 1816 г.; помощником же к Рикорду был назначен капитан-лейтенант Голенищев. В мае 1817 г. Рикорд вступил в должность начальника Камчатки.

В первые годы его управления жителям Камчатки пришлось испытать новые бедствия, не зависевшие уже на этот раз от начальства. В 1816 и 1817 годах на всем полуострове было сильное разлитие рек, которым смыло множество домов и балаганов с имуществом камчадалов. Кроме того, в 1816, 1817, 1818 и 1820 годах был такой неулов рыбы, что если бы не энерги-

ческие распоряжения Рикорда, то дело не обошлось бы без большой смертности между камчадалами.

В течение всей навигации суда развозили по главным приморским пунктам казенный провиант, который раздавали камчадалам за весьма умеренную цену, и даже 1 500 пуд. роздано безденежно, так что казна понесла чрез это убытку более 20 000 рублей. Несмотря, однакоже, на эти потери, правительство одобрило распоряжения Рикорда, и по ходатайству его в 1818 г. асигновало, кроме того, для пособия камчадалам 10 000 руб., а 18 ноября 1818 г. состоялось Высочайшее повеление, чтобы и на будущее время при неуроке рыбы продавать инородцам хлеб по стоимости его казне с принятием на счет его расходов по доставке провианта из одного порта в другой. В обыкновенное же время разрешалось продавать провиант по действительной его стоимости. По распоряжению Рикорда провиант развозился по селениям зимою на собаках. У коряк были приобретены табуны оленей, которых распределяли по селениям, более нуждающимся в продовольствии.

В это же время появились на полуострове целые стада медведей, которые, нуждаясь в пище, бродили по селениям, съедали скот, собак, запасы рыбы, бросались на людей и даже истребляли друг друга. Подобного случая не было еще никогда в Камчатке, и жители полуострова в течение всей зимы 1816 и 1817 годов боялись выходить из жилищ невооруженными. С осени 1816 г. до весны 1817 г. убито одними туземцами до 5 000 медведей, да около Петропавловского порта нижними чинами 197 штук. Медведи заели 80 голов скота, 3-х человек и сильно искусили 9 человек.

К довершению этих бедствий в Петропавловской гавани появилась горячка. Слухи об этой болезни быстро распространились по полуострову, и камчадалы, помня *сомовское поветрие*, окончательно упали духом и бросили свои обычные занятия. Рикорд сам посетил почти все камчатские селения и личным своим присутствием и благоразумными распоряжениями восстановил везде порядок и предотвратил распространение болезни. Осмотрев хозяйство камчадалов, он раздал усерднейшим из них 12 серебряных медалей.

Рикорд входил в положение и нужды туземцев и, несмотря на их скрытность и запуганность, приобрел у них такое доверие и любовь, что они поведали ему самые задушевные тайны. Все нужды камчадалов были хорошо известны Рикорду еще до поступления в должность командира Камчатки, потому что он во время зимовки шлюпа «Диана» в Петропавловской гавани объехал почти весь полуостров.

При заботах своих о благосостоянии края он принимал деятельные меры к устройству на полуострове больниц. Вопрос этот был поднят еще Рудаковым, который представлял Трескину о необходимости устройства больниц в Петропавловской гавани и на Мильковских ключах. При этом Рудаков доносил Трескину, что на ключах больница уже заложена на сумму, пожертво-

ванную командою пришедшего в Камчатку кругом света корабля «Надежда». Но Трескин по каким-то причинам не уважил представления Рудакова, и постройка больницы была оставлена, несмотря на то что пожертвованной суммы оставалось еще налицо 3 247 руб. 60 коп.

Рикорд донес Пестелю, что по причине распространившейся между камчадалами венерической болезни, переходящей из рода в род, он нашел необходимым безотлагательно открыть две больницы: в Мильково и Тигиле, на 30 человек каждую. Для этой цели в 1818 г. было построено новое здание, а в Тигиле занят под больницу дом тамошнего начальника. В эти две больницы были собраны камчадалы, страдавшие венерическою болезнью, цингою и чирьями. Результаты этой меры были самые утешительные. Из больниц возвращались в свои селения камчадалы уже окончательно излечившиеся, а вместо них привозились новые больные. В 1819 г. правительство, усмотрев из отчетов Рикорда об успехе в пользовании туземцев, ассигновало 30 000 рублей на лучшее устройство больниц.

До Рикорда камчадалы лечились у знахарей-казаков киноварью, квасцами, ярью, купоросом, нашатырем и другими сильными средствами, щедро раздаваемыми местным купечеством. Камчадалы, видя благодетельные результаты пользования в госпиталях, перестали обращаться за пособием к шарлатанам и охотно шли в госпитали и за советом к медикам. С особенным уважением мы должны упомянуть здесь о лекаре Любарском, который в бытность свою в Камчатке посвятил себя исключительно для пользы камчадалов, съезжавшихся к нему за пособием со всего полуострова.

Получив от камчадалов жалобы на существовавший тогда порядок сбора ясака, стеснительный для них, Рикорд нашел необходимым установить по этому предмету новый порядок. До 1804 г. ясак собирали не с души, а по селениям, так что в некоторых селениях приходилось в год ясаку с каждого на сумму от 3 до 10 руб., а в других от 56 коп. до 3 руб. (соболь по казенным ценам стоил 2 руб., а лисица 1 руб. — *Авт.*). Но как после горячки, похитившей много камчадалов, нельзя было руководствоваться прежней переписью, произведенною еще в 1763 г., то 19-го марта 1803 г. состоялся Высочайший указ сенату, чтобы умерших камчадалов из оклада и платежа ясака исключить, сделав им новую перепись, а недоимки умерших сложить. По этому поводу приступили к 6-й народной переписи в Камчатке, которая продолжалась четыре года. В эту перепись были внесены в первый раз *апукские* и *хатырские* инородцы, в числе 166 человек, не платившие до того времени ясака. Но в 1813 г. Рудаков донес в Иркутск, что инородцы эти живут около морских берегов, переменяя весьма часто места своих жилищ, и потому нет никакой возможности следить за взносом ими ясака, тем более что по неимению у них собак и кормов трудно попасть в их жилища. На основании этого представления Рудакову было разрешено исключить их из оклада, предоста-

вив им платить ясак по их произволу. Из отчета о 6-й народной переписи в Камчатке, представленной в Иркутск, видно, что в 1795 г. в 65 селениях считалась 2 171 душа мужеского пола; с них собиралось ясаку по положению 1763 г. на 3 826 руб.; на содержание почтовых лошадей 564 р. 46 к. и на содержание судебных мест 390 р. 78 коп. (по указам 1797 г., декабря 18, и 1806 г., ноября 26. — *Авт.*). С 1795 г. по 1804 г. умерло одних ясашных плательщиков 986, осталось 1 685 душ. По ревизским же сказкам, собранным Рудаковым, оказалось ясашных плательщиков 1 713 человек, включая в это число курильцев и сидячих коряк.

Рикорд сделал новую, седьмую, перепись, по которой оказалось: всех камчадалов в 49 селениях 1 428 мужчин и 1 330 женщин; олюторцев в 7 селениях: 260 мужчин и 238 женщин, в том числе крещеных: мужчин 123, женщин 121. Сидячих коряк в 2 селениях не крещеных: мужчин 53, женщин 48; а всего инородцев 1 741 мужеского пола и 1 616 женского. Сверх того, курильцев 1-го, 4-го и 14-го островов 67 душ обоого пола.

По этой переписи русских было:

В Петропавловском порте, разного сословия	297 муж.	183 ж.
В Тигильской крепости	98 —	87 —
В Нижнекамчатске и Усть-Приморском острожке	113 —	132 —
В Верхнекамчатске	30 —	35 —
В Большерецке	34 —	34 —
В селении Мильковском	72 —	41 —
В селении Ключевском	106 —	96 —
В селении Ичинском	11 —	10 —
В селении Воровском	1 —	2 —
В селении Паратунском	25 —	11 —
В селении Авачинском	10 —	13 —
На Мильковских горячих ключах	4 —	1 —
А всего:	701 муж.	645 ж.

Из числа инородцев назначено Рикордом к платежу ясака только 945 человек, потому что 128 челов. камчадалов оказалось больных и престарелых, а 568 челов. — не достигших 17-летнего возраста. Рикорд распорядился, чтобы сбор ясака делали сами тоены и доставляли бы его в ближайшие остроги. Кроме того, по окончательном сборе ясака делалась ему оценка, и если оказывался излишек, то он продавался, а вырученные деньги употреблялись на покупку камчадалам пороху, свинца и провианта.

В 1799 г. горячка истребила все народонаселение между Петропавловской гаванью и Нижнекамчатском, так что некому было содержать на этом пространстве почтовую гоньбу. Коменданты распорядились поселить на этот тракт камчадалов с тигильского берега; но они не могли привыкнуть к новой местности и подвергались разным болезням. Рикорд переселил их на прежние места, а на тракт перевел крестьян, имевших домашние оседлости.

Отправляясь в Камчатку, Рикорд просил губернатора отправить с ним шесть человек ремесленников, в которых ощущался крайний недостаток в Камчатке. Трескин приказал назначить для этой цели 6 якутов и отправить их на счет остатков от ликвидационной суммы, а в 1820 г. по распоряжению Сперанского было отправлено в Камчатку еще 22 человека мастеровых, учителями в ремесленную школу, учрежденную по положению комитета министров 27 февраля 1807 г., согласно с представлением Рикорда. На содержание этой школы положено ежегодно отпускать по 2 075 руб. и кроме того ассигновать одновременно: на постройку для школы здания 5 000 руб. и на покупку необходимых инструментов 3 000 руб. Рикорд в 1818 г. открыл эту школу.

Набожный Рикорд постоянно заботился об устройстве церквей на полуострове и улучшении быта камчатского духовенства. По его ходатайству ассигновано было 6 000 руб. на постройку новых церквей в Ичинском и Мильковском селениях и 7 000 руб. — в Петропавловской гавани. Камчатское духовенство состояло тогда большею частью из людей невежественных и даже малограмотных. Рикорд представил Пестелю о необходимости устройства в Камчатке духовного училища, синод утвердил это ходатайство, и 18 апреля 1816 г. последовало Высочайшее повеление об учреждении в Петропавловской гавани духовного училища с ассигнованием 4 000 руб. одновременно и по 3 675 руб. ежегодно. В этом училище было положено иметь двух учителей и 25 учеников с распределением их на два класса. В первом классе было назначено преподавать: русский и славянский языки, чистописание и нотное пение, а во втором: арифметику, грамматику и закон Божий. Каждому ученику положено содержание по 100 руб. в год. Учителям же определено производить: одному из местных священников вдобавок к получаемому жалованию 150 руб. и другому, студенту семинарии, 500 руб. Училище подчинено было начальнику Камчатки.

Рикорд открыл это училище 14 октября 1820 г. в доме, пожертвованном Российско-Американской компанией, потому что назначенный для этой цели дом не был окончен еще постройкою. В училище это Рикорд поместил, кроме 25 учеников духовного звания, еще 10 воспитанников разного сословия.

По ходатайству Рикорда, синод 19 ноября 1822 г. разрешил перевести камчатское духовное правление из Нижнекамчатска в Петропавловскую гавань.

По случаю дороговизны муки в Камчатке, в 1810 г. было разрешено офицерским детям мужеского пола производить от казны провиант. По положению же 7 марта 1799 г. и 9 апреля 1812 г. производился провиант штаб-офицерам, на собственное лицо, а обер-офицерам вдвое. По ходатайству же Рикорда 2 марта 1820 г. право это распространено и на чиновников гражданского ведомства.

В Петербурге с большим участием принимались все предложения Рикорда на счет преобразований в Камчатке. И, наконец, чтобы не стеснять его

в денежном отношении, 5-го мая 1821 г. состоялось Высочайшее повеление об ежегодном ассигновании 5 000 руб. на постепенное возведение строений в Петропавловском порте, с тем, чтобы начальник Камчатки распределял эту сумму по своему усмотрению. Соблюдая благоразумную экономию, Рикорд на эти средства успел устроить все необходимые здания в Петропавловском порте и, насколько позволяли средства, укрепил его тремя батареями о 22-х, 10-ти и 5 орудиях, уничтожив имевшуюся до того времени одну батарею о 7 пушках.

До 1812 г. сношение чукчей с русскими ограничивались рекою Ангаркою (400 верст от Нижнеколымска), а с 1812 г. анюйской ярмаркою. С перенесением ярмарки на р. Анюй 55 человек чукоч приняли подданство России и обещались платить ежегодно ясак; но в течение 13 лет они не внесли и четвертой части причитавшегося с них ясака и, наконец, в 1825 г. объявили в Ижиге, что все принявшие подданство умерли. Чукчи снова жаловались в Ижиге на бесчестные поступки компанейского прикащика в Анадырском селении Воробьева, который постоянно их обманывал при продаже разных вещей, как, например: одному чукче за 104 красных лисицы, 9 сиводушек, 4 рыси и 6 выдр он заплатил только 1½ пуда табаку.

Для успокоения чукоч в 1814 г. был послан в анадырские селения ижигинский комиссар Пшеницын на 7 нартах с 14 казаками (путь его лежал на р. Ижигу через селения Паренское, Аптыльхутово и Шестаковское, потом через Русский хребет к месту прежнего Анадырского острога и, наконец, 35 верст вниз по Анадыру до селения. Обратнo же поехал он другим путем (оставив прежний путь вправо) через Майорскую сопку, на которой был убит Павлуцкий, два рукава р. Майна, и цепью высоких гор вышел на р. Пальцовую в Кузьмину, где встретил чукоч, пришедших для торговли. — *Авт.*)

В 1820 и 1821 гг. ижигинские оленные коряки в числе 339 душ перешли в Камчатку и поселились около Тигиля.

Рикорд постоянно заботился о привлечении в Камчатку иностранцев для торговли. Еще в 1815 г. прибыло в Петропавловскую гавань для исправления повреждений английское купеческое судно. Капитан этого судна продал жителям гавани 170 ведер рому и много пушных зверей. Управляющий Камчаткою капитан Рудаков по уходе этого судна вошел к Иркутскому губернатору с вопросом: следует ли починять в порту коммерческие иностранные суда и какую брать пошлину с привозимых на этих судах товаров? Представление это было передано на рассмотрение комитета министров, который 22 мая 1818 г. разрешил починять поврежденные суда в случае их прибытия в Камчатку (Высочайше утверждено 4 октября 1822 г. — *Авт.*). Но о пошлине Рудаков не получил никакого ответа и, вероятно, потому что в это время рассматривался вообще вопрос об иностранной торговле в наших приморских владениях в Восточном океане, возбужденный нижеследующими обстоятельствами.

В 1812 г. прибыли в Петропавловскую гавань два купеческих судна с разными товарами, принадлежащими гражданину Соединенных Штатов Добеллю. По продаже здесь части своего груза суда ушли в Охотск, где продали остальную груз. По этому поводу иркутский губернатор просил министра финансов указать ему законоположения, которыми бы он мог руководствоваться при торговле с иностранцами в наших приморских владениях. Министр финансов передал этот вопрос на рассмотрение комитета министров, сообщив при том комитету свое мнение, что иностранная торговля будет иметь самое благотворное влияние на этот отдаленный край, и потому признает со своей стороны необходимым Добеллю производить торговлю в Охотске и Камчатке, что вообще следует по возможности поощрять такой торг, и нижеследующий порядок: 1) все товары, мануфактурные и другие, как-то: платье, белье, бумажные материи, чай, кофе и проч. пропускать с той пошлиной, какая взыскивается по кяхтинскому тарифу; 2) все товары, служащие к необходимому жизненному продовольствию, и аптекарские материалы пропускать без всяких пошлин; 3) все товары, по кяхтинскому тарифу запрещенные к привозу, пропускать со взысканием 30 % с рубля. Мнение это 24 июля 1813 г. было утверждено комитетом министров.

В 1814 г. Добелль прибыл в Петербург с предложением открыть торговые сношения между Филиппинскими островами и северо-восточными берегами Сибири. Услуги, оказанные им Крузенштерну в Кантоне, были причиною, что предложение его было благосклонно принято в Петербурге, и для рассмотрения этого вопроса был составлен особый комитет, в котором между прочими лицами участвовали министр финансов и генерал-губернатор Пестель. Комитет признал предложение Добелля заслуживающим внимания, и Государь утвердил доклад комитета по этому предмету. Вслед за тем Добелль был назначен российским генеральным консулом на Филиппинских островах; но испанское правительство не согласилось на назначение его, а дозволило только Добеллю оставаться на Филиппинских островах для содействия торговли с Россией.

Между тем Добелль был пожалован в надворные советники и получил от нашего правительства предложение снабжать Камчатку жизненными потребностями и завести китовый промысел около камчатских и охотских берегов. Для этой цели он отправился в Сибирь сухим путем.

В то время, когда Добелль готовился к выполнению своих планов, в 1817 г. прибыло в Камчатку купеческое судно, принадлежащее англичанину Гордону, с разными товарами. Гордон предложил Рикорду завести постоянную торговлю между нашими приморскими владениями на Восточном океане и Ость-Индию. Рикорд представил и это предложение на рассмотрение министра финансов, приложив при том и ведомость всем товарам, доставленным Гордоном. Министр финансов, по рассмотрению этой ведомости на-

шел, что большая часть товаров Гордона состоит из предметов роскоши и значительного количества крепких напитков. Но как, по его мнению, подобного рода товары более вредны, чем полезны для жителей Камчатки, то он сообщил комитету министров о необходимости ограничить иностранную торговлю в этом крае известными условиями, запретить вывоз за границу мягкой рухляди, золота и серебра, монеты российского чекана, ассигнаций, огнестрельного оружия, судовых припасов и проч. Гордону же, во избежание убытков, предоставить продавать привезенные им товары с взысканием с некоторых из них казенных пошлин. Если же в 1818 г. придут в Охотск или Камчатку новые суда, то с привезенными на них товарами поступить также, как и с товарами Гордона. И правила, какие будут установлены по этому вопросу, привести в действие в 1819 г.

Комитет министров, согласившись с мнением министра финансов, испросил Высочайшее утверждение всех этих предположений с тем, однако же, условием, чтобы охотскому и камчатскому начальникам предоставлено было право по получении этих положений, если они окажутся неудобными, войти с особым по этому предмету представлением. Вслед за тем министр финансов сообщил генерал-губернатору, чтобы со всех товаров, привозимых в Камчатку из-за границы, кроме предметов продовольствия, взыскивалось пошлины, как равно и с вывозимых за границу. Кроме того, положил с приходящих и отходящих судов взыскивать как за отход, так и за приход в порт по 20 к. с каждого лафта (лафт — единица меры веса или объема груза. — *Ред.*).

В 1819 г. Добелль принял присягу на подданство России и, чтобы иметь законное право на торговлю, записался в купцы. Потом, вооружив на свой счет судно, отправился на нем в Манилу, откуда ездил в Макао. Во время его отсутствия из Манилы там возникло возмущение, во время которого Добелль лишился дома и всего своего имущества, стоившего до 60 000 руб. Но, несмотря, однакоже, и на эти потери, он нагрузил свой корабль разными товарами и отправился на нем в Камчатку.

В бытность его в Камчатке, Рикорд заключил с англичанином Пиготом и К^о нижеследующие условия на промысел китов около берегов Восточной Сибири: 1) промысел начать к 1 июня 1821 г., 2) производить промысел в течение 10 лет под русским флагом на собственных судах и собственными людьми, 3) в течение этих 10 лет пользоваться компании привилегией плавать в примыкающих к Восточной Сибири, 4) в течение этого времени Пигот обязан обучить 10 чел. русских китовому промыслу и, кроме того, платить за всякий пуд рыбы, если компания будет вывозить ее за границу, по 50 коп.

Заключая это условия, Рикорд имел в виду через 10 лет приручить камчатских жителей к китоловству и затем завести в Камчатке местный китовый промысел. К тому же он полагал, что китобойные суда под русским флагом будут внушать японцам уважение к нашей силе в тех морях.

Приступая к такому делу, Рикорд, конечно, знал, что из всех человеческих занятий на море ловля китов требует особой смелости и морской отваги, которая приобретается опытом. Промысел этот с давних времен был лучшим способом образования опытных матросов и мореходов. Поэтому мы видим в этом намерении одну прекрасную цель — ознакомить прибрежных жителей с мореплаванием. Но Российско-Американская К^о по понятным причинам вмешалась в это полезное для края предприятие и представила правительству свое заключение, что в предложении англичан кроется задняя мысль, и что в деле этом страдает интерес компании и камчатских купцов.

Вопрос этот был передан на рассмотрение особого комитета, состоявшего из министров внутренних дел, финансов, иностранных дел и статс-секретаря графа Каподистрия. Комитет положил: контракт Рикорда с Пиготом считать недействительным, а предоставить китовый промысел Российско-Американской К^о. Кроме того, в этом же комитете по ходатайству компании было постановлено:

1) Всем иностранным купеческим судам вовсе запретить торговлю в наших приморских владениях Сибири и даже не приходить в порты Восточной Сибири, за исключением несчастных случаев.

2) Запретить иностранцам записываться в гильдии купечества и селиться в Камчатке и Охотске.

3) Объявить комиссионерам Добелля, что им запрещается пребывание в тех местах, с предоставлением льготы на несколько лет по усмотрению местного начальства, как для продажи своего имущества, так и для выезда.

4) Ожидаемое с Филиппинских островов судно Добелля принять в Камчатке и дозволить продать товары, объявив ему, чтоб впредь не привозил уже туда своих товаров.

Положение это 31 марта 1820 г. было Высочайше утверждено и получено в Камчатке 29 октября.

Судно Добелля прибыло в Камчатку в июле 1821 г. под португальским флагом (в это время в Макао никто не мог торговать, кроме португальцев. — *Авт.*). Жители Камчатки наперебой раскупали его товары, потому что им никогда не приходилось даже и слышать о таких незначительных ценах, по которым Добелль продавал свои товары. Например, пуд крупчатой муки стоил у него 8 р. 50 к., тогда как ржаная обходилась с доставкой в Камчатку по 14 руб. за пуд; соль продавалась по 2 р. 50 к. за пуд, когда казенная продавалась по 19 руб. Подобные цены были и на другие товары. Факт этот красноречивее всяких убеждений мог указать на пользу для камчатских жителей иностранной торговли; но местный монополист — Российско-Американская Компания — видела в этом страшное зло не только для Камчатки, но даже и для всей России.

Помешав таким образом русским поданным принимать хотя и относительное участие в китовом промысле и не умея взяться за это предприятие, компания предоставила воспользоваться богатствами Охотского и Берингова морей иностранцам, приняв таким образом на себя огромную нравственную ответственность перед всею Россиею... Но об этом важном предмете мы будем говорить еще раз в свое время, теперь же к этому добавим, что компания приняла было на себя доставку провианта в Камчатку, но на другой же год отказалась, потому что в деле этом нельзя было нажить ей рубль на рубль!

В это же время, и именно 15 августа 1820 г., прибыло в Камчатку с Сандвичевых островов от тамошнего короля судно с солью под управлением англичанина, давно поселившегося на островах. Обстоятельство это послужило поводом к сношению Рикорда с королем Тамеамае II. Рикорд от 5 сентября написал к нему письмо, которым просил короля установить торговые сношения с Камчаткой, присылая ежегодно соль и вывозя взамен ея лес и рыбу. При этом Рикорд послал королю в подарок: серебряную медаль с изображением Государя, несколько хрустальной посуды, две фарфоровые вазы, пару оленей и молодого выученного медведя. Привезенная же соль в количестве 2 000 пудов была принята в казну с уплатой за нее разными товарами, привезенными Добеллем.

По отправлении этого судна, Рикорд получил вышеприведенное положение комитета, противоречившее всем его предположениям. Не желая лишить жителей Камчатки всех выгод, приобретаемых ими от иностранной торговли, он решился еще раз войти по этому предмету с представлением, рассчитывая на просвещенное содействие в этом деле преобразователя Сибири Сперанского, которому Рикорд представил все причины, заставившие его так настойчиво хлопотать об иностранной торговле. Сперанский с большим участием взялся за это дело и обо всем этом донес лично Государю, испрашивая при том разрешения на следующие вопросы Рикорда:

- 1) Дозволить ли Добеллю поставку в 1822 г. 25 000 пуд. муки по 8 р. 50 к.?
- 2) Продолжать ли ему и на будущее время доставку жизненных припасов в Камчатку?
- 3) Разрешить ли ему употреблять португальский флаг?
- 4) Принимать ли соль с Садвичевых островов?

23 декабря 1821 г. Государь собственноручно написал по этому делу следующее решение: по первому пункту — *Дозволить*; по второму: *Продолжать на судах, принадлежащих Добеллю или всякому другому русскому подданному, о чем Рикорду войти в условие с Добеллем*; по третьему: *Употребление португальского флага на судах Добелля дозволить единственно при входе в порт Макао; допущения же португальских судов в Камчатку не разрешать*; по четвертому: *Принимать и суда, принадлежащие и Сандвичевым островам.*

Эта Высочайшая воля была сообщена в Иркутск с фельдъегерем, а в Камчатку с особым курьером.

Благодетельнейшая эта мера значительно удешевила ценность на все жизненные потребности в Камчатке. Российско-Американская К^о сперва поддержала там свою торговлю, хотя и без прежних выгод; но впоследствии вовсе ее прекратила, благодаря иностранной конкуренции.

После того Добелль подал новый проект насчет китового промысла. Он предлагал купить в Северной Америке два судна, нанять до 30 человек американских китопромышленников и к ним прибавить потребное число русских матросов и с этими средствами начать китовый промысел возле Курильских островов, имея главный складочный пункт на мысе Лопатка. По представлении этого проекта Сперанским Государю, он передан был 5 июня 1822 г. на рассмотрение тарифного комитета, который оставил этот вопрос до прибытия в Петербург Рикорда, просившего об увольнении его от должности начальника Камчатки. Но впоследствии дело это было забыто.

Добелль торговал и в Охотске, но там он понес большие убытки. Охотский начальник Ушинский, получив первое распоряжение об иностранной торговле, конфисковал все предметы роскоши, бывшие у Добелля в продаже, остальные же товары опечатал и выдал их обратно только через три года, когда они все от долгого лежания в сырых магазинах испортились, так что за все товары, стоившие до 120 000 руб., Добелль едва выручил до 50 000 руб., в том числе пропало у него за должниками 18 000 руб.

В 1829 г. Добелль просил министра финансов вознаградить его за понесенные убытки; но как из Охотска не могли дать точных сведений о потерях Добелля, то просьба его оставлена была без всякого удовлетворения.

Кончая обзор камчатских событий во время управления Камчаткою Рикорда, мы считаем необходимым упомянуть здесь о посетивших в этот период времени Петропавловскую гавань русских кругосветных судах и действиях их в Северном и Восточном океанах.

Вопрос об открытии пути через Северный полярный океан издавна занимал все морские державы. Русские сделали первую попытку в этом деле в 1765 и 1766 годах; но предприятие это не осуществилось (экспедиция Чичагова. — *Авт.*) и только в 1815 г. по мысли графа Румянцова и на его средства был снаряжен в Кронштадте для этой цели бриг «Рюрик» под командою капитан-лейтенанта Коцебу. 13 июля 1815 г. Коцебу вышел из Кронштадта, а 13 июня 1816 г. прибыл в Петропавловскую гавань. Выйдя отсюда 15 июня и следуя около берега Америки, он открыл небольшую бухту Шишмарева с островом Сарычева и залив Коцебу. Перейдя потом к восточному мысу Азии и следуя вдоль берега на юг, зашел в залив Св. Лаврентия и оттуда на Сандвичевы острова. 10 июля 1817 г. Коцебу прибыл снова к острову Св. Лаврентия, намереваясь идти отсюда для новых открытий в Полярном

море; но по причине своей болезни принужден был отказаться от этого предприятия и предпринять обратное путешествие в Кронштадт (путешествие на корабле «Рюрик», СПб., 1821—1818 гг. — *Авт.*).

Бриг «Рюрик» не успел еще возвратиться в Кронштадт, как 16 августа 1817 г. был послан в кругосветное плавание шлюп «Камчатка» под командой капитана 2-го ранга Головнина. В инструкции Головнину, между прочим, предписывалось: 1) доставить разные грузы в Камчатку; 2) обревизовать колонии Российско-Американской К^о и 3) определить географическое положение и сделать съемку тем местам в русских владениях на севере Великого океана, которые еще не были в точности исследованы. Шлюп «Камчатка» прибыл в Петропавловскую гавань 3 мая 1818 г. Сдав здесь груз, шлюп отправился к Командорским островам и, определив их положение, пошел к о-ву Кадьяку. Окончив здесь свои поручения и составив карту Чиниатского залива, Головнин посетил Новоархангельск и порт Монтерей и оттуда ушел обратно в Кронштадт.

31 июля 1819 г. были отправлены из Кронштадта для географических исследований в Северном полярном море шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный»; первый под командою капитана Васильева, а второй — капитана Шишмарева. Шлюп «Благонамеренный» отправился на Уналашку за толмачом для языка северных американцев и прибыл туда 8 июня 1820 г., а шлюп «Открытие» пошел прямо в Петропавловскую гавань, куда и прибыл 4 июня 1820 г.

В конце июня шлюп «Открытие» вышел из Петропавловской гавани и 16-го прибыл в залив Коцебу, где и соединился со шлюпом «Благонамеренный». 18 июля оба шлюпа вышли в море и, следуя вдоль американского берега к северу, 29-го достигли до широты $71^{\circ}6' N$, где встретили льды и потому взяли курс к югу и осмотрели острова: Св. Лаврентия, Павла, Георгия и Уналашку. Прозимовав в порте Франциско, 26 июня «Благонамеренный» отправился для исследования берегов Азии к северу от Берингова пролива, а «Открытие» — для осмотра северного побережья Америки. Кроме того, капитан Васильев послал небольшой бот, построенный в Ситхе, под командою капитан-лейтенанта Авинова для съемки берега между мысами Невенгамом и Дерби. Капитан Васильев, дойдя до шир. $70^{\circ}40' N$, вернулся в Петропавловскую гавань, где нашел бот, выполнивший только часть предназначенных ему работ по дурному качеству судна и болезни команды. Капитан же Шишмарев описал северный берег острова Св. Лаврентия и пошел далее к северу, но, встречая постоянно льды, принужден был вернуться в Петропавловскую гавань. Осенью 1821 г. оба шлюпа отправились обратно в Кронштадт.

Экспедиции этой мы обязаны исследованием части берегов Америки от мыса Невенгама до Нортонова залива и от мыса Лисбуерна до мыса Ледяного, а также и северо-восточной части Азиатского берега до мыса Сердце-Камень.

Командиры этих судов по возвращении из кругосветного плавания довели до сведения правительства, что в последнее время иностранные суда весьма часто стали посещать наши колонии на Восточном океане, производя торговлю с туземцами разными мелочными товарами и хмельными напитками в ущерб торговле русских подданных.

Чтобы положить предел подобным действиям иностранных судов, правительство нашло необходимым составить на этот предмет особые правила, которые 4 сентября 1821 г. были Высочайше утверждены. Содержание этих правил в главных чертах заключалось в следующем:

1) производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах, заливах и вообще по всему северо-западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51° *N* широты, также на островах Алеутских, по Восточному берегу Сибири и по островам Курильским, то есть начиная от того же Берингова пролива до южного мыса о-ва Уруп и именно до 45°50' северной широты, предоставлено в пользование единственно российских подданных.

2) Воспрещено всякому иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, в предыдущей статье означенным, но и приближаться к ним на расстояние менее 100 итальянских миль (итальянская миля равна 1 867 м. — *Ред.*). Нарушающий это запрещение подвергается конфискации со всем грузом.

3) Из этого правила исключаются суда: или бурю занесены, или пришедшие к берегам за недостатком съестных припасов и корабли дружественных держав, пришедшие для ученых целей, причем суда эти должны иметь паспорта от российского морского министерства.

Для охранения же наших прибрежных жителей от грабительства и насилий команд китобойных судов и вообще для наблюдения за исполнением Высочайше утвержденных правил был послан в 1821 г. из Кронштадта военный шлюп «Аполлон» и вместе с ним для доставления грузов в Камчатку бриг «Аякс». Начальство над этим отрядом было вверено командиру шлюпа капитану 1-го ранга Тулубьеву, а командиром шлюпа был назначен лейтенант Филатов. 28 сентября оба судна вышли из Кронштадта, но в Скагерাকে во время шторма разлучились. На пути к мысу Доброй Надежды Тулубьев умер, и команду над шлюпом принял лейтенант Хрущев. 15 августа 1822 г. шлюп прибыл в Камчатку, где, сдав отправленные на нем грузы из Кронштадта, ушел в колонии для занятия своего поста. Бриг же «Аякс» потерпел крушение у голландских берегов и в 1822 г., по исправлении, возвратился в Кронштадт.

В 1822 г. был послан на смену шлюпу «Аполлон» фрегат «Крейсер» и с ним 20-пушечный шлюп «Ладога» для доставления грузов в Камчатку. Первым командовал капитан 2-го ранга Лазарев 1-й, а вторым командовал Лазарев 2-й. 17 августа отряд вышел из Кронштадта, и фрегат прибыл в Новоархангельск 3 сентября, где и оставался до 1824 г., когда был сменен шлюпом

«Предприятие». Шлюп же «Ладога» 10 сентября 1823 г. прибыл в Петропавловскую гавань, где, сдав груз, отправился в Ситху и оттуда вместе с фрегатом обратно в Кронштадт.

28 июля 1823 г. вышел из Кронштадта в кругосветное плавание шлюп «Предприятие» под командою капитана Коцебу и 8 июня 1824 г. прибыл в Петропавловскую гавань. Сдав здесь груз, он отправился в Ситху на смену фрегата «Крейсер», но по случаю заключения конвенции с Соединенными Штатами дальнейшее его пребывание в колониях было бесполезно, и потому шлюп 11 августа 1825 г. отправился обратно в Кронштадт.

Между тем Рикорд, по прослужении в Камчатке 5 лет, был переведен по собственному желанию в Балтийский флот, и вместо него назначен капитан 2-го ранга Станицкий, который прибыл в Камчатку 18 сентября 1822 г. и в ноябре принял должность от Рикорда. Последний же выехал в Охотск сухим путем и прибыл туда 28 февраля 1823 года.

Станицкому Высочайшим указом повелено было: «При управлении Камчаткою соображаться правилами флота капитана Рикорда и воздерживаться от всяких перемен».

В 1826 г., 18 июня, посетил Петропавловскую гавань английский военный шлюп *Blossom* под командою капитана Бичи. Налившись водою, шлюп 24 июня ушел для ученых изысканий к Беринговому проливу и на другой год, 22 июня 1827 г., снова заходил в Петропавловскую гавань.

Станицкий, будучи ограничен в своих действиях Высочайшим повелением и приняв управление от такого деятеля, который предусмотрел все нужды края, не предпринимал никаких нововведений, за исключением разве постройки новой церкви в Петропавловской гавани и наложения на иностранные товары пошлин: в пользу городов по 2 к., карантинных по 2 к. и в капитал коммерц-коллегии по 1 коп. с рубля. И хотя управление Камчаткою Станицкого прошло бесследно, но, тем не менее, он был из числа лучших начальников. Его честность, правдивость и постоянная забота о нуждах инородцев и своих подчиненных не могут быть обойдены молчанием.

В одно время с назначением Станицкого на Камчатку, 22 июля 1822 г., было Высочайше утверждено новое положение об управлении Сибирью, составленное Сперанским, по которому Сибирь разделена на Восточную и Западную. В состав Восточной Сибири вошли губернии: Иркутская, Енисейская, область Якутская, приморские управления: Охотское и Камчатское, пограничное управление Троицкосавское. Ижигинский край причислен был к Охотскому управлению.

На место Станицкого 6 декабря 1826 г. был назначен бывший помощник Рикорда капитан 2-го ранга Голенищев, который принял должность 28 сентября 1828 г. Голенищеву, первому из камчатских начальников, было предоставлено в 1828 г. право по делам гражданского управления особой важности

сноситься прямо с министром внутренних дел, помимо главного сибирского начальства.

В бытность свою в Петербурге он просил министра внутренних дел снабдить его инструкцией. По этому поводу сибирский комитет 24 января 1828 г. постановил предоставить капитану Голенищеву собрать на месте все правила для управления Камчаткою, изданные в разное время, и из них составить общий наказ тамошнему управлению. Голенищев впоследствии выполнил этот тяжелый труд; но о судьбе его ничего не известно, и камчатские командиры по-прежнему руководствовались инструкцией Трескина.

Голенищев, будучи хорошо знаком с камчатским краем, еще в 1827 г. писал из Петербурга генерал-губернатору Ловинскому, что для улучшения быта камчадалов необходимо освободить их от почтовой гоньбы, отвлекающей их от звероловства и, кроме того, предлагал всех камчадалов, живших по р. Камчатке, перевести на восточный берег полуострова, где жили они прежде. «Ибо, — писал он, — в случае неулова рыбы в реке, как было это в 1818 и 1819 годах, они, живя при море, могли бы иметь морских зверей, мясо и жир, которых камчадалы едят охотно. А по реке Камчатке заселить крестьян, которые могли бы заняться скотоводством, а если возможно, то и хлебопашеством». Для большего заселения края он предлагал предоставить отставным чиновникам селиться в Камчатке с выдачей пожизненной пенсии и небольшого вспомоществования на обустройство.

5 (17) апреля 1824 г. была заключена конвенция с правительством САСШ, IV пунктом которой дозволялось кораблям обоих держав в течение 10 лет заходить без малейшего стеснения во все внутренние моря, заливы, гавани и бухты, находящиеся в пределах обоих государств, для производства рыбной ловли и торговли с туземными жителями. А 16 февраля 1825 г. была заключена конвенция с Англиею о границах обоюдных владений в Америке, торговле и мореплавании в Тихом океане.

В течение всех 10 лет иностранные китобойные суда, пользуясь данным им правом посещать наши берега, делали в прибрежных селениях безнаказанно всякого рода бесчинства. Голенищев неоднократно доносил об этом главному сибирскому начальству. Наконец в 1834 г. по истечении 10-летнего срока министерство иностранных дел обратилось к правительству Соединенных Штатов с просьбою о запрещении американским судам заходить во внутренние наши моря и заливы. Правительство Соединенных Штатов обнародовало об этом во всех своих официальных газетах. Но мера эта не принесла никакой пользы, так что Российско-Американская К^о в 1845 г. для охранения своих прав исходатайствовала Высочайшее разрешение об учреждении крейсерства в морях, прилежащих к ее колониям, о чем сообщено было и правительству Соединенных Штатов.

Военные же наши суда в это время не посылались уже для крейсерства. Отправленному из Кронштадта 17 сентября 1824 г. в кругосветное плавание шлюпу «Мирный» под командою капитан-лейтенанта Дохтурова поручалась только доставка разных грузов в Петропавловский порт. Но шлюп этот, получив повреждение в море, возвратился в Кронштадт.

23 августа 1825 г. с тою же целью был послан из Кронштадта в Камчатку военный транспорт «Кроткий» под командою капитан-лейтенанта Врангеля. 11 июня 1826 г. он прибыл в Петропавловскую гавань и по сдаче здесь грузов отправился обратно в Кронштадт.

Наконец 20 августа 1826 г. были отправлены из Кронштадта в кругосветное плавание еще два судна — шлюпы «Моллер» и «Сенявин». Кроме доставки грузов в Камчатку им поручено было сделать обозрение и съемку северо-восточных берегов Азии и северо-западных Америки и исследовать часть Великого океана, лежащую между этими берегами. Первым из этих судов командовал капитан-лейтенант Станюкович, а вторым — капитан 1-го ранга Литке. Шлюп «Моллер» 13 июля 1827 г. прибыл в Петропавловский порт. Сдав здесь грузы, капитан Станюкович отправился к описи Алеутских островов, потом посетил Новоархангельск, Сандвичевы острова и 11 апреля 1828 г. возвратился в Петропавловскую гавань. 27 апреля 1828 г. он снова отправился для описи Алеутских островов и 3 августа пошел в Камчатку. Через месяц прибыл сюда капитан Литке, и 30-го октября оба шлюпа оставили берега Камчатки.

В инструкции, данной капитану Литке от государственного адмиралтейского департамента, предписывалось заняться исследованием берегов Чукотской земли и полуострова Камчатки; сделать съемку северных и южных берегов Охотского моря и южных берегов Охотского моря с Шантарскими островами.

12 июня 1827 г. капитан Литке прибыл в Новоархангельск и 19-го отправился для выполнения инструкции, зайдя на пути к острову Уналашке за байдарою с алеутами. С 26 августа по 1 сентября занимался съемкою о-ва Св. Матвея и потом отправился в Петропавловский порт, куда и прибыл 19 сентября. Сдав здесь грузы, 19 октября капитан Литке вышел в море для описи Каролинского архипелага и 28-го мая 1828 г. возвратился в Петропавловский порт, откуда вышел 15 июня, взяв курс к Берингову проливу. Следуя вдоль камчатского берега, определил все главнейшия на нем пункты от Авачи до острова Карагинского и 16 июля прибыл в губу Св. Лаврентия. Следуя отсюда вдоль берега к югу, капитан Литке осмотрел устье Мечигменской губы и 28 июля открыл пролив Сенявина. До 6 августа занимались съемкою этого пролива с островами; потом осматривали берега далее к югу; 10-го вышли в Анадырское море и 16-го остановились в заливе Св. Креста. Съемка этого обширного залива потребовала много времени. По выходе из залива

капитан Литке определил мысы Св. Фаддея и Олюторский и 23 сентября прибыл в Петропавловский порт и оттуда [отправился] в Кронштадт.

По ходатайству Голенищева был отправлен в Камчатку кругом света садовник Ридель чтобы ознакомить камчадалов с огородничеством, садоводством и вообще разведением полезных растений, с обязательством обучить несколько человек туземных жителей садоводству и сделать описание тамошней флоры. В помощь ему были назначены два воспитанника московской земледельческой школы, пожалованные в коллежские регистраторы. При этом было ассигновано: на заведение в Камчатке сада и содержание садовника 3 840 руб.; на разъезды садовника по Камчатке 800 руб. и, кроме того, министр внутренних дел разрешил Голенищеву употреблять на непредвиденные расходы из экстраординарной суммы по 1 000 руб. в год. Для сельскохозяйственных же расходов было послано из Якутска в Камчатку через Ижигу 50 лошадей, доставка которых обошлась казне в 7 500 руб. Ридель прибыл в Камчатку в июле 1829 г. и с особенным усердием принялся за дело. Но постоянная болезнь мешала ему лично наблюдать за успехами огородничества, а потому и труды его не принесли большой пользы краю. Наконец в июне 1833 г. Ридель умер (Ридель после смерти оставил полную коллекцию камчатской флоры, которая попала в руки невежд и была брошена. — *Авт.*). Голенищев, желая и без него поддерживать земледелие и огородничество, составил сельскохозяйственную компанию на акциях. Всех акций было роздано на 5 700 руб. Устав компании 18 августа 1831 г. был Высочайше утвержден. Главнейшие его пункты заключались в следующем:

1) Дозволяется компании в течение 20 лет занимать удобные земли, никем еще не занятые.

2) Через 20 лет предоставляется уступить занятые места кому угодно.

3) Поселить в Камчатке на счет казны 15 семейств хлебопашцев.

Компания начала свои опыты на р. Аваче и по р. Камчатке. Императорское московское общество сельского хозяйства, несмотря на то, что Рикорд сообщил ему, что земледелие в Камчатке невозможно по климатическим условиям, ассигновало от себя на это предприятие по 1 000 руб. в год. Но опыты хлебопашества были неудачны: 22 августа иней повредил яровой хлеб, а стебли ячменя упали, подточенные мышами. Компания утешала себя мыслью, что это случайность; но последующие опыты привели ее к тем же результатам. Наконец в 1835 г. начальник Камчатки Шахов донес генерал-губернатору, что компания, кроме неудачных опытов, не принесла никакой пользы краю. Но вольноэкономическое общество в видах поощрения земледелия на Камчатке в 1837 г. назначило директору компании купцу Колмакову золотую медаль и тем компаньонам серебряные. Несмотря, однакоже, и на это поощрение, акционеры определили прекратить действие компании, и 12 ноября 1840 года Высочайше повелено упразднить эту компанию.

Оставшийся же капитал компании в количестве 1 483 р. был пожертвован на устройство в Камчатке учебного заведения по сельскому хозяйству.

Голенищев исходатайствовал о сложении с крестьян оброчных статей. По постановлению сибирского комитета 24 августа 1831 г., основанному на представлении Голенищева, 31 человек камчатских мещан были перечислены в крестьяне.

По его же представлению 6 августа 1828 г. Высочайше утверждено мнение государственного совета о предоставлении камчатским купцам в течение 10 лет права заграничной торговли наравне с купцами первых двух гильдий с дозволением вывозить из Камчатки внутрь Сибири все иностранные товары, кроме чая и разного рода крепких напитков. Мера эта имела благотворительное влияние на весь северо-восточный край Сибири, значительно понизив цены на все жизненные потребности. Генерал-губернатор Восточной Сибири, видя всю пользу иностранной торговли в Камчатке, вошел с представлением о продолжении срока этой торговли еще на 5 лет, то есть по 6 августа 1843 г., на что и последовало Высочайшее разрешение 14 декабря 1837 г. Для облегчения же расчетов торгующих в Камчатке иностранцев с покупателями, им предоставлено было брать за товары русские ассигнации с тем, чтобы при уходе их судов из Петропавловской гавани они сдавали эти деньги в казначейство и взамен их получали квитанции с переводом на Петербург.

По журналу сибирского комитета, Высочайше утвержденному 24 января 1828 г., была сделана новая перепись инородцам, по которой оказалось камчадалов, способных платить ясак, 687, малолетних 744 и дряхлых и увечных 270. Оленных коряк 92, малолетних 49, дряхлых 33. Курильцев 19, малолетних 21, стариков 10. Главнейшее занятие камчадалов заключалось в промысле соболей, лисиц, медведей, волков и выдр; коряк — в разведении оленей и частью в промысле соболей и песцов, а курильцев — в промысле бобров и лисиц. По переписи этой причиталось с камчадалов гораздо менее ясаку, чем по прежней. Кроме того, по ходатайству Голенищева разрешено было собирать ясак только с наличного числа инородцев от 18- до 55-летнего возраста, по одному лучшему зверю с души.

В 1828 г. был в Камчатке неулов рыбы; но энергическими распоряжениями Голенищева, разославшего своевременно по острожкам порох и провиант, был предупрежден голод. Это обстоятельство подало ему мысль учредить на подобные случаи особый инородческий капитал. Представление его по этому предмету было утверждено, и 15 марта 1833 г. ассигновано для пособия туземцам 3 300 рублей. Капитал этот Голенищев увеличил продажей оставшихся от ясака соболей и лисиц.

Голенищеву камчадалы обязаны уничтожением тяготевшей над ними зависимости от местного купечества. По заведенному издавна порядку камчадалы приобретали от купцов все необходимые товары в долг с обязатель-

ством выплачивать его по окончании звериных промыслов. Но долги эти доходили до таких значительных размеров, что на уплату их недоставало всего годового промысла камчадалов. Голенищев запретил купцам отпускать инородцам в долг товары. Мера эта была полезна еще и в том отношении, что остановила развившуюся между камчадалами роскошь в одежде.

26 января 1828 г. сибирский комитет постановил высылать в Камчатку, согласно с ходатайством Голенищева, через каждые два года разные припасы, необходимые в домашнем быту жителей полуострова, и продавать их беднейшим жителям по тем ценам, по каким обошлись они казне. В 1838 г. морское министерство разрешило продажу эту производить в магазинах Петропавловского порта.

Голенищев входил с представлением об увеличении числа больниц в Камчатке, где инородцы постоянно страдают язвами, глазными и другими болезнями. При этом он писал в Иркутск, что в Камчатке только две больницы, отстоящие одна от другой на несколько сот верст, при которых только один медик. На этом основании ему разрешено было построить еще три больницы и прислано в Камчатку четыре медика.

Голенищев же представлял о необходимости увеличения содержания чиновников и духовенства. Насчет последнего он писал, что оно состоит из тамошних уроженцев и, не имея никакого образования, чванится своим сном и служит только тормозом к образованию, а потому и просил прислать в Камчатку священников более образованных. Детям же лиц духовного звания, скопившимся на Камчатке в значительном числе, просил предоставить избрать род жизни. Кроме того, представил о постройке церквей на границе Камчатской области к Ижиге, на восточном берегу в Дранкинском селении и на западном берегу — в Лесновском селении. Эти последние предположения Голенищева были также Высочайше утверждены 24 декабря 1827 г. Но постройка этих церквей продолжалась около 10 лет, и только в 1836 г. была освящена дранкинская церковь, а лесновская — в 1837 г. Кроме того, в это же время были построены церкви в Ижиге и Большерецке.

В то время, когда Голенищев хотел приступить к постройке новых церквей, камчадалские тоены укинского берега (восточный берег Камчатки от р. Озерной до р. Дранкинской называется укинским берегом по р. Уке, а от р. Тигиля до р. Лесной — полланским берегом по р. Поллану. — *Авт.*), боясь близкого с ним соседства духовенства, распустили между своими родичами слухи, что с постройкою церквей священники будут заставлять их после венчания при себе же исполнять супружеские обязанности. Слухи эти взволновали укинское население, и оно обнаружило сопротивление постройке дранкинской церкви. Голенищев разобрал дело, сменил несколько тоенов, а дранкинского, как главнейшего виновника, вытребовал в Петропавловскую гавань, где и заключил в тюрьму.

По распоряжению Голенищева был послан в 1830 г. в Тигиль капитан-лейтенант Кузьмищев для заведования этой крепостью. Двухлетнее его там пребывание ознаменовалось многими полезными преобразованиями в управлении тех инородцев. Он, между прочим, научил и приохотил их к огородничеству и, в особенности, к разведению картофеля.

С прекращением после Рикорда доставки соли из-за границы, она снова возвысилась в цене и доходила до 28 руб. за пуд. Голенищев просил предоставить доставку соли Российско-Американской Компании. Сибирский комитет 24 января 1828 г. утвердил это представление, и компания доставила 7 247 пуд. соли, которую продавали по 4 руб. 40 к. за пуд; но впоследствии увеличила и эту цену, и потому по постановлению сибирского комитета, Высочайше утвержденному 9 декабря 1830 г., соль приказано доставлять в Камчатку из охотского солеваренного завода.

В заведенной при Рикорде ремесленной школе Голенищев сделал некоторые преобразования. Со времени ее учреждения и по 1828 г. из нее выпущено было 26 учеников, из коих 1 выучился портному ремеслу, 2 столярному и купорному, 2 чеботарному, 1 котельному, 1 плотницкому, 2 кузнечному, 7 человек поступили в казаки, 6 в матросы, 4 уволены за неспособностью. Собственного дома школа не имела, а помещалась в казармах. В 1828 г. в ней было 8 учеников, которые кроме ремесел обучались и грамоте.

В 1828 г. генерал-губернатор сообщил министру внутренних дел, что в школе этой никогда не было определенного числа учеников, а потому и просил ограничить штатное число учеников 12-ю, с тем, чтобы оставить в пользу школы все положенное по штату содержание, то есть 2 075 р. При этом генерал-губернатор писал, что школа крайне необходима в Камчатке, как единственное учреждение для воспитания сирот.

Комитет министров журналом своим 29 декабря 1828 г. представление это утвердил с тем, однакож, чтобы выходящие из этой школы ученики употреблялись собственно для пользы жителей края, а не для службы, и потому положено было принимать в школу людей свободного сословия.

Голенищев, обратив особенное внимание на эту школу, встретил затруднение в учителях, и потому назначил учителями мастеровых из флотской команды. Но как морское министерство не дозволило ему отвлекать их от своих прямых обязанностей, то Голенищев просил иркутского губернатора выслать в Камчатку для этой цели кузнеца, слесаря и столяра из поселенцев. При этом Голенищев представил новый штат школе на 10 учеников вместо прежних 12 и просил разрешить ему накопившуюся от некомплекта учеников сумму в количестве 7 695 руб., а также и доходы, могущие быть от работ учителей и учеников, употреблять на улучшение школы, в которую предполагал принимать только детей местных казаков. Предположения эти были утверждены комитетом министров 24 октября и 7-го ноября 1833 г.

По просьбе же Голенищева о высылке 3 мастеровых иркутский губернатор распорядился назначить 10 человек мастеровых из ссыльнокаторжных; но Голенищев просил не заражать край подобными преступниками, и потому в мае 1833 г. были присланы требуемые им мастеровые из иркутского ремесленного дома.

В 1830 г. по распоряжению Голенищева сделана опись восточного берега Камчатки от Авачи до мыса Лопатки (опись этого берега была произведена в 1790 г. геодезистом Гилевым, но весьма поверхностно. — *Авт.*) на байдаре корпуса штурманов штабс-капитаном Ильиным. В следующем 1831 году он описал Авачинскую губу и берег от нея к северо-востоку до мыса Шипунского.

В 1835 г. штабс-капитан Скрыпов продолжал эту опись к северу до устья р. Камчатки.

10-го июня 1829 г. прибыл из Кронштадта в Петропавловскую гавань с разными грузами военный транспорт «Кроткий» под командою капитан-лейтенанта Гагемейстера. По сдаче здесь груза он отправился в Кронштадт. В половине августа 1832 г. прибыло в Камчатку другое кругосветное судно — транспорт «Америка» под командою капитан-лейтенанта Хромченко, которое по выгрузке доставленных на нем разных материалов 13 октября ушло в Кронштадт. Наконец, перед выездом Голенищева из Камчатки, 27 июня 1835 г. прибыл в Петропавловскую гавань тот же транспорт «Америка» с разными грузами под командою капитан-лейтенанта фон-Шанца. Сдав груз на бриг «Елизавета», транспорт отправился обратно в Кронштадт.

По прослужении 5 лет Голенищев просился съездить в отпуск в Петербург, где предлагал лично представить свои соображения о разных нуждах края и затем возвратиться в Камчатку, чтобы прослужить там еще пять лет. Но генерал-губернатор, пользуясь этим случаем, просил сменить вовсе Голенищева, *как человека беспокойного и строптивого*, тогда как Голенищев был всеми любим в Камчатке.

При вступлении своем в должность начальника Камчатки, Голенищев был в хороших отношениях с губернским начальством; но с 1831 г. по каким-то причинам отношения эти изменились, и Голенищеву приходилось нередко получать разные замечания и отказы на свои представления. Наконец в 1832 г. генерал-губернатор стал требовать от него подробных отчетов в расходовании денежных сумм, чего не делалось прежде, и запретил без его разрешения распоряжаться даже экстраординарною суммою.

На основании представления генерал-губернатора 15 января 1835 г. был назначен вместо Голенищева капитан 1-го ранга Шахов, который принял должность от Голенищева 11-го октября 1835 г.

По вступлении своем в должность Шахов донес генерал-губернатору Восточной Сибири, что предшественник его привел край в самое бедственное

положение и расстроил все прежние полезные учреждения. «Вся заслуга Голенищева, — писал он, — заключается в том, что он перед своим домом распланировал место для сада, расположил дорожки и куртины, развел церкви и насадил молодых тополей».

Такой отзыв о Голенищеве чрезвычайно дурно рекомендует Шахова. В этом поступке мы видим или желание Шахова выслужиться перед генерал-губернатором, который не благоволил к Голенищеву, или же выставить на вид свои заслуги. Шахов, как мы увидим ниже, далеко во всех отношениях стоял ниже Голенищева — человека честного, деятельного и справедливого, оставившего в Камчатке надолго добрую о себе память.

По проискам Шахова было наложено на Голенищева значительное наказание за недостаток казенной соли. Голенищев просил на пополнение этого взыскания взять его дом в Камчатке за 4 500 ассигн. для ремесленной школы.

В 1837 г. в Камчатке был неулов рыбы, заставивший камчадалов употреблять в пищу своих собак и всякую падаль. В особенности же голодали жители Лесновского острожка. Коряцкий старшина *Этек*, чтобы спасти их от голодной смерти, подошел со своим табуном оленей к острожку и дозволил несчастным страдальцам пользоваться его оленями безвозмездно до тех пор, пока не миновал голод. За этот человеколюбивый поступок Этек был награжден золотой медалью.

В 1836 г. по ходатайству Шахова были отправлены в Камчатку два ученика сельского хозяйства: Сорокин и Рычагов для наблюдения за хлебопашеством. Но во время Шахова один только раз удался урожай ячменя на Паратунских ключах. Сорокин пробыл в Камчатке 10 лет и большею частью занимался письменными делами у начальника Камчатки, а Рычагов все время пьянствовал.

Генерал-губернатор, осведомясь, что Шахов обращает мало внимания на хлебопашество, 11 января 1838 г. предписал иркутскому губернатору потребовать от него по этому предмету объяснение. Шахов 10 июня 1833 года писал, что виновен этому не он и просил нарядить следствие, которое могло бы раскрыть все беспорядки и злоупотребления Голенищева и обнаружить те благодетельные меры, которые придумал он (Шахов) в искоренение зла.

9 августа 1837 г. прибыл в Авачинскую губу 54-пушечный французский фрегат *Venus* под командою капитана Де-Пети-Туара и пробыл здесь 17 дней. Не имея никаких известий об отношениях России к Франции, Шахов не на шутку струсил от этого неожиданного гостя. С особенною энергиею занялся он постройкою временных батарей по чертежам Рикорда и приготовил их к действию. Но тревога была, как оказалось, напрасная, потому что фрегат пришел для географических изысканий. Офицеры фрегата хотели соорудить в гавани памятник Лаперузу; но Шахов вызвался сделать этот памятник на свой счет; однако он выехал из Камчатки, не исполнив этого обещания. И толь-

ко преемник Шахова Страннолюбский поднял этот вопрос, а министр внутренних дел испросил на это разрешение у Государя. Памятник был сооружен Страннолюбским в 1843 г. Он выстроен был по чертежу, составленному в Париже, из дерева и обит листовым железом. Деньги же, употребленные на постройку его в количестве 192 р., были взысканы с Шахова чрез морское министерство.

В 1837 г. Российско-Американская К^о вошла с представлением к генерал-губернатору о дозволении ей производить у камчатских берегов промысел бобров, который, по словам компании, должен был доставить *несомненную выгоду жителям Камчатки.*

Условия, предложенные компанией, заключались в следующем: 1) компания предлагает прислать в Нижнекамчатск 8 байдар с алеутами для производства вместе с камчадалами бобрового промысла по обе стороны Камчатки в течение 3-х лет; 2) за это право компания обязуется платить за каждую шкуру бобра первой величины по 100 руб., а за среднего по 50, оставляя в пользу промышленников мелкие шкуры; 3) за право же ловить бобров компания принимает на себя доставку для жителей Камчатки разных материалов по дешевой цене кругом света.

Но генерал-губернатор не дал по этому предмету никакого положительного ответа, потому что находил необходимым прежде получить соображения по этому вопросу лиц, знакомых с условиями тамошнего края. И разрешение на это компания получила, как мы увидим ниже, только в 1840 г.

В 1838 г. последовало Высочайшее разрешение о предоставлении в Камчатке беспошлинной торговли еще на 5 лет, то есть по 6 августа 1843 г. с тем, однакож, условием, чтобы крепкие напитки привозились только для чиновников и офицеров, а не для продажи.

Неспособный и дурной во всех отношениях начальник, Шахов был человек заносчивый и строптивый. Ненависть к нему была общая. Но, несмотря и на эти дурные качества, он, быть может, и прослужил бы кое-как свои обязательные пять лет, если бы он не столкнулся с тамошним духовенством, во главе которого стоял образованный, умный и хитрый протоиерей Прокопий Громов, который через иркутское епархиальное начальство успел вооружить против Шахова генерал-губернатора. Иркутский преосвященный сообщил генерал-губернатору, что Шахов не исповедается, не причащается, не держит постов, в царские дни не ходит в церковь и, наконец, будто бы ворвался однажды в баню в то время, когда мылось там семейство одного священника. На основании этих жалоб и других, полученных от подчиненных Шахова, генерал-губернатор Руперт в 1838 г. предписал начальнику Охотского порта Головнину отправиться в Камчатку и рассмотреть поступки Шахова, а также и все беспорядки, происшедшие во время Голенищева, о которых так усердно доносил Шахов.

Но в это время прибыл в Иркутск по делам упразднения Иркутского адмиралтейства и Байкальской флотилии и обозрения Камчатки и Охотского края адъютант начальника главного морского штаба князя Меншикова капитан-лейтенант Васильев, и потому Руперт оставил посылку в Камчатку Головина и передал все жалобы на Шахова на рассмотрение капитана Васильева.

Капитан-лейтенант Васильев по рассмотрении всех доносов на Шахова до поездки еще в Камчатку донес Руперту, «что важность жалоб на Шахова заставляет сомневаться в правоте его действий, а потому оставлять его на этом месте более вредно, чем полезно. По прибытии же моем в Камчатку надо ожидать новых на него жалоб. Обстоятельства эти поставили меня в затруднительное положение при разбирательстве начальника с подчиненными. Во избежание чего приемлю смелость просить об удалении Шахова от занимаемой должности, которая может быть замещена на время капитан-лейтенантом Шишмаревым, как способнейшим штаб-офицером».

На этом основании Руперт 12 июля 1839 г. предписал Шишмареву сместить Шахова по *расстройству умственных способностей*, как доносил он министру внутренних дел 13 июля 1839 г.

В 1839 г. прикочевали на Камчатку чукчи. Предводитель их Чинник принял православие, и примеру его последовало еще несколько человек его соплеменников.

Шишмарев управлял Камчаткою в течение года, и хотя по своим способностям он вполне был достоин занять место начальника Камчатки, но 11 октября 1839 г. назначен был вместо Шахова капитан 2-го ранга Страннолюбский, который прибыл в Камчатку 7 октября 1840 г.

Страннолюбский по вступлении в должность начальника обратил все свое внимание на улучшение быта жителей полуострова. Убедясь, что хлебопашество невозможно там в таких размерах, чтобы вполне обеспечить их продовольствие, он успел приохотить камчадалов к огородничеству, чему вполне благоприятствует камчатская почва и климат. Успехи его в этом деле были так велики, что в 1844 г. посев картофеля простирался до 1 596 пудов, а урожай до 20 015 пуд.!

Страннолюбский содействовал камчадалам в звероловстве, облегчив им способы к приобретению из казны пороха и свинцу, и постоянно выписывал для них по умеренным ценам винтовки. Учредил 30 удельных старшин для наблюдения за своевременным промыслом рыбы. Старался приохотить их к скотоводству. При нем было в Камчатке 1 564 головы рогатого скота и 289 лошадей. Уничтожил, насколько мог, между камчадалами обычай дарить мехами всех проезжих чиновников. Ввел у них оспопрививание, и в течение 1840, 1841 и 1842 гг. была привита уже оспа всем детям камчадалов.

В отчете своем об устройстве быта камчадалов Страннолюбский, между прочим, писал, «что камчадалы редко обеспечивают себя рыбой в должном

количестве, хотя улов ее почти всегда хорош, причем большею частию случается так, что если мал улов рыбы на Камчатке, то достаточен в других реках и наоборот. Лучшие рыбы: чавыга, кижуч, хайко, красная и горбуша. Ход рыбы продолжается с мая по ноябрь. Рыбу обыкновенно солят, вялят и квасят в ямах. Квашеная рыба преимущественно употребляется для собак. Промысел нерп и тюленей производится во всей Камчатке; в особенности же в Олюторской губе. Мясо их камчадалы едят, а кожи употребляют на обувь, ремни для нарт и на собачью сбрую. Нередко случается, что на берег выкидывает мертвых китов, мясо которых камчадалы также едят, а жир употребляется на освещение, а нередко и в пищу».

Убедясь, что отправление в натуре подводной гоньбы есть одна из тягостнейших повинностей, отбываемых камчатскими жителями, которая разорила их, он представил генерал-губернатору проект о замене этой повинности вольным подрядом. При этом он полагал учредить на всем полуострове 61 станцию, и на каждой от 2 до 5 подвод, а всех 191 подвод, по две собаки в каждой. На содержание этих подвод предполагалось учредить со всех жителей Камчатки податного сословия особый сбор с 409 ревизских душ до 2 р. 85⁵/₇ коп. и с 884 душ инородцев по 1 р. 42⁵/₇ коп. с души. Но как этот сбор был недостаточен для покрытия всех расходов по почтовой гоньбе, простиравшихся до 6 310 р., то предлагал учредить постоянный ход почты только по одному восточному берегу от Петропавловского порта до Ижигинского округа; почтовое же сообщение по западному берегу вовсе уничтожить, оставив содержание подвод только для земских сообщений. При таком порядке требовались только 102 подвод на сумму 3 350 руб., остальную же за это сумму просил отнести на земский сбор. В 1842 г. генерал-губернатор утвердил гоньбу с подряда, но с тем, чтобы весь расход был отнесен на счет земских сборов Иркутской губернии.

Почтовый тракт в Камчатке идет из Ижиги на Каменское селение, и это пространство проезжают в 4 дня; отсюда по льду до вершины Пенжинской губы 3 дня; до р. Вевника 1 день; до селения Кички 2 дня; до Дранки 3 дня. Здесь дорога разделяется на две ветви: одна западным берегом Камчатки через Тигиль, а другая восточным через Нижнекамчатск. Через Тигиль выезжают в 14-ть, а через Нижнекамчатск в 13 суток. Из Ижиги же до Охотска при хороших обстоятельствах — в 16 суток. Почта же обыкновенно отправлялась из Петропавловского порта по тракту в Охотск один раз в год, в декабре, и еще раз летом на одном из судов флотилии.

Ясашных плательщиков считалось при нем 884 души (в 1835 г. на полуострове считалось камчадалов 2 700 душ; олюторцев 607; русских обоего пола 2 072 души; из них жителей Петропавловской гавани 900. — *Авт.*). Зверей вывозилось из Камчатки ежегодно соболей до 6 т. и лисиц до 1 500 штук.

При этом Страннолюбский доносил иркутскому губернатору, «что камчадалы не имеют никакого хозяйства, потому что их обирают купцы. С первым зимним путем отправляются они в путешествие по Камчатке и живут в острожках целую зиму, продавая камчадалам чай, сахар, дабу, китайку, табак, медную посуду и другие предметы. Все звери, какие только есть у камчадалов, переходят в руки купцов; причем лучшего соболя купцы оценивают в 15 р. ассигн., а дают за него товару только на 5 р. Обобрав таким образом камчадалов, купцы стараются дать им еще что-нибудь в долг, с тем расчетом, чтобы и весь будущий их промысел попал к ним в руки». При приведении в известность долгов камчадалов оказалось, что одному приказчику купца Шелихова камчадалы должны до 20 000 руб. Чтобы уничтожить это зло, Страннолюбский подтвердил запрещение Голенищева продавать камчадалам товары в долг более чем на 5 руб. на каждое семейство и прекратил прием прошений от купцов о денежных взысканиях с камчадалов. Кроме того, основываясь на распоряжении иркутского губернатора 22 июля 1839 г., чтобы весь ясак высылался из Камчатки лучшей доброты, не дозволил в 1840 г. купцам разъезжать по Камчатке до окончания сбора ясака. Купцы послали жалобу в Иркутск на Страннолюбского, и иркутский губернатор предписал ему отменить это последнее распоряжение.

Страннолюбский неоднократно представлял о необходимости уничтожения в Камчатке откупной системы, тяготевшей над ней с давнего времени. С 1839 по 1843 год назначено было ввозить в Камчатку для продажи ежегодно по 800 ведр спирту; но откупщик всегда доставлял его гораздо больше. Страннолюбский просил генерал-губернатора, если он не признает возможным уничтожить вовсе откупной системы, то, по крайней мере, ограничить лишний ввоз спирту. «Камчадалы, — писал он, — с каждым годом все более и более пристращаются к горячим напиткам, чрез что гибнут со своими семействами». Руперт сообщил ему, что уничтожить откупную систему он не вправе, а о соблюдении откупщиком условий сделано распоряжение.

12 ноября 1840 г. состоялось положение комитета министров о посылке от министерства государственных имуществ в Камчатку на два года агронома для собрания верных данных о климате и почве Камчатки и составления основательного заключения о том, какое хозяйство возможно и полезно на полуострове. Для этой цели был избран прусский подданный Кегель, которому положено было жалования по 857 р. в год, три пуда муки и 10 фунт. крупы в месяц на счет 3 803 руб., накопившихся в Камчатке от суммы, ассигнуемой на устройство там оранжерей.

В инструкции Кегелю, между прочим, было сказано: по прибытию в Камчатку сделать посев озимых хлебов. Делать опыты над разведением картофеля, гречихи, репы, брюквы, капусты и хлебных растений. Стараться развести яблоки и разные кустарные породы, свойственные климату, увеличить ско-

товодство и молочное хозяйство. Принять в свое ведение двух учеников садоводства и ремесленную школу, которую привести в лучшее устройство, и выучить учеников таким занятиям, какие могут быть полезны в домашнем быту тамошних жителей. Составить описание Камчатки в ботаническом отношении и вести в течение двух лет метеорологические наблюдения. В отношении почвы исследовать плодородность, составные части и глубину ее, а также и свойство подпочвы. На пути к Охотску осмотреть хлебопашество в Якутской области и Охотском крае. По истечении двух лет представить обо всем отчет министру государственных имуществ.

20 сентября 1841 г. Кегель отправился из Охотска в Камчатку на бригае «Камчатка», который разбился около Большерецка, и все семена, находившиеся при Кегеле, были подмочены, так что в 1843 г. взамен их были высланы новые. Весною 1842 г. Кегель с учеником Сорокиным отправился в путешествие по полуострову и, наскоро осмотрев его, представил министру Киселеву следующие свои соображения:

«Большая камчатская долина, защищенная с севера и востока высокими горами, соединяет в себе все удобства для поселения до 100 000 душ крестьян и развития хлебопашества, если только оказать поселенцам содействие к расчистке лесов и в снабжении скотом. Старый хутор основан на дурном месте и запущен. Ремесленную школу необходимо перевести на вновь устроенный им хутор на р. Камчатке. Завести кожевенные и мыловаренные заводы, чтобы не пропадали сырые кожи и жир. Перевести камчадалов с западного берега на восточный, очистить около их селений леса, развести домашнюю птицу, для чего необходимо уничтожить всех собак».

Страннолюбский и все камчатские старожилы, узнав о таких ложных убеждениях Кегеля, советовали ему не компрометировать себя подобного рода донесением; но Кегель, как ученый муж, пренебрег их советами, и даже в донесении своем присовокупил, что Страннолюбский во всем ему противодействует.

По приезде своем в Камчатку Кегель просил генерал-губернатора о высылке туда мастеровых и разного рода скота и о выдаче ему пособия за понесенные убытки по время крушения бригае «Камчатка». Просьба эта была передана на рассмотрение Страннолюбского, который донес генерал-губернатору, что высылка в Камчатку мастеровых и скота при настоящем положении дел совершенно излишня; что же касается до испрашиваемого Кегелем пособия, то, по отзыву командира бригае «Камчатка», все вещи Кегеля при крушении судна были спасены. «И, наконец, — писал Страннолюбский, — Кегель не более, как шарлатан, от которого нельзя ожидать никакой пользы».

Кегель, узнав о таком отзыве о нем Страннолюбского, начал писать беспрестанные на него доносы министру, который вынужден был написать генерал-губернатору, чтобы он сделал Страннолюбскому строжайшее замеча-